

Хозяйка кафе при академии магии

Мстислава Чёрная

Глава 1

Малышка тихая, проблем не доставит — так уверяла меня сестра жениха, прося всего пару часов присмотреть за ребёнком.

Даша, год и семь месяцев, довольно тяжёлая и крупная для своего возраста, уже минут пять методично лупит погремушкой по ножке кухонного стола. Колокольчик, запертый в пластиковый шар на длинной ручке, жалобно тренькает, Даша радостно хихикает, а я нарезаю хлеб — бутерброда с кофе захотелось.

Чайник закипает, и я переставляю его на стол, вынимаю баночку растворимого кофе. Обычно я пью зерновой, но такового в шкафах найти не удаётся, придётся довольствоваться тем, что есть.

— Я вернулась! — из прихожей раздаётся звонкий голос Риты.

Я отставляю баночку и, позабыв про чайник, выглядываю в коридор:

— О, ты быстро.

— Я старалась, — смеётся она. — Не хотела портить тебе весь день. Ещё раз извини, что так получилось.

Предполагалась, что с Дашей посидит бабушка, но бабушка в последний момент позвонила и, сославшись на давление, отказалась. У Саши, моего жениха аврал на работе, и в результате осталась я.

— Рита, брось! — закатываю я глаза. — Мы же практически семья.

Наша с Сашей свадьба через неделю, и Рита официально станет моей золовкой. Интересно, если я переделаю её в кузину, она не обидится? Каждый раз мысленно спотыкаюсь, вспоминая правильное название сестры мужа.

— Как вы тут? Даша... Даша!

Лицо Риты искажается гримасой первобытного ужаса. Я рывком оборачиваюсь, и моё сердце тоже уходит в пятки.

Даша... Когда стих звон погремушки?! Бить ножку стола Даше наскучило в самый неподходящий момент, и малышка заинтересовалась торчащей над краем стола чёрной ручкой чайника с кипятком, отпустила игрушку и, пока мы с Ритой разговаривали, успела забраться на стул.

Крошечные, но невероятно цепкие пальчики обхватывают чёрную ручку.

— Нет!

Даша ничего не понимает и упрямо тянет чайник на себя. Я молю всех богов, чтобы у неё не вышло, всё же ребёнку сдвинуть четыре литра не так-то просто, но Даша повисает на ручке чайника всем своим весом, и чайник опрокидывается.

Рита истошно кричит.

Я успеваю в последний миг. Одной рукой подхватываю Дашу под попу и перекидываю со стула на столешницу, ногами прямо в тарелку с нарезанным хлебом. В голове вспыхивает совершенно глупая мысль — прощайте, кофе и бутерброды. Второй рукой я дёргаю чайник в противоположную от Даши сторону. Получается — на себя.

Кипяток выплёскивается мне на запястье, на живот, на ноги. Я тоже кричу, но не от страха, а от боли, нога подворачивается, и я падаю ничком на пол прямо в лужу. Рита что-то говорит, кажется, зовёт меня. Наверное, я ненадолго выключаюсь? В себя меня приводит холодная вода, которую Рита щедро льёт на ожоги.

Даши в кухне уже нет.

— Потерпи-потерпи, — бормочет Рита как заведённая. — Скорая уже едет.

Я всхлипываю от боли.

...приход врачей...

...благословенное обезболивание...

...короткая поездка до больницы под вой сирен...

...химические запахи лекарств...

...белый потолок палаты и голос медсестры, чем-то похожий на голос Риты...

Восприятие дробится, яркие кадры застревают в памяти ранящими осколками. Или это вернувшаяся боль?

— Даша не пострадала? — первое, что спрашиваю я придя в себя вечность спустя.

— Шрамы заживут бесследно? — первое, что спрашивает Сашка, появившись в палате.

Ещё через день он приходит сказать, что перевёз мои вещи из своей квартиры обратно ко мне. Свадьба не откладывается, нет.

Свадьба отменяется, ведь моя внешность разрушена безвозвратно, и рядом со мной будет неприятно, я должна понимать...

Я в оцепенении смотрю на Сашку. Я думала, он любил меня, а оказывается, он любил приятную глазу оболочку, соответствующую его личным идеалам красоты. Если бы я располнела после родов, он бросил бы меня точно также? Или бросил бы чуть позже, когда мою внешность испортит сетка возрастных морщин? Сашка великодушно оставляет мне на память обручальное кольцо, ведь передаривать его другой девушке будет неуместно, обещает, что Рита обязательно навестит меня. На тумбочку ложатся ключи, мобильник, чтобы я не скучала и писала, если что-то вдруг потребует, и Сашка уходит.

Кипяток?

Ничто не обжигает больше предательства.

Остаток дня я тихо плачу, смываю слезами разочарование и горечь, и радуюсь, что жестокая истина открылась до свадьбы. Радуюсь, что Даша не пострадала, малышка точно ни в чём не виновата. Радуюсь, что мои ожоги оказались не так страшны, как можно было ожидать. Я обварилась не крутым кипятком, а всего лишь облилась горячей водой градусов шестидесяти-семидесяти, да и Рита сориентировалась быстро. Пересадка кожи не понадобится, а вот шрамы останутся со мной навсегда. Впрочем, их скроет одежда. Разве что щека и скула... Я радуюсь, что глаза невредимы. Остаться слепой — вот что по-настоящему страшно. А потом мне окончательно надоедает жалеть себя и оплакивать потери.

Слёзы по предателю лить? Не на ту напали! Я буду лечиться и мечтать.

Чтобы отвлечься, беру подмигивающий красным огоньком мобильник.

Надо же, два сообщения от Риты. В первом упрёки — если бы я не оставила чайник на краю, ничего бы не было, и это из-за меня с Дашей едва не случилась беда. Хм? В целом так и есть, это я оставила чайник в досягаемом для малышки месте. Но неужели обвинения нельзя хотя бы приправить лёгким сочувствием? Во втором сообщении, как насмешка, благодарность за спасение Даши. А ещё вопрос — не нужно ли мне что-либо подвезти? Если да, то Рита, конечно, постарается. Но Дашу оставить не с кем... Я всхлипываю, и меня разбирает смех.

Я хохочу над своей наивностью, над тем, что поверила, будто чужая сестра станет родной, если назвать её золовкой. Я смеюсь так, что прибегает напуганная медсестра.

— Я уже в порядке, — заверяю я, с трудом успокаиваясь, и утираюсь краешком пододеяльника.

Медсестра неодобрительно качает головой, даёт мне стакан воды, дожидается, когда я выпью, забирает и молча уходит, я остаюсь одна... Снова совсем одна.

Если от боли телесной избавляют лекарства, то от душевной — счастливые грёзы.

Неужели подлинная любовь бывает лишь в романах?

Значит так, я хочу: счастливый конец, захватывающий сюжет, который заставит меня забыть обо всём на свете и магию. Не надо мне про серую действительность, хочу в мир волшебства, длинных платьев, галантных кавалеров, очаровательных фамильяров...

Через пару минут поисков «Литнет» предлагает мне «Фаворитку герцога», и я погружаюсь в чтение

— вместе с главной героиней далеко за полночь выскальзываю из спальни в коридор, крадусь по лестнице. Дверь бокового крыльца скрипит, и я выбираюсь в сад, иду по извилистой дорожке. В какой-то момент облака на небе расходятся, открывают рогатый полумесяц. Ночь становится чуть светлее, и героиня замечает тень. Сестра! Шпионка и вечная пакостница. Рождённая от горничной, но принятая отцом, Ася люто завидует законной наследнице. Если Ася увидит, что главная героиня тайно встречается с герцогом, то обязательно поднимет шум и уж точно не упустит шанса уничтожить репутацию героини. Про беседку у пруда приходится забыть, встреча с герцогом сорвана, а между тем в доме происходит убийство, кухарка найдена мёртвой. На сцену выходит дознаватель... События раскручиваются — действительно захватывает!

Я всё же вынырываю в реальность. За окном темно, время близится к полуночи, и давно пора спать. Но так хочется узнать, что дальше! Я прочитала всего-то двенадцать глав. А впереди... Не удержавшись, заглядываю в эпилог — хочу убедиться, что история закончится, как мне нравится. Не хотелось бы разочароваться. Я пробегаю строки финала. Герцог и главная героиня преодолели все преграды, поженились, и молодая супруга уже ждёт первенца. Это так мило. Я довольно улыбаюсь, смотрю дальше.

Что?!

Дознаватель... Дознаватель, который мне понравился даже больше герцога, погиб?!

Не буду читать!

Я сердито выключаю мобильный и откладываю на тумбочку. Обидно...

Не знаю, сколько я таращусь в потолок, усталость берёт своё, и вскоре я засыпаю, чтобы проснуться под навязчивое гудение. Я щурюсь. Может быть, звук сам собой прекратится? Я не выспалась, с удовольствием подремлю ещё.

Постепенно до меня доходит, что это вибрирует мобильный. Кому я могла понадобиться в пять утра?! У людей нет совести?

Я беру телефон.

«Приложение Система 2.01 установлено. Запустить Перерождение?»

Что за...?

Я ничего не устанавливала. Вирус что ли схватила? Когда могла? Спать ужасно хочется...

Я широко зеваю, отмахиваюсь от сообщения, откидываюсь обратно на подушку и закрываю глаза.

Кажется, чтобы избавиться от выскочившего окошка, я выбрала «да».

Глава 2

Второй раз я просыпаюсь сама. Солнечный луч подобно шпаге пронизывает комнату от окна до двери, и с минуту я наблюдаю за танцем сверкающих пылинок. Никак не могу осознать, что в увиденной картине неправильно. Лепные завитки в углах потолка или деревянные панели, опоясывающие нижнюю половину стен? Может быть, полосатые тканевые обои?

Тесно. Комнатка похожа больше на каморку, чем на спальню. Я лежу на узкой кровати, кроме которой в крошечное пространство втиснуты несоразмерно большой шкаф-великан и комод, судя по заваленной столешнице, выполняющий роль не только собственно комода, но и стола, и прикроватной тумбочки.

Комната не моя, и, что хуже, я не представляю, как я в ней очутилась. Ничего общего с квартирой Риты. Помню, она просила присмотреть за Дашей, и я около часа развлекала малышку, а потом... Я почти хватаюсь за лицо, в последний момент останавливаю движение — хотя боли я не ощущаю, ничего хорошего, если я потревожу ожог. Воспоминания бьют по голове увесистой кувалдой. Перед глазами вихрем проносятся слепяще-яркие вспышки. Вот Дашка тянется к чайнику, который я неосмотрительно поставила на край. Вот я выдёргиваю Дашу, и кипяток проливается на меня. Вот Саша возвращает мне ключи и мобильник, прощается навсегда. То есть я в больничной палате? Однако комната ни разу не больничная.

И чувствую я себя странно — слишком хорошо для наполовину обожжённой.

Хм...

Я решительно откидываю одеяло, встаю, переживаю лёгкое головокружение и опускаю взгляд. Какая забавная ночнушка — рукава достают до самых пальцев, кончики ногтей едва торчат, а подол и вовсе будет волочиться по полу при каждом шаге. Ткань плотная, не просвечивает. Я не слишком

разбираюсь, но вроде бы натуральный хлопок. Меня кто-то переодел? Чтобы не наступить, приподнимаю подол и... Здравствуйте, приехали. Я точно помню, что левой ногой досталось особенно сильно, но почему-то нет не только повязок, но и следов ожога. Даже намёка на шрам нет. И щиколотка тонкая, тоньше, чем моя. Форма стопы аккуратная, незнакомая.

Как это возможно?

Я задираю сорочку выше. Живот тоже чистый. Смотрю на руку и не узнаю. Ощупываю лицо. Ничего не понимаю. Предчувствия самые дурные. Я оглядываюсь в поисках зеркала, проверяю ящики комода. То ли не вижу, то ли зеркала нет.

— Что происходит? — говорю я, а голос звучит чужой.

Меня пробирает озноб.

К окну я практически бросаюсь. Штора задёрнута не до конца, и щели, в которую бьёт солнце, вполне хватает, чтобы рассмотреть зелёные верхушки деревьев. Я смотрю на них с высоты второго этажа. Ухоженный сад, в глубине белеет крыша беседки и блестит водная гладь пруда. Ещё дальше, за кованым забором, трёхэтажный особняк с островерхой черепичной крышей.

Увиденное окончательно вводит меня в ступор. Смутная догадка брезжит на краю сознания, но я от неё отмахиваюсь, как от неприемлемо-фантастической. Вообще, рассуждать следует логически. Где бы я ни была, я не связана верёвками, не скована цепью. Похитители наверняка бы озаботились решёткой на окне, а раз ничего подобного нет, то... Мысль пробуксовывает, и я сдаюсь. Бессмысленно гадать и предполагать. Надо получить объяснения. Раз мне оставили свободу передвижений — я проверяю дверь, и она легко открывается — значит, можно надеяться на лучшее.

Но прежде, чем выходить, явно стоит переодеться, потому что, если моя дикая догадка верна... Нет, невозможно!

Я возвращаюсь к комоду, заглядываю в шкаф. Вот даже не удивлена — я не нахожу ничего привычного. В шкафу висят платья, вполне соответствующие антуражу и... моему вчерашнему мысленному запросу. Все без исключения платья длинные, и из-за длины их можно было бы принять за вечерние, но нет, видно, что повседневные, довольно скромные, скупо отделанные.

Перебирая, я натываюсь на платье цвета спелой вишни. Меня привлекает не цвет. К подолу платья прицепилась веточка с зелёным листком. В платье бродили по саду? Скорее уж, через кусты продирались. Я снимаю его с вешалки, прикладываю к себе. Размер ожидаемо мой. И не мой одновременно, потому что ещё вчера я бы в это платье не влезла, даже выдохнув не только воздух, но и полный набор внутренних органов. Поколебавшись, вешаю вишнёвое платье обратно и выбираю соседнее, жемчужно-серое с серебристой вышивкой.

Трудность возникает с бельём, которого в привычном моём понимании в комоду тоже нет. Я не представляю, что надеть под платье. Допустим, в шортах на завязках я опознаю подобие панталон. С чулками, как и с поясом для чулок, проблем не возникает, а вот дальше... Я кручу в руках коротенькую маечку-топик с очень длинными «ушами», которые надо исхитриться обернуть вокруг себя и завязать. Как именно их оборачивать, ребус почище загадки моего внезапного перемещения.

А чего, собственно, я мучаюсь? Вряд ли кто-то полезет ко мне под платье. Заворачиваю крест-накрест, а поверх «ушастой» маечки натягиваю рубашку длиной до середины бедра. Вероятно, теперь можно и платье надеть.

Во что обуться? На выбор четыре пары тканевых туфель на мягкой подошве, привязываются к ногам лентами. Мда...

Про причёску я вспоминаю в последний момент. С одной стороны, нет никаких внятных причин подбирать лежащие свободной волной внезапно посветлевшие волосы — из тёмно-каштановых ставшие средне-русскими. С другой стороны, если моя нереальная догадка верна, то, появившись без причёски я, вероятно, рискую опозориться... Словом, хуже точно не будет. Я быстро собираю низкий пучок и для надёжности втыкаю два длиннозубых деревянных гребня. Справляться приходится исключительно на ощупь.

Готово!

Перед дверью я останавливаюсь, крепко зажмуриваюсь.

Можно предположить, что неведомый шутник, пока я спала, нарастил мне пряди и перекрасил, но... Шрамов нет, рост уменьшился, телосложение другое.

Я выхожу в коридор, оглядываюсь и не знаю, радоваться мне, что никого не вижу или огорчаться.

Вдруг во всём доме никого? Или даже во всём мире. Глупости, конечно, хотя... Взгляд цепляется за картины: стены коридора украшают лесные пейзажи в настолько широких рамах, что создаётся впечатление, будто главная художественная ценность заключена не в полотнах, а в бронзовом окаймлении, и пейзажи висят исключительно с целью оправдать коллекцию рам. Я провожу пальцем по завитку — толщина слоя пыли покажет, как давно проводили капитальную уборку. Палец остаётся чистым, да и ковровая дорожка не выглядит затоптанной, скорее свежечыщенной.

Направо тупик и эркер, цветущая зелень в горшках на подоконнике. Я поворачиваю налево, и вскоре коридор выводит меня в холл, к парадной лестнице. Не обращая внимания на окружающую роскошь — что я, превращённых в музеи дворянских усадеб не видела? — я замираю на площадке перед верхней ступенькой и прислушиваюсь.

Страха почему-то нет, как будто мне его отключили. А может быть и вправду отключили или временно прикрутили на время перерождения. Я ведь дословно вспомнила, от какого сообщения отмахнулась ночью.

Внизу, откуда-то сбоку раздаются шаги.

Я отступаю за колонну. До конца сама не могу объяснить почему. Точнее, сперва я прячусь, а уже потом приходи понимание, что поступок верный — на людей сперва стоит посмотреть, незачем в лоб на них высказывать, морально не подготовившись.

— Господин Феликс, — раздаётся густой бас, — мой дом в полном вашем распоряжении. Действуйте на ваше усмотрение, но, повторюсь, очень прошу избежать огласки. Я рассчитываю на вас.

Вот и приплыли.

То, что я подозревала, подтвердилось. Перерождение в другом мире само по себе фантастика, но перерождение в мире романа... В мире «Фаворитки герцога», если быть точной.

— Благодарю за высокое доверие, барон, — безразлично откликается господин Феликс.

И тут до меня начинает доходить.

Барон — это отец главной героини. Получается... Здравствуй, папочка?

Я выглядываю из своего укрытия, но смотрю отнюдь не на барона. Мой взгляд притягивает господин Феликс. Не выдуманный, а настоящий, живой, из плоти и крови! Тот самый господин Феликс, который понравился мне во сто крат больше предназначенного героине герцога.

Господин Феликс резко вскидывает голову. Его глаза излучают яркий зелёный свет. В романе героиню пугало сияние нечеловеческой магии, но меня его глаза завораживают. Я не пытаюсь спрятаться, знаю, что каменная колонна зрению господина Феликса не преграда.

Он смотрит прямо на меня и не спрашивает, нет, утверждает:

— Синьорина подслушивает.

Эх, господин дознаватель, зачем же так сразу подставлять девушку под отцовский гнев?

Глава 3

Впервые за утро ко мне приходит страх, но этот страх неправильный.

Сам факт перерождения меня по-прежнему не беспокоит, как не беспокоит и то, что я, возможно, потеряла свою привычную жизнь навсегда. А вот последствия того, что я попала на подслушивании... Барон сверлит меня недобрый взглядом и, кажется, готовится отчитать. В лучшем случае. В худшем — наказать.

Ситуацию надо срочно исправлять, и я делаю шаг вперёд, приседаю в книксене. Срабатывает мышечная память, поклон я исполняю машинально.

Ох... А на какие ещё самовольные фортеля способно это тело?

Впрочем, пока жаловаться не на что, за непочтительное приветствие мне бы точно досталось, так что очень даже удачно, что моё новое тело знает о реверансах больше меня.

Я натягиваю на лицо лучезарную улыбку:

— Прошу прощения, господин, но я не подслушивала, — говорю я твёрдо.

— Полагаете, я слепой? — зелень его глаз вспыхивает ещё ярче.

К счастью, моя беззастенчивая ложь господина Феликса не разозлила, а позабавила. И, кажется, заинтересовала. Иначе с чего ему ко мне присматриваться столь пристально? Можно собой гордиться — не каждый способен смотреть в его сияющие нечеловеческим светом глаза и врать с самым честным взглядом. Хм, лишь бы не с глупо-влюблённым видом.

— Господин, я всего лишь услышала незнакомый голос и засомневалась, что допустимо перебивать серьёзную беседу своим появлением. Я хотела уйти.

— О? И что же вам помешало, синьорина?

— Я растерялась, господин. Я подумала, что если попытаюсь тайно уйти, я буду неправильно понята. Как сейчас, к сожалению.

Барон, слушая мои объяснения, расслабился и благодушно улыбнулся:

— Господин Феликс, позвольте представить вам мою дочь, Асю.

Что?!

Какую к чёрту Асю?! Разве я не главная героиня? Почему барон назвал меня именем этой змеи в сиропе — моей незаконнорожденной завистливой сестры?!

Или...

Рука-лицо! В романе у дочери от законной жены просторная спальня, отдельная гардеробная и будуар, к которому примыкает комната личной горничной. Как я могла проигнорировать очевидное и настолько ступить?! Я действительно Ася. Чёрт! Какое-то багнутое перерождение.

Господин Феликс не сводит с меня глаз:

— Леди, почему у вас такой вид, будто звучание вашего имени только что стало для вас величайшим откровением?

Моя реакция явно не остаётся незамеченной. Профи, чтоб его.

Сейчас господин Феликс вцепится в меня и не отпустит, пока не вытрясет правду. И про мобильник, и про Сашу, и про теорию возникновения Вселенной в результате большого взрыва. Угораздило попасться! Что же делать? Как ни странно, делать ничего не приходится.

Сам того не зная, барон приходит мне на выручку:

— Господин Феликс, Ася незаконнорожденная. Леди моя другая дочь. Ася, господин Феликс мой важный гость. Не докучай, пожалуйста.

— Да, прошу прощения.

Я сомневаюсь, стоит ли мне вернуться в комнату и хорошенько обдумать череду неприятных открытий или лучше спуститься? Вежливее, наверное, было бы уйти, но тогда господин Феликс может догнать меня и зажать в углу для допроса, я кожей чувствую его жгучий интерес. Я не готова к такому повороту. Конечно, господин Феликс может просто вызвать меня к себе, но это не то же самое, что быть пойманной прямо сейчас. Поэтому — к людям. По лестнице я буквально скатываюсь.

У меня были все шансы проскочить мимо.

Но я недооценила господина Феликса.

Ловкая подножка аккурат у нижней ступеньки, и я взмахиваю руками в попытке удержать равновесие. Барон хмурится. А господин Феликс галантно не позволяет мне упасть.

Его горячая ладонь задерживается на моей талии, и у меня перехватывает дыхание.

— Осторожнее, синьорина.

За показной доброжелательностью таится угроза, и господин Феликс теперь не отступит, пока не выяснит, что со мной не так. Я явно под подозрением.

Сдать бы ему убийцу, чтобы спровадить побыстрее. Но я понятия не имею, кто и зачем отравил кухарку — я не успела дочитать до тех глав.

И не исключено, что убийца как раз Ася. То есть я. Попала...

— Благодарю, господин, — улыбаюсь я и спешу убраться.

Я могу думать только о зуде между лопаток, пока пересекаю вестибюль. Господин Феликс провожает взглядом каждый мой шаг, и даже выступ стены не сможет защитить меня. Я поворачиваю и не останавливаюсь до тех пор, пока между мной и господином Феликсом не встанет вторая стена. Согласно роману, видеть он может сквозь только одну преграду. Я выдыхаю, оглядываюсь.

В коридоре я снова одна. Хорошо...Есть возможность привести в порядок взбаламученные мысли.

«Фаворитка герцога», да? Вот же! Слов приличных нет. И неприличных, кстати, тоже. В голове легко и пусто. Мысль на тему возвращения мелькнула и растаяла. А что я, собственно, потеряла? Долгое выздоровление, изуродованную внешность и разрушенную мечту о семье? Близких и друзей у меня нет. В пустой однушке меня не ждёт даже засыхающий кактус.

Единственное, что меня смущает — это сословное устройство общества. Окажись я главной героиней было бы чуть легче, она полноправная аристократка. А я... я дочь горничной. Причём отношение барона ко мне сложное. С одной стороны он не выбросил Асю в приют, нанимал ей няnek, учителей, одевал скромно, но дорого, звал дочерью. С другой стороны, официально он Асю не признал, и сейчас Ася синьорина с девичьей фамилией матери, живёт в доме отца на птичьих правах.

— Юная госпожа?

Я оборачиваюсь.

На меня смотрит большеглазая голубоглазка в платье цвета крепкого кофе. Чепец и белоснежный передник не оставляют сомнений — передо мной служанка. А значит, можно быть не слишком вежливой. Нет, я не собираюсь грубить, ни в коем случае.

— Я просто задумалась, — поясняю я спокойно.

Служанка лишь обозначает намёк на поклон и проходит мимо. В её руках пустой поднос. Я следую за ней на небольшом расстоянии, а дальше, ориентируясь на запах свежей сдобы, отыскиваю кухню. Согласно роману, обычно Ася завтракает со слугами.

Меня же интересует не только пища, хотя и она тоже, лёгкий голод уже ощущается, но прежде всего меня влекут сплетни. Смерть кухарки — и не будут обсуждать? Да в жизни не поверю! Я переступаю порог:

— Доброе утро.

Разговоры моментально стихают.

— Синьорина?

Я замираю. Читать в романе — одно. Столкнуться лично — другое. Ася завтракает на кухне — казалось бы, исчерпывающе. Если не учитывать, что за коротким словом прячется огромное помещение. Куда мне сесть? К кому обратиться? Сомневаюсь, что Ася лично копалась в кастрюлях половником.

Мда, врать мне придётся много. А как иначе? Признание в иномирном происхождении — прямой путь в клинику для душевнобольных.

Я нарочно спотыкаюсь об порожек, вскрикиваю и припадаю на одно колено, мимоходом ущипнув себя до боли. На глаза выступают настоящие слёзы, и я поднимаю голову.

— Нога..., — жалобно выдыхаю я, не в голос, но достаточно громко, чтобы меня услышали.

— Ох, госпожа!

Кажется, купились.

Ко мне на помощь приходит одна из служанок, помогает встать.

— Как вы, синьорина?

— Спасибо большое, всё в порядке, — отвечаю я, делаю шаг и вопреки своим же словам припадаю на ногу, почти падаю снова.

Так, не переигрывать! Мне совсем не нужно, чтобы «маленькая неприятность» дошла до барона или чтобы мне вызвали врача, который сразу определит, что моя нога в полном порядке.

Служанка придерживает меня за локоть.

— Юная госпожа?

— Мне бы, наверное, сесть, — улыбаюсь я. — Я побеспокою тебя?

Уловка срабатывает. Служанка помогает мне дойти до дальнего конца стола. Видно, что ведёт она меня к конкретному месту. Моему месту! Неужели сработало?

— Большое спасибо, — улыбаюсь я.

— Госпожа, есть омлет на сливках, каша с сухофруктами, творожная запеканка, — перечисляет служанка сегодняшнее меню.

Гибель кухарки на работе кухни не сказалась, ведь есть ещё повар, вторая кухарка. Словом, слуг хватает и далеко не все они были упомянуты в романе.

Я выбираю омлет.

Служанка, естественно, им одним не ограничивается. Омлет — основное блюдо. Дополнением идут зажаренные до золотистой корочки тосты, жирный мясной паштет и сырная нарезка. Чая служанка передо мной не ставит. Как и пахнущих корицей пышных булочек, на аромат которых я пришла. Пить хочется, но спросить я не решаюсь — это будет странно. Возможно, чай мне подадут после того, как я закончу с основным завтраком. Ладно, почему нет? В чём-то даже удобнее.

Распросы я откладываю. С набитым ртом не говорят — это раз. Возможно, девушки будут сплетничать между собой, а я послушаю — это два. И я с удовольствием принимаюсь за завтрак. Нежные кусочки тают на языке. Я ем неспешно, искренне смакую.

Но ни на секунду не забываю о главной цели — я должна разобраться в ситуации. И я имею в виду не только убийство, прежде всего — своё перерождение и туманное будущее.

Покончив с тостами, я от души хвалю:

— Невероятно вкусно.

— Спасибо, юная госпожа, — служанка забирает тарелки.

Я угадала, чай мне накрывают отдельно.

Я дожидаюсь, когда служанка поставит чайник и с недоумением спрашиваю:

— А почему все такие тихие сегодня?

— Госпожа, разве вы не знаете, что случилось?

Обмен сплетнями предполагает взаимное обогащение сведениями сомнительной достоверности.

— Не-ет, — осторожно отвечаю я и бросаю затравочку. — Правда, когда я спускалась, я увидела очень страшного незнакомца! Молодой мужчина, высокий такой, подтянутый, хорош с собой, но с зелёными глазами. Барон представил его как своего важного гостя. Что же произошло?

Глава 4

— Вы его видели?! Ой...

Служанка смущённо прикрывает рот ладонью.

В чём дело? Не хотят откровенничать при Асе?

По первым главам я не знаю о девушке слишком много. Змея в сиропе — да. Главную героиню ненавидит — да. Не без причины. Ася чувствует себя несправедливо обделённой и мечтает подставить законную наследницу, чтобы получить официальное признание и стать единственной дочерью барона. Погибнет сестра или, опозоренная, будет отправлена в монастырь, Асе не так уж и важно, хотя смерть предпочтительнее — чтобы наверняка, с гарантией.

Однако, насколько я помню, со слугами Ася не конфликтовала. И барону Ася вроде бы о проступках горничных никогда не доносила. Впрочем, если об этом не упоминалось в первых главах, то не стоит думать, будто доносов вообще не было. Мало ли...

Или, может быть, Ася не одобряла сплетни? По тексту, она скрупулёзно соблюдала этикет, чтобы превзойти сестру.

Как бы то ни было, сдаваться я не собираюсь.

Проигнорировав жест, я спокойно отвечаю на вырвавшийся у служанки вопрос. Раз ей любопытно — порадую. Глядишь, втянется в разговор:

— Видела! Он так на меня глазами сверкнул! — для пушшего эффекта я пошире открываю свои глаза и растопырываю пальцы. — Светятся будто свечи! Только не жёлтым, а изумрудной зеленью.

— Когда он на меня посмотрел, я думала на месте умру от страха, — жалуется «моя» служанка.

Есть!

— Важный гость приходил на кухню? — закономерно удивляюсь я, а на деле направляю разговор в нужное мне русло.

Остальные служанки быстро переглядываются:

— Приходил, — отвечает «моя». — Его господин барон пригласил.

— Он ведь не совсем гость. Он, — более разговорчивой оказывается рыженькая с полотенцем в руках, она наклоняется ко мне поближе и шепчет, — из дознавателей.

Пока ничего нового, увы.

— Даже так? Но...

— Сегодня на рассвете Кару нашли мёртвой.

— Она у лестницы лежала. Ужасно... На спине, руки раскинуты, и в потолок таращится.

— Кара? — повторяю я.

Набор букв внезапно обрёл имя. Посмертно... По спине пробегает холодок, а эмоциональная анестезия даёт сбой. Я в полной мере осознаю, что книжный вымысел стал моей живой реальностью, в которой умирают точно также, как и в родном мире. Я не знала Кару, до сих пор я даже не знала её имени, но мне искренне становится больно.

— Мы дружили, — всхлипывает «моя» служанка.

Я заставляю себя подавить подступающую истерику, благо заглушённые перерождением эмоции ещё не всколыхнулись в полной мере.

— Кару убили?

— Убили, синьорина. Нет сомнений — убили.

— Кто-то свой убил, — добавляет вторая служанка.

Почти все девочки успели собраться у стола.

— Сначала городскую стражу вызвали, как положено. Уж не знаю, о чём господин барон с офицером говорил, но стражи постановили, что Кара оступилась, с лестницы упала и виском о ступеньку стукнулась, только неправда это. Потому что, знаете, что коронер сказал? Он сказал «яд».

— Тиши ты, — шикнули на словоохотливую рыжую.

Она и бровью не повела:

— Что «тише»? Стража постановила, что это несчастный случай, но господин барон пригласил дознавателя. Даже дурак поймёт, что тут дело нечисто.

— Тише!

— А ещё..., — рыжуля мне на радость вошла во вкус.

— А ещё господин барон приказал помалкивать и обещал укоротить особо болтливые языки, — раздаётся от двери новый голос.

Окружающие меня девочки дружно вздрагивают и вспархивают испуганной стайкой, разлетаются по кухне. Некоторые ещё и головы в плечи втягивают, всем своим видом излучая вину и сожаления. В кухне воцаряется гнетущая тишина, нарушаемая лишь суетливым стуком ножа по разделочной доске и бульканьем воды в тазу посудомойки.

Я остаюсь за столом с чаем и сдобными плюшками.

У двери стоит... Тоже служанка, конечно, но положение её я не берусь определить сходу. Передник и чепец самые обычные, а вот платье у девушки не кофейного, а песчаного цвета, на несколько тонов светлее платьев остальных служанок. Презрительно фыркнув на напуганных отповедью девочек, она подходит к столу и садится неподалёку от меня.

— Чай для леди Эшли-Саманты.

Спасибо за подсказку, будем знакомы, личная горничная главной героини. В романе ты не казалась мне такой высокомерной. Или дело в отношении к Асе? Впрочем, уже не важно — раскрутить девочек на откровения повторно мне вряд ли удастся, а жаль, хотелось бы мне узнать больше подробностей.

Пока из нового только подробности гибели Кары. В главах, которые я успела прочитать, говорилось об ударе по голове, яд не упоминался. Точнее, упоминался, но в отношении дознавателя. Сегодня вечером господина Феликса попытаются отравить.

Надо выяснить, а до кухарки никто не умирал? Просто, как по мне, кухня и яд тесно связаны. Возможно, Кару убрали как исполнительницу или свидетельницу. Любопытно...

Допив чай, я поднимаюсь:

— Большое спасибо.

— Синьорина, как ваша нога?

— Уже намного лучше, спасибо.

Горничная сестры тихо фыркает.

Я игнорирую, прохожу мимо.

Куда теперь? Мне бы посидеть в тишине, осмыслить перемены. Наведённое спокойствие, теперь я отчётливо чувствую, что оно наведённое, трещит по швам. Невозмутимость, с которой я нырнула в гущу событий тоже куда-то испарилась. Разбираться в гибели служанки — это действительно то, что мне сейчас нужнее всего?

Я задумываюсь... Как ни странно, но да. Во-первых, теперь это моя жизнь. Во-вторых, господин Феликс, при всей моей к нему симпатии, для меня опасен, так что про восхищение пора забыть. Ау, голова, перерождение перерождением, но начинай работать! Мне срочно нужно... в библиотеку, знать бы где она. Увы, плана особняка к «Фаворитке герцога» не прилагалось, а если бы и затесался план в иллюстрациях, я бы только у виска пальцем покрутила. Придётся искать. Первый этаж... Я перебираю в уме, всё, что удаётся вспомнить о планировке. А! Есть идея. В романе упоминалось, что с библиотекой граничит Зелёная гостиная, которая совершенно точно расположена на втором этаже, в противоположной стороне от жилого крыла. То есть мне придётся прошмыгнуть мимо кабинета барона... Хм.

Представляю: крадусь я вся из себя красивая, за портьеру прячусь, чтобы не попасться, а господин Феликс прямо сквозь стену за моим шпионажем наблюдает. Вот умора. Если идти, то гордо и открыто. Но ауру мою господин Феликс всё равно заметит. Тьфу!

Пойти в обход? Я другой дороги не знаю.

Оставив сомнения, поднимаюсь, пересекаю холл и поворачиваю в коридор, ведущий мимо кабинета барона. Ошибка не исключена, но думаю, я всё же угадала. Сердце проваливается куда-то в пятки, но я иду, держась, как ни в чём ни бывало. В конце концов, совсем не обязательно, что господин Феликс таращится сквозь стену прямо сейчас.

Понятия не имею, за какой дверью кабинет. Я радуюсь, что ковровая дорожка глушит шаги. Я отчётливо понимаю, что беседа с дознавателем неизбежна, но... Пусть она состоится позже.

Никто не выходит, не окликает, и мне удаётся миновать коридор, а дальше мне и вовсе улыбается удача. Одна из горничных пучком перьев на длинной тросточке смахивает с ваз пыль, двери в комнату распахнуты. Одного взгляда на интерьер хватает, чтобы узнать Зелёную гостиную. Библиотека должна быть через стенку. И таки да, «Фаворитка герцога» меня не обманула, библиотека именно там, где обещает текст.

Я вхожу, прикрываю за собой дверь.

Книги мне пока не нужны, хотя выяснить, умею ли я читать, не помешает. Прежде всего мне нужны писчие принадлежности, бумага и тишина. Знание сюжета — вот моё преимущество, моё

сокровище. Надеяться только на память глупо, я не хочу упустить ни малейшей детали и предпочитаю довериться бумаге. Если писать кириллицей, получится тот ещё шифр, в сохранности тайны можно быть уверенной.

Присев за стол, подвигаю к себе чистый белый лист.

Как жаль, что я не успела дочитать. Я даже половины не одолела. В моём арсенале примерно треть глав и эпилог. Немало, но и не так уж и много, если учесть, что роман не об Асе, а о главной героине, леди Эшли-Саманте.

Итак, Ася сорвала сестре тайное свидание с герцогом — это факт. Я провожу под записью длинную горизонтальную черту, отделяющую прошлое от будущего. Следующее ключевое событие — отчаявшись справиться самостоятельно, Ася оплачивает покушение. На её беду бандиты её не «кидают», а отработывают заказ. Главную героиню спасает господин Феликс, он же находит неопровержимые доказательства вины Аси. Разгневанный барон предлагает дочери выбор: суд и каторга или вечное заключение в монастыре. Перспектива не вдохновляет.

Я чешу кончик носа. С одной стороны очевидно — не делай гадостей, и события развернутся иначе. С другой стороны — а всё ли так просто? Вот например... По словам служанок, коронер упомянул яд, однако, согласно первым главам, причиной смерти Кары стал удар по голове. Расхождение... Ан, нет, не расхождение. Удар в тексте упоминался исключительно в словах и мыслях персонажей. Получается, с покушением может возникнуть похожая ситуация. Нельзя исключать, что бандитов наймёт кто-то другой, а Асю, то есть теперь уже меня, банально подставят. Вывод напрашивается сам собой: просто не вредить мало, нужно позаботиться об алиби.

Эх, мне бы полный текст «Фаворитки герцога». Мне бы мой мобильник...

А?!

В ладони появляется знакомая тяжесть. Я рефлекторно сжимаю пальцы.

Мобильник, без сомнения мой: на корпусе косая трещинка и небольшой скол. Экран дружелюбно загорается.

Глава 5

«Перерождение завершено успешно».

Надпись растянулась во всю ширь экрана, и чтобы от неё избавиться, я нажимаю «галочку», иных вариантов просто не предусмотрено. Вирус поганый.

Мобильник проглатывает моё согласие, и надпись меняется:

«Душа, вам доступен приветственный бонус, один из списка на ваш выбор».

— Ты издеваешься? — устало спрашиваю я.

Похоже, что да, ведь молчание знак согласия.

Я не спешу, рассматриваю правый верхний угол экрана. Там, где раньше отображался уровень сигнала сети, пустота, символ исчез полностью. Вместо дуг вайфая непонятная спиралька. Время и дата сошли с ума, показывают что-то отличное от григорианского календаря. Радует уровень заряда — полный.

Открыть список? Нет, отложить. Система принимает моё решение, и надпись сворачивается в таймер. Ага, у меня есть больше часа, чтобы выбрать бонус. Ну-ну.

Интерфейс у Системы, как у ничем не примечательного приложения. Я быстро перещёлкиваю вкладки в поисках команды отмены перерождения. Знакомый мир и изуродованное шрамами лицо или приятная внешность в мире книги? Моё здравомыслие за первый вариант.

Никакой отмены я, естественно, не нахожу. Наивно жму «выход». Вряд ли столь простой ход вернёт меня в больницу, и действительно — приложение всего лишь послушно закрывается и остаётся на экране ехидной иконкой.

На пробу я пытаюсь позвонить по первому попавшемуся номеру, но даже экстренный вызов не проходит. Без особых ожиданий открываю «Оперу».

И тут меня поджидает самый настоящий сюрприз — страницы грузятся! Я могу написать сообщение?! Ага... Две минуты, и я убеждаюсь, что нет, не могу. Ни почта, ни мессенджеры меня не пускают. Логин и пароль принимают, а дальше занимают глухую оборону под лозунгом «авторизация невозможна».

Ладно, сдаюсь, пусть будет новый мир. Толку биться головой о стену?

Мне...

Проклятье, о чём я думаю? Мне нужен текст! Литнет открывается без проблем, я в два клика нахожу «Фаворитку герцога». Жаль, что читать без регистрации не слишком удобно, но это такие мелочи на фоне того, что я узнаю сюжет полностью. Я... Пора обзавестись карманной губозакатывательной машинкой. Вместо текста бессмысленный набор букв и цифр, как будто кодировка полетела, причём в других книгах ничего подобного и в помине нет, только в «Фаворитке герцога».

Я откидываюсь на спинку кресла, прикрываю глаза.

Тяжесть из ладони тотчас исчезает.

Дёрнувшись, открываю глаза — мобильник испарился.

И что это значит? Что я даже бонус упустила? Ничего полезного извлечь не успела...

Расстроиться я не успеваю.

— Синьорина, вы позволите?

Не дожидаясь согласия в кресло напротив опускается господин Феликс. Его зелёные глаза вспыхивают ярче.

Он расслабленно откидывается на спинку, почти копируя мою позу. Я же невольно напрягаюсь. Нашёл-таки. Неудивительно для того, кто засекает ауры.

Я склоняю голову к плечу и уговариваю себя не нервничать раньше времени. Господин Феликс профессионал, он обязательно почувствует, что я что-то скрываю, а мне этого совершенно не нужно, так что спокойнее...

— Как бы я могла вам запретить, господин Феликс? — отвечаю я вопросом на вопрос с нотками лёгкой насмешки.

Он прищуривается.

Интересно, что он может видеть в моей ауре?

— Вы знаете, что рано утром кухарку нашли у подножия лестницы мёртвой?

— Слышала от слуг.

— Вы так спокойно об этом говорите?

Хм...

Я пожимаю плечами:

— Мне очень жаль Кару, однако... смерть всегда где-то рядом.

Вот вы, господин Феликс, согласно сюжету до эпилога не доживёте, и ваша смерть трогает меня гораздо больше, потому что вы в этой истории мой любимый персонаж. Но вслух я вам, простите, не признаюсь, с ума я ещё не сошла.

— Синьорина?

— Печально всё это.

— Согласен. Что вы можете рассказать мне о Каре?

Ничего. Система подкинула мне знание языка, письменности, но воспоминаний настоящей Аси не дала, приходится довольствоваться крохами, почерпнутыми из «Фаворитки герцога».

— Кухарка. Одна из... Честно говоря, больше и сказать нечего. Обычная, ничем не примечательная, такая же как остальные служанки. Имела доступ к блюдам, подаваемым на господский стол, но это вы и без меня знаете.

— Скупое, синьорина. Кто, по-вашему, мог убить Кару?

— Не представляю.

Знаю, что ответ плохой, но иного у меня нет.

Господин Феликс отстукивает на подлокотнике неспешный ритм, улыбается:

— Синьорина, вы упрямо не хотите поделиться своими мыслями, и это огорчает.

— Мыслями? Сколько угодно. Кара побочная жертва.

Мои слова явно произвели впечатление. Господина Феликса выдаёт вспышка зелени. Сияние его глаз почти ослепляет, изумрудный свет на несколько секунд становится единственным, что я вижу. Я зажмуриваюсь, несколько раз моргаю. Зрение медленно возвращается в норму.

Господин Феликс сидит, подавшись вперед, и внимательно за мной наблюдает.

Мы встречаемся взглядами.

— Вы не бойтесь, — констатирует господин Феликс.

— Звучит будто обвинение, — усмехаюсь я.

Господин Феликс откидывается обратно на спинку кресла и лениво, с намёком на упрёк, тянет:

— Синьорина...

— Неискренняя улыбка вам совершенно не идёт, господин Феликс, — перебиваю я. — Но мы говорили о Каре, да? Мыслей у меня много. Отец не доверился офицерам стражи, не обратился к частному следователю. Он пригласил вас, господин Феликс. Значит, отец уверен, что за смертью Кары таится нечто опасное для семьи. Он бы не стал беспокоить вас из-за банальной ссоры слуг, обернувшейся трагедией.

Господин Феликс медленно кивает, сцепляет пальцы в замок.

— Синьорина?

— Я слышала, что коронер упоминал яд. Возможно, Кара свидетель или соучастник некоего преступления. Кто мог её убить? Кто угодно. Отравить, потом ударить, имитируя несчастный случай. Полагаю, кто-то не слишком опытный в подобных делах, потому что результат усилий не впечатляет. Или напротив, убийца хотел, чтобы о нём думали, как о неопытном.

— Что-то ещё?

— Яд и кухня тесно связаны, если иметь в виду, что яд собирались добавить в пищу.

— Ваше положение в доме, синьорина...

— Полагаю, вернее всего сказать, что я «запасная» дочь. Отец дал мне образование леди, но не дал статуса.

— Вас это задевает.

— Отчасти...

Асю задевало, меня — нет.

Я смотрю прямо, говорю правду и вновь усмехаюсь. Пусть господин Феликс считает, что у меня характер своеобразный. Конечно, легко его вокруг пальца не обвести, но временно... Может, зря я боялась встречи?

Главное, совсем сахарной лужицей не растечься. Потому что я была готова в книжного господина Феликса влюбиться, а уж вживую...

— Когда вы в последний раз видели Кару? Вы не замечали в последние дни ничего необычного? С кем Кара дружила? Вам не показалось, что у неё недавно появились деньги? — вопросы сыпятся один за другим. Обычные вопросы, каких и ожидаешь от дознавателя.

Я отвечаю, хотя чаще моё ответ сводится к «не знаю» и «не замечала». Господин Феликс шурится. Но я знаю, что ему показывает моя аура — я не лгу.

— Наблюдательность, цепкий ум и полная неосведомлённость. Странное сочетание, не находите, синьорина?

— Вряд ли самое странное из тех, с какими вам доводилось сталкиваться. Последнее время я не слишком интересуюсь делами в доме.

— Вот как? Почему?

— Меня начало беспокоить собственное будущее, а настоящее... Мне не на что жаловаться, я хорошо живу, однако моё положение мне не слишком приятно. Жаль, что я не смогла быть вам полезной.

— Спешите завершить разговор?

— Отнюдь. Вы приятный собеседник, господин Феликс.

— Вы не лжёте.

Я усмехаюсь.

Между нами повисает тишина, но меня она ни капли не напрягает. Это уютная тишина. И я, не скрываясь, люблюсь сиянием его глаз, лёгкой волной русых волос, правильными чертами лица, чётко очерченными губами, открытой шеей. Взгляд сползает ниже.

— Вы очень необычная девушка, синьорина.

Господин Феликс поднимается.

— Это комплимент или признание?

Он не отвечает, отворачивается и, не оглядываясь, уходит, потому что как девушка, я ему не нужна. Да и неуместно проявлять подобный интерес к дочери барона, пусть и незаконнорожденный, непризнанной.

Дверь захлопывается, и с минуту я неподвижно на неё таращусь. Перед внутренним взглядом его прямая спина.

Глупо, но... может, мне и не нужно в прежнюю жизнь? Да, действительно глупо.

Я спохватываюсь. Время же! Поймав мою мысль, мобильник возвращается в руку. Я нажимаю на иконку «Системы 2.01», и выскочивший таймер успокаивающе подмигивает — на выбор приветственного бонуса у меня остаётся ещё целых десять минут.

Надо же, мне показалось, что мы с господином Феликсом говорили дольше...

Я нажимаю на список. Таймер тотчас уменьшается в размере, уползает вверх, и на экране раскрывается перечень из четырёх вариантов.

Глава 6

Первым номером идёт клатч.

На фото сумочка выглядит вытянутым конвертом из блестящей графитово-серой чешуи. Простенькая. И скромные размеры не впечатляют. Однако, её главное достоинство не внешний вид, а внутренний карман расширенного магией пространства, увеличивающий вместительность в три раза.

— Пфф! — пролистываю я.

На что ноль ни умножай, нулём и останется. Тут и в триста раз увеличить маловато будет.

Хотя, конечно, вещь не бесполезная. На каком-нибудь великосветском балу. Только где я и где бал? Асе подобных развлечений сюжетом не предусмотрено.

Читаю дальше.

Под вторым номером идёт крошечный флакончик духов. Тоже волшебных. Описание обещает, что аромат на полчаса до небес поднимет мою притягательность для мужчин. Этакая безотказная помесь феромонов и приворотного зелья. «Примечание: нейтрализуется искренней любовью».

Хм, духи поинтереснее будут. Я не могу представить, где они пригодятся мне по прямому назначению, не соблазнить же господина Феликса в самом деле. Но вот как детектор чувств... Хотя почему бы и не соблазнить? Дикая, тёмная, далёкая от морали мысль, выползшая из самых глубин подсознания, пугает. Но и будоражит. Я облизываю разом пересохшие губы. Время тикает, надо принять взвешенное решение, а в голову лезут картинки фривольного содержания. Аж жарко становится.

Так, что там дальше?

Третьим в списке идёт путеводитель по Эспарту, королевству, ставшему местом действия «Фаворитки герцога». Путеводитель может оказаться как полезным, так и бесполезным, а выбор надо сделать за оставшиеся полторы минуты.

Последний пункт перечня — чёрный ящик. В смысле — лотерея. Выпасть может любой предмет, предлагаемый Системой к покупке. Да, я когда вкладки перешёлкивала, мелькнул каталог волшебных штук и штуковин.

А ведь это идея!

Нет, не в лотерею сыграть. После того, как Система пожадничала для меня роль главной героини и превратила в обречённую на монастырь Асю, я её щедрости категорически не доверяю. Выдаст какую-нибудь чепуху похуже клатча, его хоть продать можно. За дорого. Артефакт-то уникальный.

Я перешла во вкладку каталога. Сравню-ка я цены.

Клатч мне ни к чему, а вот духи... По слишком общему запросу открывается больше тысячи вариантов. Ругнувшись, я трачу драгоценные секунды, чтобы уточнить запрос, список сокращается до сотен. Духи, отдалённо похоже на бонусные, стоят двенадцать карат. Это что за валюта такая? Явно, не из «Фаворитки герцога». Системная?

Я пробиваю путеводитель по Эспарту.

«Душа, некорректное условие поиска. Требуется детализация: Эспарт является географическим названием мира вашего текущего перерождения?»

Время!

— Да! — выдыхаю я вслух, нажимаю.

00:23

00:22

Поиск срабатывает, каталог может предложить всего семь путеводителей, и цены начинаются от шестисот сорока карат.

Я возвращаюсь к списку бонусов.

00:14

Кликаю.

«Душа, поздравляем! Вы сделали прекрасный выбор».

Успела...

Надеюсь, я не ошиблась.

Погоня за халявой не мой стиль, но сейчас немного иной случай. Логика подсказывает, что если есть некие караты, то есть и способ их заработать, а накопить двенадцать карат явно легче, чем шестьсот, так что пусть у меня будет путеводитель. К тому же для меня сейчас даже крохи сведений о новом мире ценнее каких-то там духов.

Что дальше?

Я барабаню пальцами по подлокотнику и ловлю себя на том, что точь-в-точь повторяю жест господина Феликса. Эмоциональная анестезия, благодаря которой я спокойно восприняла перерождение, сходит на нет. Я чувствую себя весенней рекой, вырвавшейся из зимних оков ледяного плена, и со всей ясностью осознаю, что думаю не о том. Какие, к чёрту, бонусы? Какие сюжетные перипетии? Какой монастырь? Мобильник — вот ключ к происходящему! Ночью в больнице я согласилась на что-то очень нехорошее. Экран насмешливо светится.

Не выдержав, отбрасываю мобильник. Если он разобьётся, я вернусь домой? Чёрт, что я наделала?! Я вскакиваю.

В полёте мобильник исчезает.

И возникает вновь в моей руке целым и невредимым.

Я устало падаю обратно в кресло.

— Проклятье...

Мобильник отвечает вибрацией.

Я от неожиданности вздрагиваю. Не ожидая ничего хорошего, опускаю взгляд на экран.

«Звонок оператора Системы»

А?!

Это ещё что? Какой, однако, интересный эффект у броска. Нервно сглотнув, я дрожащими пальцами принимаю вызов.

— Да?

— Душа, доброго времени суток! Вас приветствует оператор Системы, — из мобильного раздаётся бархатистый баритон.

Голос мягкий, очень подходящий профессиональному вешателю лапши на уши. Слишком тягучий, слишком располагающий к невидимому собеседнику. Ещё и с приятными хриплыми нотками. Словом, голос, который хочется слушать вечно.

Я невольно кошусь на дверь. Библиотека для тайных бесед место не самое надёжное. Коридор у обитателей дома не пользуется популярностью, но горничные время от времени шмыгают мимо, да и барон может войти в любой момент, как и леди Эшли-Саманта. Вдруг их по закону подлости потянет на книги именно сейчас?

— Здравствуйте, — отвечаю я.

— Душа, зафиксирована попытка уничтожить носитель.

Почему я чувствую себя заложницей?

— Рекомендуйте больше так не делать? — криво улыбаюсь я.

— Что вы! Бросайте, топите в кислоте, бейте молотом. Носитель будет восстанавливаться в ваших руках по первому зову.

Так вот что это было, когда мобильник исчез, а потом появился, стоило о нём снова подумать.

— Господин оператор, перерождение можно отменить?

— Хм... Нет. Душа, с вашего позволения я дам более полное пояснение. Перерождение нельзя отменить, так как оно уже совершилось, но можно вернуть вас в вашу прежнюю жизнь, для этого нет никаких препятствий.

Неужели?

— Почему мне слышится «но» в ваших словах?

— Душа, вы согласились на перерождения. Пользуясь юридической формулой из вашей прежней жизни, вы сделали это, «находясь в трезвом уме и твёрдой памяти». Более того, вы не обременены ни долгами, ни обязательствами, у вас нет близких, ваше исчезновение никому не причинит боли. И, наконец, ответьте откровенно: вы действительно хотите вернуться, Душа? Я подозреваю, что вы руководствуетесь холодным расчётом и идёте против желаний своего сердца.

Хм, в яблочко попал, чёртов лапшевешатель. Сердце требует сделать всё, чтобы господин Феликс остался жив, особенно теперь, когда он предстал передо мной не набором букв, а живым человеком.

— То есть в возвращении мне отказано? — устало уточняю я.

— Душа, я всего лишь оператор. Я готов принять от вас жалобу, но предупреждаю, что рассматривать её будут специалисты Системы, и маловероятно, что вашу жалобу удовлетворят, по крайней мере я не вижу никаких зацепок, которые повернут дело в вашу пользу. Желаете подать?

— Нет.

Понятно, что меня не отпустят так просто.

— Душа, получить возможность вернуться можно иным, более прямым путём. Вы ведь уже открывали наш каталог. Помимо товаров, в нём представлены услуги. Вы можете приобрести как выбор следующего перерождения, так и полный выход из Системы.

— Купить? — переспрашиваю я.

— Абсолютно верно, Душа.

Что же, кое-что проясняется.

— Надеюсь, консультация оказалась полезной, — бархатный баритон вливается в уши сиропом, а мне чудится за сладостью едкая насмешка.

— Подождите!

— Душа, я могу помочь вам в чём-то ещё? Я буду рад..., — оператор переходит на совсем уж интимный шёпот, далёкий от делового стиля общения.

— Да, — твёрдо произношу я. — Объясните, что такое Система. Зачем кому-то нанимать операторов, юристов, переправлять души из мира в мир? Столько трат, усилий — ради чего?

Оператор кашлянул.

И замолчал.

Не понравился мой вопрос? Я опускаю руку, смотрю на экран. Вызов не сброшен, оператор на линии.

— Я спросила что-то экстраординарное? — насмешливо хмыкаю я и прижимаю мобильник обратно к уху.

— Душа, я потрясён, как быстро вы уловили суть. Я сейчас говорю это не как оператор.

— А как кто?

— Пусть будет, как мужчина, на которого вы произвели самое приятное впечатление.

Попытка прыгнуть с темы засчитана.

— Вот только, пожалуйста, вместо конкретного ответа не впаривайте мне третьесортные комплименты. Не ответите — не надо. Вряд ли я могу вас заставить. Но и ездить мне по ушам тоже не надо.

— Вы неподражаемы, Душа, — оператор рассмеялся низким грудным смехом, тёплой волной прокатившемуся по моему телу. — Извольте. Прибыль — вот ответ на ваш вопрос. Наверное, проще всего объяснить, используя аналогию. Представьте, что человек, ведущий малоподвижный образ жизни отправляется в тренажёрный зал и начинает заниматься. Очень скоро его тело изменится, окрепнет, нарастит мышцы. Вы пришли из мира, не знающего магии, ваша душа слаба. Занимаясь, вы нарастите, если так можно выразиться, «ментальные мышцы».

— И?

— Часть энергии, которую вы накопите, вы сможете обменять на товары и услуги нашего каталога.

Теперь понятно, зачем Системе понадобилось дарить мне приветственный бонус — всего лишь, чтобы привлечь моё внимание к каталогу и раздразнить аппетит. Очень уж товары соблазнительные. Как устоять и не купить чемодан, в который можно упаковать целый фургон всевозможного добра, при условии, что магия будет не только раздвигать пространство, но и снижать вес?

— А если я не стану ничего покупать?

— Ваше право, Душа. Прожить текущую жизнь и не совершить ни одной покупки — ваше безоговорочное право.

— И в чём подвох?

— Подвоха нет. Вы проживёте в этом мире полноценную жизнь и отправитесь на следующее перерождение.

Господин оператор, с честным видом втираете, что подвоха нет?

— Надо полагать, стартовые условия следующей жизни будут гораздо суровее нынешних? Никто не заставит меня тратить караты впрямую, но всегда можно действовать косвенно, через жизненные обстоятельства.

— Я восхищаюсь вашей незаурядной хваткой, Душа. Надеюсь, консультация оказалась полезной.

Спасибо, что выбрали Систему. Желаю вам приятных перерождений.

Мелодично звякает невидимый колокольчик.

Экран показывает, что беседа окончена.

Ругнувшись, я швыряю мобильник в стену и смотрю, как он, не долетев десяток сантиметров, исчезает. Повторно оператор, само собой, не перезванивает.

Глава 7

Из библиотеки я выхожу далеко за полдень, мобильник показывает без пяти четыре вечера. После установки путеводаителя время стало двойным: по Системе и по Эспарту, так что я ещё раз убедилась, что бонус выбрала лучший из предложенных.

Выхожу я с пустыми руками. Листок, на котором я успела записать ключевые события, прячется у меня в декольте, и я собираюсь листик сжечь при первой же возможности. Я не боюсь, что записи кто-то прочтает, они сделаны кириллицей, и я сомневаюсь, что найдётся гений, способный расшифровать иномирный язык, опираясь на пяток кривых предложений, однако я всерьёз опасаясь неприятных вопросов, которые господин Феликс обязательно задаст, если наткнётся на головоломный шифр, не поддающийся разгадке — так что сжечь, обязательно сжечь.

Воспоминания я доверила мобильнику, набила в заметках. Если от «носителя», как выразился оператор, пока не избавиться, пускай хоть пользу приносит.

Итог моих долгих размышлений неутешительный.

У меня аж три проблемы, и все три глобальные.

Билет на выход из Системы, пленницей которой я оказалась стоит, я посмотрела цену, баснословно — двести миллионов карат. Нет, дело не в том, что я хочу обратно в больницу, в искалеченное кипятком тело. Мне категорически не нравится отведённая мне роль. Роль дойной коровы.

Моё будущее в мире «Фаворитки герцога» тоже сомнительно. Мало того, что оно само по себе сомнительное, ведь я знать не знаю, для чего меня оставил барон, уж точно не из отцовских чувств, так ещё и по сюжету мне грозит вечное заточение в монастыре. То, что я не собираюсь оплачивать покушение на главную героиню, ничего не значит. У неё без меня врагов хватает. Бандитов может нанять кто угодно, а меня подставить.

И, наконец, что сейчас меня тревожит больше всего — сюжет обещает смерть господину Феликсу. Эгоистично пройти мимо? Не могу. Но и как помочь не представляю, потому что я не дочитала до глав, где рассказывается про его гибель. О его смерти я знаю только потому, что пролистала эпилог. Сказать: «Будьте осторожнее»? Он всегда осторожен. Безусловно, я предупрежу об угрозе. Не лично, чтобы избежать неприятностей, а отправлю анонимку. Что ещё? Скорее всего, одну покупку в Системе я сделаю...

— Добрый вечер, — вежливо киваю я служанкам.

Увлёкшись, я пропустила обед. Желудок требует наверстать, и я пришла на кухню.

— Юная госпожа?

— Найдётся что-нибудь перекусить? — улыбаюсь я и усаживаюсь за стол на прежнее место.

— Синьорина, вы изменяете своим привычкам?

Я бросаю взгляд на бойкую служанку и замечаю в её взгляде отнюдь не удивление. Злорадство?

Измена привычкам в день убийства вызывает подозрения, не так ли? А умело запущенная сплетня в считанные часы превращается в уверенность, что это я при толпе свидетелей забила Кару сковородкой.

— И? Ты не заметила, что сегодня все изменили своим привычкам?

Рыжуля ставит передо мной тарелку с супом:

— Синьорина, простите, но господа уже от обедали.

В бульоне плавают крупные четвертинки картофеля, красные котелки моркови, прозрачные луковые чешуйки, половинки яиц. По одному виду понятно, что порция мне досталась из котла для слуг. А намёк рыженькой мою догадку подтверждает.

— Всё в порядке, спасибо. Чаю, пожалуйста.

Суп оказывается довольно пресным, но вполне сытным, съедаю я с удовольствием.

Пока ем, не забываю исподтишка наблюдать за слугами. На кухню я пришла не только ради еды. Совсем скоро, за ужином, господину Феликсу подадут яд.

— Позови-ка ко мне её, — шёпотом распоряджаюсь я, кивком указав рыжуге на бойкую.

И обращаюсь в слух.

— Мади, тебя синьорина просит, подойди.

Расчёт оправдался. Будем знакомы, девочка-проблема.

Пользуясь тем, что бок прикрывает стена, я опускаю руку под стол. Одной мысли хватает, и в ладони появляется мобильник. Я наскоро дополняю заметки именем подозрительной служанки, сохраняю, и мобильник послушно исчезает.

— Синьорина, вы хотели меня видеть?

— Да, Мади.

Служанка вопросительно смотрит, но я как ни в чём ни бывало продолжаю пить чай.

Минута, вторая.

— Юная госпожа?

— М? О, я увидела всё, что меня интересовало. Можешь идти, Мади.

Если она причастна, начнёт нервничать.

Хотела бы я знать, яд подсыпят на кухне или уже в столовой?

Я допиваю чай, отставляю чашку.

— Спасибо, — нейтрально благодарю я, ни к кому не обращаясь.

Я поднимаюсь, выхожу из кухни, плотно закрываю за собой дверь. Очень надеюсь, что мне удалось остудить Мади, и она поостережётся выставлять меня убийцей. Впрочем, даже такие сплетни можно обернуть себе на пользу.

Скажи мне кто утром, что я добровольно пойду разыскивать господина Феликса, не поверила бы.

В доме я ориентируюсь плохо, поэтому выхожу в вестибюль и поднимаюсь по парадной лестнице. Я приблизительно представляю, где господские жилые покои, где гостевые. Моя спальня в коридоре для слуг, причём слуг среднего звена. Той же экономке явно полагается больше удобств. Хотя... а есть ли в доме экономка? В романе об этом не было ни слова.

Уверена, что барон выделил господину Феликсу рабочий кабинет неподалёку от своего, стало быть, мне достаточно встать на втором этаже в холле у окна, и рано или поздно господин Феликс меня заметит, с его-то способностью смотреть сквозь стены. А если господин Феликс осматривает дом, то опять же я попадусь ему на глаза, когда он будет возвращаться либо в кабинет, либо в гостевые покои.

Ожидание надолго не затягивается. Но результаты оказываются совсем не теми, на которые я рассчитывала.

В холл со стороны жилых покоев выходит личная горничная главной героини. Мы уже сталкивались утром, не самое приятное впечатление. Я притворяюсь, что занята видом из окна, но на самом деле слежу за горничной краем глаза. Ничего необычного, что она появилась в холл, мало ли какое у неё поручение. Но и без внимания её оставлять не стоит.

Предательство, приправленное перерождением, повлияло на меня не лучшим образом — подозрительной становлюсь.

Горничная замечает меня, останавливается. Я её игнорирую, но не она меня.

Она застывает, а затем круто меняет направление, подходит почти вплотную, и мне приходится обернуться. С одной стороны, в доме я юная госпожа, а она всего лишь служанка. С другой стороны, она личная горничная наследницы, а я формально никто, приживалка, которую, случись что с бароном, тотчас выкинут из дома.

Горничная главной героини приветствует меня лёгким поклоном:

— Синьорина, леди Эшли-Саманта приглашает вас.

Хм? Сюрприз, однако. В день убийства Кары главная героиня не сталкивалась с Асей, и уж точно не звала к себе. Встреча не состоится или сюжет отклонился от текста?

В романе Ася не торчала у окна. Горничная что-то заподозрила и решила мне помешать?

Отказаться я не могу, не в том я положении.

— Вот как? Зачем же сестра меня приглашает?

— Разве сёстрам для встречи нужен особый повод? — деланно удивляется горничная.

Я растягиваю губы в улыбке:

— Действительно.

Я ещё надеюсь, что появится господин Феликс и спасёт меня от нежелательной встречи, я нарочно не тороплюсь, иду медленно, однако, как ни стараюсь оттянуть момент, мы сворачиваем к жилым покоям. Горничная главной героини косится на меня, но не торопит. И взгляды на мой подол бросает. Точно! Милая, спасибо за напоминание, благодаря тебе я вновь сыграю «картой хромоты».

Горничная открывает дверь в будуар главной героини. По идее, горничная должна доложить о моём приходе, но я притворяюсь, что у меня снова подвернулась нога, взмахиваю руками и восстанавливаю равновесие уже на пороге. Горничная оттеснена в сторону, причём не за спину, а именно в бок, чтобы главная героиня не смогла её увидеть.

О, это было легче, чем я думала.

Я охватываю взглядом будуар. Мда...

Позолота на светлом бежевом с редкими мазками белизны, в своём жемчужно-сером платье я вписываюсь в интерьер неприметной деталью. Изобилие мебели создаёт ощущение тесноты, в будуаре не хватает воздуха и приторно пахнет розами. Коллекция фарфоровых кукол занимает целую стену. Неприкрытая роскошь особенно вычурно смотрится на контрасте с бедностью Асиной спальни. Надо быть святой, чтобы в таких условиях не возненавидеть. Или очень умной.

Пожалуй, я начину лучше понимать Асю. Ежедневно, ежеминутно она утыкалась в нарочито подчёркнутую разницу между собой и законной наследницей. Вряд ли маленькая девочка способная понять, почему сестре дарят очередную игрушку, а её отсылают прочь с пустыми руками. Только вот сегодняшняя Ася далеко не ребёнок. Девушка, отметившая своё совершеннолетие, она обязана думать головой и отвечать за свои поступки.

В кричащей роскоши среди обилия кресел, разноместных столиков и напольных ваз, я не сразу нахожу главную героиню. Я бы, наверное, и не нашла, но она сама поднимается и выдаёт себя движением:

— Ася? Зачем ты пришла?

А она красотка... Огненно-рыжая, сочная, с фарфоровым лицом, как у тех кукол на стене, и нежным голосом певуньи.

Не удивительно, что она привлекла герцога.

— Я пришла? О, должно быть, это недоразумение. Твоя горничная сказала, что ты пригласила меня, но отказалась пояснять причины.

Я отодвигаюсь, и горничной приходится выйти. Если она рассчитывала объясниться, то я не оставляю и шанса, опережаю:

— Эшли, ни вини её, уверена, она не обманывала нарочно, а ошиблась. Ни в коем случае, больше не отвлекаю.

Мне надо найти господина Феликса до ужина, до того, как ему подадут яд...

Продолжать ждать у окна вряд ли хорошая идея. А что тогда?

— Ася, — летит в спину.

Я с запозданием реагирую на оклик, не привыкла я ещё к звучанию своего нового имени.

— Да?

Леди Эшли-Саманта тепло улыбается. Я знаю, что её улыбка — ложь, но не могу рассмотреть ни грамма фальши. Артистизм? Скорее воспитание аристократки.

— Сестрёнка, мы в последнее время так мало общаемся. Мне тебя не хватает. Пожалуйста, не сбегай, проходи. Я рада тебя видеть!

Что?!

Проклятье!

— Синьорина, — горничная приглашающе указывает на дверь.

И какой у меня выбор в этом доме? Кажется, я недооценила дуэт госпожи и слуги. Горничная буквально парой жестов показала, что нужно меня задержать, и леди Эшли-Саманта включилась в игру.

— Ася? — зовёт она.

Я растягиваю губы в улыбке и вхожу в будуар. Угораздило попасться...

Глава 8

Добраться до предложенного кресла и по пути ничего не сбить — тот ещё квест.

Главная героиня отступает, освобождая место своей горничной, и та поспешно кланяется:

— Синьорина, прошу прощения, что ввела вас в заблуждение. Вы стояли в холле в одиночестве, и вы были настолько грустны, что я не могла пройти мимо. Говоря откровенно, если бы это были не вы, а кто-то другой, я бы решила, что вы ждёте гостя. Я взяла на себя смелость от имени моей леди пригласить вас, чтобы развеять вашу грусть и скуку.

Надо же, какая способная горничная: и ошибку свою оправдала, и госпоже причины объяснила.

Одного она не учла:

— О? Почему у тебя вдруг мысли о тайном свидании? Никто из нас, сестёр, не позволил бы себе подобное. Или я чего-то не знаю?

Жирный намёк на несостоявшуюся ночью встречу с герцогом заставляет главную героиню побледнеть. Горничная спешно меняет тему:

— Синьорина, как ваша нога? Может быть, я позову доктора?

— Нога иногда подводит, но не стоит беспокоиться.

— Ася, о чём ты говоришь? — охает Эшли, — Надо немедленно показать твою лодыжку доктору!

Я прищуриваюсь:

— Сестра, не нужно. Только подумай. Если странные мысли возникают, когда я всего лишь стою у окна, то что обо мне будут говорить, когда узнают, что вечером моя нога была в порядке, а рано утром — уже нет. Мне, признаться, не спалось, и я вышла в сад подышать свежим воздухом, оступилась.

Ещё вчера я главной героине сочувствовала, а сегодня мне приятно смотреть, как она зеленеет и стискивает пальцы в замок.

— Ася...

— Эшли, не страшно, если плохое будут говорить обо мне. В конце концов я всего лишь синьорина. Но я боюсь, что кто-то из-за меня начнёт плохо думать о тебе.

— Ты права, Ася. Для нас, незамужних девушек, репутация особенно важна. Ася, я собиралась попросить у отца разрешение отправиться завтра в храм, чтобы помолиться за душу Кары. Эта трагедия... она чудовищна. Как насчёт того, чтобы мы поехали вместе?

Зачем?

— Разумеется, Эшли.

Может быть, мы смогли бы прекратить вражду? Я уже совсем другая Ася, бороться с сестрой за

титул леди точно не намерена. Нет, получить полагающиеся аристократке привилегии было бы приятно, но у меня полно более важных дел.

— Ася, я получила альбом с эскизами вышивки и совершенно не представляю, какую выбрать. Давай посмотрим вместе? Я очень рассчитываю на твой совет. У тебя волшебное чувство стиля.

Одного не пойму, как горничная догадалась, что нужно мне помешать? Не влезть в мои дела, не проследить и подслушать, а именно помешать? А... может ли горничная быть замешана в убийстве? А сама главная героиня?

Эшли выкладывает на столик альбом, открывает, и на меня смотрит малиновый пион с левой страницы и пара певчих птичек на ветке — с правой.

Какая мелочная месть, если это, конечно, месть. Прежняя Ася завистью бы захлебнулась при виде недоступной красоты.

Стоит ли мне притвориться? Нет, уже поздно. Эшли уже видит, что жадный огонёк в моих глазах не то что не вспыхнул, он даже не мелькнул. Я придвигаю альбом ближе и начинаю лениво перелистывать страницы.

— Слишком яркий рисунок, он будет выглядеть вульгарно. А это даже не вышивка, это какой-то деревенский пейзаж, никуда не годится. Птицы? Но, Эшли, они изображены клюв к клюву. По моему, намёк недопустимый. Кстати, Эшли, я слышала, ты познакомилась с герцогом?

Я тоже умею кусаться.

Мои слова, в отличие от твоих, бьют точно в цель.

На щеках Эшли расцветает предательский румянец. С её рыжими волосами смотрится неожиданно мило.

— Ася, о чём ты? — удивляется она.

— М? Разве не с герцогом ты столкнулась в оперном театре?

— Я...

Сделать гадость или не сделать?

Ночью Ася сорвала Эшли тайное свидание, сейчас я подлила масла в огонь нашего противостояния. А, гори оно всё!

Ночью герцог собирался признаться, что он связан брачным договором и вскоре его невеста вернётся в столицу, однако признаться у него по очевидным причинам не вышло. Согласно сюжету, об обязательствах герцога перед другой девушкой Эшли узнает от светских сплетниц через несколько дней. Открытие станет для неё неприятным, но обрести счастье с любимым оно не помешает.

Мне надо о господине Феликсе беспокоиться, а не об Эшли, тем более существенного вреда я не причиню, только настроение испорчу.

— Я слышала, что вскоре в столицу вернётся его невеста. Очаровательная особа и весьма одарённая, завершает своё обучение в Кайтере. Говорят, она достигла невероятных высот мастерства.

— Невеста?! Ты лжёшь!

— Эшли, ты странно реагируешь. Как будто тебя зацепило.

— Ты!

— М? Я всего лишь делюсь слухами. Эшли, похоже, ты больше не рада моему обществу?

Дай уже мне уйти, а? У меня в планах господин Феликс, совместная поимка отравителя и жаркие фантазии. Эшли, честное слово, не до тебя.

— Конечно же, я рада! — фальшиво спохватывается она. — Ася, все недоразумения между нами от недостатка общения!

Чует, что я тороплюсь и держит всеми силами?

Придётся временно смириться.

В том, что яд господину Феликсу подадут на ужине, я уверена абсолютно. Не раньше, не позже. В заметках я чётко разграничила, что шло в тексте «Фаворитки герцога» как предположения и мнения персонажей, а что — как непреложный факт.

Асе из романа, как и мне, участие в семейной ужине не светит, а вот Эшли присутствовала. Почему бы мне не навязать ей свою компанию, раз уж она соскучилась? Провожу её до столовой, а там либо перехвачу господина Феликса у дверей, либо, если он уже будет за столом, знаком попрошу выйти ко мне.

Альбом я продолжаю листать с куда большим интересом. Эшли, сама того не желая, устроила мне экскурс в моду Эспарта и обогатила меня названиями лучших ателье, именами популярных модисток. Вряд ли мне новые знания пригодятся. Модные модистки работают с аристократками и убедить их сделать исключение для простолюдинки может разве что внушительная сумма вознаграждения. Но откуда у меня такие деньги? Зато я могу сопоставить услышанное о фасонах с нарядами в моём шкафу, да и вообще...

Всё же тряпки — универсальная девчачья тема. Эшли увлекается, да и то, что я её слушаю с искренним вниманием и интересом срабатывает. С платьев мы переключаемся на косметику, с косметики — на причёски.

— Эшли, почему ты не укладываешь волосы «короной»? Мне кажется, тебе будет к лицу.

— Это как?

— М-м-м... Хочешь, покажу?

Усадив сестру на пуфик, я сама распускаю её волосы, вслух восхищаюсь блеском и густотой, но без капли зависти. Несколько раз провожу щёткой, которую из спальни принесла крайне недовольная происходящим Филадельфия, имя личной горничной звучало раз пять, и я его запомнила.

Интересно, что Филадельфия не так? Может, она нарочно сглаживала сестёр? Надо обдумать... Но и банальные ревность или страх, что я нарочно испорчу гриву обожаемой госпожи, сбрасывать со счетов нельзя.

Плести французскую косу я научилась... ради Сашки, чтобы сделать приятное Рите, после рождения дочери скучавшей по укладкам у мастеров. Я отбрасываю неприятные воспоминания и сосредотачиваюсь на плетении. Прядка к прядке, причёска получается далёкой от совершенства, но для семейного ужина лёгкая небрежность в самый раз, скорее добавит шарма.

Я вставляю последнюю шпильку. Готово.

Эшли разворачивается к переносному зеркалу-книжке, которое из спальни принесла Филадельфия. Миг, и Эшли прижимает ладони к щекам.

— Ах!

Вертит головой, стараясь рассмотреть причёску со всех сторон.

— Моя леди, вам очень идёт, — вынужденно признаёт Филадельфия.

Эшли оборачивается.

И тут до неё доходит:

— А-а-а? Но... — Эшли поворачивается обратно к зеркалу, смотрит, и вид у неё становится беспомощный.

— Я угадала, тебе идёт. Думаю, Филадельфия поняла принцип и, потренировавшись на ком-то, сможет повторить. Я покажу медленно столько, сколько будет нужно.

— Ася, что на тебя нашло?

Эшли встаёт напротив и сверлит меня напряжённым взглядом.

Я пожимаю плечами:

— Эшли, смерть Кары, такая неожиданная, несправедливая, заставила меня на многое посмотреть иначе. То, что раньше мне казалось правильным, теперь выглядит глупостью. Между нами было много недопонимания по моей вине в том числе. Я бы хотела, чтобы оно осталось в прошлом. Я знаю, что ты не готова сходу мне поверить. Мне хватит, если ты однажды захочешь обдумать мои слова.

— Ты права, Ася. Я не верю.

— Всё в порядке. Будет желание — присылай Филу, научу её плести «корону».

— Хм...

Теперь можно я пойду господина Феликса ловить?

Видимо, нетерпение отражается на моём лице. Эшли подозрительно прищуривается:

— Конечно, я приму благие намерения моей сестры!

— Спасибо. И спасибо, что пригласила завтра вместе пойти в храм.

Посмотреть на город из окна экипажа, да ещё и в компании экскурсовода — удача из удач, лучше первой вылазки в «большой мир» не придумать.

— Моя леди, — вмешивается Филадельфия. — Скоро ужин. Важный гость господина барона, должно быть, будет присутствовать.

Обязательно будет, я читала.

— Ох..., — выдыхаю я.

— Ася?

— Эшли, а с тобой гость тоже беседовал? Его глаза...

— Ты забыла уроки?

— Я помню. Но слушать или читать — это одно. А самой под его взглядом оказаться — совсем другое.

— Он с тобой беседовал?

Я киваю.

Почему бы и не поделиться крохами информации? Спрашивает Эшли из праздного любопытства или у неё особый интерес, ничего важного я не выдам, буду упираться на впечатления. Очень надеюсь, что Эшли купится, и я смогу проводить её до столовой.

Мне следовало продумать план чуть лучше.

Мы спускаемся на первый этаж, и Эшли останавливается:

— Ася, с тобой, оказывается, может быть очень интересно! Извини, я обязана быть в столовой. И я не хочу, чтобы из-за моей болтовни, ты давилась остывшим ужином. Приятного аппетита и до завтра! Филадельфия, идите вместе. Если у Аси будет время, она покажет тебе, как плести «корону».

— Да, моя леди, — послушно склоняет голову Филадельфия.

— Приятного аппетита, — отзываюсь я.

Эшли разгадала мой манёвр?

Да или нет, уже не имеет значения. Время упущено, перехватить господина Феликса я не успеваю. Незаметно позвать его жестами не получится — Эшли не даёт пойти с ней. Остаётся лишь вариант грубо ворваться в столовую, но тогда объясняться придётся не только с господином Феликсом, но и с бароном. А как можно объяснить, что я ничего не знаю об отравителе, но знаю про яд?

Глава 9

Я позволяю Филе увести меня на кухню. Жаль, но...

Надо признать — в моём желании предупредить больше эмоций, нежели здравого смысла, потому что никакой реальной угрозы для господина Феликса нет. Собственно, господину Феликсу в ближайшие две-три недели ничего не грозит. По сюжету он погибнет только после того, как спасёт главную героиню от бандитов, а до этих событий ещё далеко.

В оригинале «Фаворитки герцога» яд подействует на него не больше, чем пара бокалов крепкого вина на обычного человека, ведь господин Феликс на четверть демон, именно примесь нечеловеческой крови выдаёт изумрудное сияние его глаз. Господин Феликс проспит почти до вечера следующего дня и встанет голодным, бодрым, крайне злым Хм... Всё же не как вино, но

близко.

Предупредить о яде правильный поступок. И в то же время ошибочный. Потому что у меня не будет иного шанса узнать правду. Выяснить, Ася убийца или кто-то иной, мне жизненно необходимо. Расклад ведь очень простой. Если в оригинальной «Фаворитке герцога» ядами баловалась Ася, то на ужине не случится ровным счётом ничего. Если же господин Феликс получит порцию яда, то я гарантированно вычеркну из списка подозреваемых одно имя. Своё имя.

Тяжёлый выбор...

— Синьорина? — окликает меня Фила.

— Эшли пригласила меня вместе посетить храм. Я лягу пораньше. Плести «корону» я научу тебя завтра. Хорошо?

— Спасибо, юная госпожа. Могу я спросить, откуда вы знаете такое необычное плетение?

В яблочко. У Аси ограниченный круг общения, ей неоткуда узнать.

— Случайно получилось, когда я пробовала делать себе разные причёски, — неопровержимая ложь.

За столом моей соседкой оказывается старшая горничная, Филе приходится прекратить ненавязчивый допрос, и я прощаюсь с ней вежливой улыбкой, нейтрально желаю всем присутствующим приятного аппетита. У самой аппетита нет, хотя одного супа, заменившего пропущенный обед, мало, чтобы почувствовать себя сытой.

Вяло ковыряясь в овощном рагу, я прикидываю, удастся ли мне сбежать от наблюдательной Филы. Если я поднимусь в свою спальню, она же не останется караулить под дверью, правда? Или не рисковать? Был яд или нет, я могу узнать утром.

Чувство вины твердит, что следовало ворваться в столовую и предупредить, невзирая на последствия. Ага, очень я помогу господину Феликсу, если меня обвинят в убийстве Кары и запрут в монастырь прямо сейчас.

Эй, Система, почему так сложно?

Рагу я доедаю через силу, отодвигаю тарелку и от второго блюда отказываюсь. Наесться на ночь вредно.

— Десерт? — предлагает рыжуля.

— О, точно, десерт!

Рыжуля, удивлённая моей бурной радостью, ошеломлённо кивает и через минуту приносит из морозильника клубнику, щедро залитую взбитыми сливками.

Я благодарю служанку.

Вспомнила! Если бы не десерт, эта деталь вряд ли бы всплыла в памяти. Эшли, как воспитанная леди не позволит себе показать, что взгляд господина Феликса её пугает, но, когда он откажется от чая и, извинившись, уйдёт первым, она выдохнет с облегчением. Я знаю, как подловить господина Феликса! Я выйду из кухни через две-три минуты после того, как лакеи понесут в столовую креманки с клубникой, и неизбежно столкнусь с господином Феликсом на лестнице.

По спине прокатывается озноб, принятое решение больше не кажется правильным.

Ха, а в этой ситуации вообще есть правильное решение?

Лично я его в упор не вижу.

Тяну взбитые сливки по капле, не чувствуя вкуса, выжидаю, и вечность спустя лакей уносит поднос с десертами. Я быстрее доедаю сливки, закидываю в рот последнюю дольку клубники, поднимаюсь из-за стола, ловлю пристальное внимание Филы.

Бесит! И не Фила, а собственный раздрай.

Я скомкано прощаюсь, разворачиваюсь и торопливо ухожу. Знаю, что выдала себя с головой, но ничего не могу поделать.

Проклятье!

Я выхожу в вестибюль. Слежки я не чувствую, но на всякий случай оглядываюсь. Вроде бы Фила из-

за угла не таращится — хоть это хорошо. И со временем я угадала, господин Феликс лишь немного меня опередил: я внизу лестницы, а он уже на верхней ступеньке.

Окликать его я, естественно, не буду. Подобрал юбки, бросаюсь в погоню.

Господин Феликс не успевает далеко уйти. Когда я поднимаюсь в холл, он лишь сворачивает в коридор. Я прибавляю шага и всё-таки решаю:

— Господин Феликс?

Он не реагирует, тяжело приваливается к стене.

Всё-таки яд. Облегчения, что Ася непричастна к отравлениям, а следовательно, мне не придётся отвечать за совершённое ею убийство, я не чувствую. Я чувствую себя полной дурой.

Никогда больше...

Разумно было бы уйти. Господин Феликс дойдёт до своих покоев, ляжет спать, а завтра вечером встанет уже полностью здоровым.

Но я больше не могу поступать разумно.

Я его догоняю:

— Господин Феликс!

Что я наделала?! Я должна была предупредить!

Я касаюсь его плеча, хочу заглянуть в лицо. Нет, надо не глупости спрашивать, а срочно звать барона, доктора...

Господин Феликс вздрагивает, рывком разворачивается и притискивает меня к стене. Нестерпимо яркая вспышка изумрудного света ослепляет. Я успеваю подумать, что на отравленного господина Феликса совсем не похож, скорее на глубоко нетрезвого, не зря я действие яда с действием вина сравнивала. Его горячая ладонь ложится на мою талию, а шею щекочет его порывистое дыхание.

— Ян? — называю я его по имени.

Наверное, странно, но я не испытываю ни капли страха, лишь беспокойство за господина Феликса, он явно не в себе. И ещё беспокоит, что мы в коридоре, причём близко к холлу. Фила или кто-то другой нас обязательно увидит.

Стена исчезает. Горячая ладонь скользит с талии на спину, господин Феликс притягивает меня себе. Крепко, не вырваться. И, с собой можно быть откровенной, не хочется вырваться. Второй рукой господин Феликс подхватывает меня под колени, пол уходит из-под ног.

— Ян, — повторяю я, вцепляясь в его плечо.

Безумие...

И первая сумасшедшая тут я, потому что я совсем не против происходящего.

— Моя льдинка, это ты? — охрипшим, но абсолютно ясным голосом спрашивает Ян.

— Что?

— Ты..., — удовлетворённо выдыхает он. — Твоя аура искрится будто льдинка в лучах солнца. Я никогда не видел подобной красоты. Другой такой быть не может, это точно ты.

Он опускает меня на пол и снова прижимает к стене.

Зрение медленно восстанавливается. Нет, зелень его глаз по-прежнему ослепительна, сияние будто разгорелось ещё ярче. Просто Ян больше не смотрит мне в лицо. Склонившись, целует в шею. И меня завораживает нежность прикосновения.

— Ян...

Остатков здравого смысла хватает, чтобы отметить, что мы больше не в коридоре, мы в спальне. В чьей — не знаю. Возможно, что в первой попавшейся, потому что порядок слишком идеальный для комнаты, в которой живут.

— Льдинка...

Новый поцелуй кружит голову.

Ян вдруг вздрагивает, сияние зелени пропадает без следа. Ян резко отстраняется.

— Леди Ася?!

— Я не леди, — ляпаю я совершенно неуместное замечание. Как он не вовремя очнулся... Даже обидно слегка.

Ян меня не слышит, на поправку никак не реагирует. Стоит зажмурившись, стискивает кулаки, дышит тяжело. Видно, что борется с собой. И побеждает.

— Ася, я... Я едва себя контролирую. Немедленно. Уходите, — рубленые фразы даются ему с заметным трудом, по его телу пробегает волна крупной дрожи.

— Ян, — повторяю я растерянно.

Даже полностью одурманенный, он способен остановиться. Больше того, он справился с собой ради меня. Он узнал меня...

— Ася, умоляю, уйдите. Я не хочу сделать вам больно. Я...

Как уйти? Я будто к полу приросла.

Ян покорила меня ещё тогда, когда я просто читала «Фаворитку герцога», наблюдала за ним в самых трудных ситуациях. Я знаю, какой он, знаю, что он надёжный, смелый, честный, мягкосердечный. А ещё я знаю, что на его сердце есть шрам: люди боятся его взгляда, и Ян бесконечно одинок. Сейчас, остановившись, Ян окончательно пленил меня. Какой мужчина мог бы с ним сравниться? Уж точно не Эшлин герцог.

Здравомыслие мне отказывает. Нет, я осознаю, что Ян знаком со мной всего несколько часов, знакомство наше самое поверхностное — какая может быть взаимность? Никакая.

Но я и не надеялась на ответную симпатию. Мне достаточно, чтобы Ян вышел живым, из смертельного переплёта, приготовленного для него сюжетом.

Пусть у нас будет всего одна ночь. Я пожалею, если уйду.

— Прости...

Я протягиваю руку и невесомо провожу подушечками пальцев по его щеке.

Ян ловит мою руку, жадно целует. Его самоконтроль слетает без следа, и Ян снова прижимает меня к себе, утыкается мне в плечо. Вспыхивает зелень, и я догадываюсь, что он снова открыл глаза.

— Лыдинка, что ты со мной делаешь, м?

Помогаю избавиться от камзола. Рубашка тоже лишняя.

С обувью Ян справляется сам, как и с брюками.

Когда мы успели добраться до кровати? И когда я успела лишиться платья? Осталась в нижней рубашке, натянутой поверх «ушастой» маечки и в панталонах. Чулков лишилась вместе с туфлями.

Ян затягивает меня на постель, бережно опрокидывает, нависает сверху.

— Лыдинка..., — шепчет он мне в волосы. — Лыдинка, останься со мной, пожалуйста! Ты такая красивая, ты сияешь..., — он говорит об ауре, не о внешности.

— Да.

— Ты остужаешь, — неожиданно признаётся он.

В каком смысле? У меня настрой самый что ни на есть романтический, а он зачем-то портит его загадками. Если подумать... Ян на четверть демон, он воспринимает мир не так, как чистокровные люди. В «Фаворитке герцога» упоминалось, что магам приходится напрягаться, чтобы увидеть ауру, а для Яна зрение в диапазоне энергий естественное. Видимо, моя аура и впрямь его успокаивает.

Ян укрывает нас одеялом и затихает.

— Излишнее благородство во вред, — ворчу я. Нельзя так девушек обламывать.

Ответом мне становится умиротворённое сопение. Я чувствую себя плюшевым зайцем, которого

подгребли под бок и используют в качестве дополнительной подушки.

Я прислушиваюсь к мерному дыханию, и сама не замечаю, как засыпаю в счастливом неведении, что рано утром из кровати меня выдернет взбешённый барон.

Глава 10

— Ты! Шалава бесстыдная.

Я нехотя разлепляю глаза и вижу над головой перекошенное бешенством лицо незнакомца. Я не выпалась, в мыслях туман. Я вообще не могу понять, где нахожусь и кто этот человек. По какому праву он ворвался туда, где я сплю, да ещё и оскорбляет? Мне так хорошо, уютно, тепло, а он всё портит.

— Сам такой, — вяло огрызаюсь я.

В голове чуть проясняется.

А я вообще где?!

— Что?!

Я отвлекаюсь от изучения чужой спальни и с удивлением смотрю на мужчину. Как это ему так хитро удаётся кричать на меня шёпотом?

Мужчина замахивается, явно намереваясь отвесить мне пощёчину, но опускает руку — кровать шире стандартной двуспальной, и ему до меня, лежащей почти в центре, банально не дотянуться.

— Сейчас же на выход, — приказывает он и, крутанувшись на пятках, выходит, обжигая напоследок зверским взглядом.

Жуть.

Я всё ещё пытаюсь сообразить, что происходит, обнаруживаю, что рядом безмятежно спит Ян. Его сейчас из пушки не разбудишь. И вот тут всё встаёт на свои места: перерождение, Система, любимый дознаватель.

Я перевожу взгляд на закрытую дверь. Хм, так это шипел Асин папочка? Что же, он не обманул моих ожиданий.

— М, Льдинка.

Вместо меня Ян ловит подушку, на которой я лежала, и снова затихает.

Я прикусываю губу. Надолго терпения барона не хватит. Лучше выйти самой, не дожидаясь, когда он вернётся и выволочет меня из кровати за ногу, с него станется.

Если я скажу, что между мной и Яном ничего не было, барон поверит? Ох, вряд ли.

Выпутавшись из-под одеяла, я зябко передёргиваю плечами, укрываю Яна. Во-первых, ему надо выпастись, чтобы полностью избавиться от воздействия яда. Во-вторых, будить, чтобы попросить защиты я точно не стану. Вчера Ян предлагал мне уйти. Я решила остаться, полностью осознавая последствия. Мне и отвечать. И уж точно я не буду требовать на мне жениться. Слишком подлый трюк, да и бессмысленный, в том плане, что мне важны чувства, а не кольцо на пальце. Вот если Ян захочет... Ведь что-то он в моей ауре рассмотрел, причём не вечером в коридоре, а днём в библиотеке. Я отмахиваюсь от пустых надежд.

Серая лужица платья растеклась по ковру. Я одёргиваю нижнюю рубашку, подбираю платье, встряхиваю. Я не привыкла носить вещи два дня подряд, но, похоже, придётся смириться. Ныряю в платье, быстро поправляю.

Дверь нетерпеливо распаивается, когда я вожусь с поясом.

— Я почти оделась, — объясняю я.

Какая досада, про умывание тоже придётся забыть.

Одну туфлю я нахожу быстро, а вторая спряталась. И чулки куда-то подевались. А терпение барона на исходе.

Наконец, беглянка обнаруживается под камзолом Яна. Тратить время на поиск чулков я уже не решаюсь, обуваюсь на босу ногу, благо туфли тканевые, сами по себе на носки похожи.

Оборачиваюсь. Ян продолжает сладко спать, и, глядя на него, я улыбаюсь. На сердце становится тепло. Вздохнув, убираю с лица эмоции и выхожу. Уже в коридоре я вспоминаю, что забыла собрать волосы, и сейчас они неприлично рассыпаны по плечам. А, к чёрту!

Я закрываю за собой дверь.

— И как это понимать? — резко спрашивает барон.

Неужели даёт мне шанс оправдаться? Я и не рассчитывала.

— Влюбилась.

— Влюбилась, едва увидев? И тотчас прыгнула в кровать?

— Звучит не очень, но я действительно влюбилась.

— Дрянь неблагодарная!

Я склоняю голову к плечу:

— Вы желаете говорить об этом на виду у всех? — спокойно уточняю я.

И моё спокойствие выбешивает барона ещё больше, он грубо хватает меня за руку и тянет за собой. Синяки, наверное, на запястье останутся. Я благоразумно не пытаюсь освободиться из захвата, а то ещё и пощёчина прилетит. Барон, оказывается, не прочь поднять руку на дочь. Может быть, для Эспарта в этом нет ничего предосудительного, но в моих глазах барон падает.

Мы проскакиваем холл, коридор. Барон распахивает дверь своего кабинета, рывком втягивает меня внутрь и, наконец, отпускает. Я невольно морщусь и с трудом удерживаюсь, чтобы не потерять запястье.

— Неблагодарная тварь, — повторяет барон.

Я молчу.

Пытаюсь понять, за что Ася должна быть благодарна. За то, что не выбросили в приют? Ну, если так оценивать, то да. Ася получила кров, содержание, образование. Но я привыкла, что родители воспитывают детей просто потому что это их дети, а тут великая милость получается.

Подтвердилось то, что я и предполагала — для барона я не дочь, а вложение средств с дальним прицелом. Уж какие планы он на счёт Аси строил, я не знаю, но в любом случае, про свои планы он может забыть, потому что теперь я товар порченный.

— Шалава!

Я жду.

Оскорбления меня не трогают. Да, неприятно, но не простолюдинке спорить с титулованным аристократом.

Главное, что пока всё разворачивается ровно так, как я и прогнозировала.

— У меня нет такой дочери, как ты, — сплёвывает барон. — Райан!

— Да, господин барон? — на зов выскакивает белобрысый тип в униформе лакея.

— Проводи синьорину к выходу. Отныне ей отказано от моего дома.

Даже не в монастырь? Пошла вон и сдохни с голоду? Мда, отец года просто. Я с трудом удерживаюсь от кривой усмешки и сохраняю на лице нейтральное безразличие.

Если подумать... В оригинале Ася выбирала между каторгой и вечным заключением в монастыре. Меня загнать в монастырь барон бы легко не смог.

— Синьорина, — подступает ко мне лакей, явно сбитый с толку моей реакцией. Точнее, её отсутствием.

Я не двигаюсь с места:

— Господин барон, — обращаюсь я строго по статусу, не упоминая отвергнутое родство, — смею заметить, будет странно, если у вас останутся личные документы посторонней дому синьорины.

— Документы? — ошеломлённо переспрашивает барон.

Я что-то не так сказала? Но аналог паспорта в Эспарте точно есть. Не может не быть.

— Да, — киваю я с прежней уверенностью. Куда я без паспорта пойду? Нет, пойти-то не проблема. Проблема в том, что я понятия не имею, как паспорт восстановить. В мэрии? В отделении стражи? Слишком много головной боли, да и нет у меня времени: сюжет движется вперёд, и с каждой секундой моё знание ближайшего будущего обесценивается.

— То есть вот так? — хмурится барон.

А чего ещё он ждёт? Мольбы о прощении что ли? Ну-ну, ждать будешь до посинения.

Я не упусти столь удобный шанс вырваться на свободу. Как бы я сейф с документами взламывала? А тут бывший папочка сам выдаст всё, что мне нужно.

Пожимаю плечами:

— Я не понимаю, что вы имеете в виду, господин барон.

Он всё ещё не верит, что я всерьёз готова уйти, качает головой и смотрит на меня так, будто видит впервые:

— Тебя не узнать, как будто ты и не ты вовсе.

Ха, барон, вы даже не представляете, насколько вы правы.

И именно поэтому, чем быстрее я уберусь от людей, которые знали прежнюю Асю, тем спокойнее мне будет.

Невозмутимо молчу, и барон кривится:

— Подожди в коридоре.

Победа!

Я исполняю прощальный реверанс и послушно выхожу. Белобрысый лакей остаётся в кабинете. Ему позволено знать, где располагается тайник с сейфом? Ан, нет. Лакей выходит почти сразу после меня и скрывается в направлении жилых покоев. Хм, неужели барон расщедрился выдать мне багаж? Странно...

Ждать приходится дольше, чем я предполагала. Барон не выходит сам и не зовёт меня, я подпираю стену. Минут через пять возвращается белобрысик, проходит мимо меня в кабинет. И ещё через пару минут, наконец, выносит плотную карточку размером с мою ладонь. На карточке мой портрет по грудь, и, удивительное дело, на изображении у меня серое платье и распущенные волосы. Я будто в зеркало смотрю, а не на картинку. Любопытно... О, оказывается меня зовут Талиася, а не просто Ася. В «Фаворитке герцога» полное имя ни разу не упомянули.

— Синьорина, я провожу вас.

— Благодарю, — усмехаюсь я.

Лакей смотрит на меня как на сумасшедшую.

Мы спускаемся на первый этаж в вестибюль. Я оглядываюсь и не вижу никого. То есть лакей не передавал служанкам приказ собрать мои вещи. Тогда какой же приказ он получил? Хотела бы я знать, ведь касается меня напрямую.

Ох, волосы! Я стягиваю с талии пояс и быстро закручиваю им хвост. Дрянь причёска получается, но идти с распущенными совсем уж неприлично.

Лакей распахивает для меня входную дверь.

Вот и всё...

Я спускаюсь по ступенькам. Короткая подъездная дорожка выводит меня к воротам. Почему-то мне кажется, что из окон дома за мной наблюдают, но я не оборачиваюсь, выхожу за калитку.

Здравствуй, новая жизнь.

Улица убегает в обе стороны. Пока мне всё равно, куда уйти, лишь бы подальше от чужих взглядов. Почему бы, например, не остановиться в тени кустов, растущих по ту сторону кованого забора? Как раз напротив утопающей в зелени беломраморной беседки, той самой, где должно было состояться свидание Эшли и герцога — какая ирония.

Мобильник прыгает в ладонь раньше, чем я успеваю облечь желание в мысль. Экран приветливо загорается, и я щёлкаю по иконке Системы.

Заставку сменяет основная вкладка.

Та-ак... То, что это моё первое перерождение в Системе, я и без них знаю. И то, что у меня на балансе ноль карат тоже без подсказок помню. Меня интересует раздел установленных дополнений. Оно у меня пока одно — путеводитель по Эспарту. Я открываю карту столицы, жму на «моё местоположение». На карте появляется красный маркер. Теперь «построить маршрут». Сложнее всего с конечной точкой. Мне нужна контора синьора Катц, однако ни адреса, ни полного названия конторы в «Фаворитке герцога» не было. Хватит ли путеводителю фамилии?

— Есть!

На карте вспыхивает зелёная точка, стрелочки прорисовывают маршрут. Двенадцать километров с лишним? Ну-у... Могло быть и больше, а так часа за три-четыре дойду. Остаётся соотнести карту с местностью. Я поступаю просто: прохожу двадцать шагов вперёд и смотрю, что отразилось на экране — расстояние, отделяющее меня от цели, сократилось на десять метров. Значит, направление верное, можно топать. И бояться за туфли. Тканевая подошва по мостовой...

Отвлечься от карты меня заставляет конский цокот и лязг ворот.

С территории особняка в мою сторону выворачивает экипаж. Больше того, экипаж не проезжает мимо, а, поравнявшись со мной, останавливается. Я непроизвольно отступаю на шаг. Нет, в похищение среди бела дня не слишком верится. Если бы барон что-то подобное хотел сделать, он бы сразу запер меня в подвале, а не отпускал. Но в то, что обо мне решили позаботиться напоследок, верится ещё меньше.

Штора на окне резко отдёргивается.

А, всё понятно.

— Ася? — с плохо скрываемым злорадством на меня смотрит главная героиня.

Глава 11

— Леди Эшли-Саманта, — приветствую я её.

Слышать от меня официальное обращение ей явно непривычно.

— Сестрёнка...

— Леди, господин барон отказался признавать меня дочерью. Мне кажется, будет не очень хорошо, если вы ради меня пойдёте против его воли.

Разумеется, ничего подобного Эшли делать не собиралась, мы обе это знаем, и потому моя фальшивая забота звучит издёвкой. Злорадство из её взгляда исчезает без следа. Судя по лицу Эшли, она никак не может понять, откуда у меня столько уверенности в себе, в своём ближайшем будущем.

Лично я тоже до конца не понимаю. Неужто Система продолжает шутить?

— Ася, брось. Прошу тебя, пока мы наедине, зови меня по имени! — Эшли мило хлопает ресничками.

Я же улавливаю совсем иное. Разве между нами предполагается некое «когда»? С чего вдруг?

Кучер спрыгивает с облучка, распахивает дверцу экипажа, и Эшли поспешно выбирается на опущенную ступеньку. Так и остаётся в проёме, возвышаясь надо мной.

— Ася, давай поговорим внутри?

— О чём же?

— Мне трудно понять, что произошло, но в том, что ты оказалась в беде, я уверена. Насколько это в моих силах, я помогу.

С чего бы?

Я бросаю взгляд Эшли за спину:

— Филя, доброе утро. Как твои дела? Разве не ты, сообщила господину барону, где именно я

ночевала?

— Ася! — с лёгким возмущением восклицает Эшли.

Похоже, я угадала.

Остаётся понять, зачем Эшли приглашать меня в экипаж.

Хотя... Может быть, я ищу подвох там, где его нет? Барон не признавал меня официально, но всё же моё существование для высшего света не было секретом. Возможно, Эшли не хочет, чтобы мой пеший поход стал главной сплетней недели.

Что же, я только за.

— Ася, ты обещала, что мы вместе поедem в храм.

Слишком настырно, ну да ладно.

— Обещала, — притворно нехотя соглашаюсь я.

Эшли приглашающе взмахивает рукой, отступает.

Я медленно забираюсь в салон: одновременно стараюсь не упустить из вида кучера и убедиться, что кроме Эшли и Филы в экипаже никого нет. На всякий случай.

Кучер захлопывает дверцу, и я как ни в чём не бывало сажусь лицом по ходу движения, а не рядом с Филой. Эшли застывает лишь на долю мгновения, справляется с собой и спорить из-за места она не решается.

Экипаж трогается. Я задвигаю штору на окне, но оставляю небольшую щель, чтобы контролировать улицу — я должна видеть, куда мы едем. По карте следить надёжнее, но светить перед Эшли иномирным мобильником я точно не собираюсь.

— Ася, разрешишь Филе помочь тебе с причёской? Я вижу, тебе пришлось быстро собрать волосы. Некоторые прядки выбиваются.

Перед храмом из экипажа мы выйдем вместе. Прекрасной леди не нужна спутница-чучело? Мне везёт!

— Спасибо, — улыбаюсь я, стягиваю с волос пояс и возвращаю на талию.

Эшли приходится пожертвовать для меня парой длинных шпилек, украшенных хрустальными висюльками.

— Ася... Ты не злишься на меня? — спрашивает она словно между прочим.

Пфф! Делать мне больше нечего. Я уже предвкушаю интереснейшую встречу с синьором Катц. Отчасти я даже признательна Филе за подставу, ведь если бы не она, я бы, с собой можно быть откровенной, побоялась вот так бескомпромиссно сжечь мосты. А сейчас возврата в дом барона нет, поэтому бояться нечего, ведь дорога мне открыт только вперёд.

— М? Я ещё вчера сказала, что оставила прежние глупости. Нет, Эшли, не злюсь.

— Я чем-то могу тебе помочь? Ася, только скажи!

Деньгами.

Не обязательно наличными. У Эшли много дорогих вещей, которые примет любой ломбард. Однако Эшли не спешит поделиться, она лишь пытается поставить меня в положение просительницы.

Я улыбаюсь:

— Нет, что ты. Спасибо, но не стоит беспокойства. Нет ничего, с чем я не могла бы справиться.

— Ася?

— Может быть, устройсь горничной?

В глазах Эшли вновь вспыхивает злорадство. Я отворачиваюсь. Она поверила? Как мило.

Фила выглядит настроенной более скептически, но, кажется, тоже верит, что я собираюсь устроиться слугой, просто не верит в успех задумки. И я с ней согласна. Настоящую Асю на моём месте не ждало бы ничего хорошего. В лучшем случае монастырь. А так... смерть от голода, продажа в

бордель.

Экипаж останавливается. По ощущениям ехали мы не больше четверти часа, так что можно не сомневаться — мы в одном из центральных районов столицы. За окном и правда здание, похожее на храм: его облепляют фигуры существ, порождённых чьей-то исключительной фантазией, ни одного квадратного сантиметра не оставлено свободным.

Кучер открывает дверцу, и Эшли первой спускается на мостовую. Я следую за ней.

Мы проходим под аркой, скрытой телами каменных ящеров. Взгляд цепляется за оскаленные пасти, неестественно выпученные на мордах глаза, за кривые изогнутые когти на лапах, за шипы на гребнях. Те ещё образины, но не признать мастерство скульптора невозможно.

Я ожидаю, что внутри храм будет не менее мрачным, чем снаружи, но я ошибаюсь. В нос ударяет тяжёлый запах пряных благовоний. Храм встречает величественной тишиной и ярким волшебным светом. Стены и свод сплошь покрыты мозаикой из цветного матового стекла, за которым скрываются горящие лампы.

Служителей не видеть. Вообще никого. Не удивлюсь, если мы единственные посетители.

Эшли приблизилась к нише в боковой стене. Занавесь, сотканная из серебристых нитей, скрывает белоснежную статую, будто паутина. Рассмотреть детали невозможно. Изображён некто похожий на человека, но многорукий, как паук. Эшли складывает перед грудью ладони лодочкой, склоняет голову и выдыхает, а затем вытягивает руки по направлению к статуе и раскрывает ладони. Повторить легко, я выполняю действие безошибочно и уступаю Филе. Горничная приветствует статую последней.

Втроём мы поднимаемся по довольно крутой лестнице на галерею, опоясывающую второй этаж, но увидеть главный зал с высоты не получается. По правой стороне тянется высокий и довольно широкий парапет, и карабкаться на него из праздного любопытства явно не стоит. Слева в стене на равном расстоянии друг от друга узкие проёмы, и два из них закрыты шторами.

Эшли кивает мне, словно прощаясь, выбирает первый же свободный проход и задёргивает за собой вход. Хм? Молитвенное уединение? Как сложно.

— Синьорина? — Фила замечает мою заторможенность.

— Да?

Я прохожу в следующий незашторенный проход, тоже закрываюсь. Очень не хватает подсказок, но пока вроде бы всё понятно. Я оказалась на крошечной площадке, и вверх уходит очередная лестница, для разнообразия винтовая. Кажется, снаружи я видела ряд похожих на свечи башенок, но из-за кишачих на фасаде каменных уродцев выступы было толком не рассмотреть. Я медленно поднимаюсь по ступенькам.

Лестница приводит меня в круглую каморку. Больше всего я опасалась наткнуться на служителя, я ведь понятия не имею, как его приветствовать и вообще как себя вести. К счастью, беспокойство напрасно, каморка предназначена для полного уединения. В наличии скамейка, укрытая цветастым покрывалом, на пол сброшены две подушки. Сесть предлагается лицом к нише. Да, белоснежная статуя неведомого многорукого существа есть и здесь, но размеры скромные, изваяние высотой не больше двадцати сантиметров.

Я оглядываюсь на лестницу — нет, «хвоста» нет. Да и зачем? Я догадываюсь, что Эшли задумала: когда я спущусь после молитвы, Эшли уже не будет в храме. Она приложит все усилия, чтобы со мной разминуться. И я с удовольствием ей помогу, потому что делиться своими планами с ней я точно не намерена.

Остаётся решить, сколько мне скучать в каморке

В ладони появляется тяжесть. Рефлекторно стиснув пальцы, я с удивлением обнаруживаю мобильник. Не поняла... Я же не звала. Ну-ка, кыш. Что за самоуправство?

Исчезнуть мобильник отказывается, отвечает мне вибрацией, а на экране загорается надпись:

«Звонок оператора Системы».

Сюрприз...

Я снова оглядываюсь на лестницу, пробегаю взглядом по стенам. А если меня подслушают?! Но не ответить оператору не вариант, придётся рискнуть.

— Слушаю.

— Душа, доброго времени суток! Вас приветствует оператор Системы, — бархатный баритон я узнаю сразу. На линии профессиональный вешатель лапши на уши.

— Господин оператор, какая приятная неожиданность, ведь у меня с нашей последней беседы успело накопиться столько вопросов. Например, расскажите мне, пожалуйста, куда исчезла душа настоящей Аси.

Глава 12

Моё согласие Система спрашивала. А Асю куда дела? Странно.

Оператор кашлянул.

Похоже, я уверенно иду к званию самого трудного клиента этого года.

— Душа, — мужчина особенно интимно тянет обращение.

Я, пожалуй, даже предвкушаю словесную дуэль. Оператор попытается сбить меня с толку, а я попытаюсь выжать из него всё возможное и немного больше. Чья возьмёт?

Оператор словно догадывается, что бархат его голоса оставил меня равнодушной, и грустно вздыхает, я почти верю в его искреннюю досаду.

— Душа, я не в праве открывать частную информацию, — после некоторого размышления выдаёт он, — однако я гарантирую вам со всей ответственностью, что вопрос был урегулирован, душа девушки добровольно отказалась от тела.

Хм, даже так? Чем же её купили? Впрочем, это её лично дело.

— Она может вернуться? — уточняю я.

— Невозможно без вашего согласия.

— Хорошо...

Причин сомневаться в заверениях оператора у меня нет. Вряд ли между мной и оригинальной Асей есть принципиальная разница. Если уж Системе требовалось моё, пусть и формальное, но согласие, то можно рассчитывать, что и с девушкой поступили условно цивилизованно, а больше беспокоиться не о чем, главное я узнала — Ася не вернётся в самый не подходящий для меня момент.

— Душа, от имени Системы я поздравляю вас с первым перерождением, ровно сутки вы находитесь в новом мире, и...

— Господин оператор, — перебиваю я его словоблудие, — почему из приложения невозможно связаться с вами по собственной инициативе? Я пыталась, но не нашла ничего, кроме кнопки для подачи жалоб и открытия споров.

Тяжёлый вздох, и мужчина объясняет:

— Душа, сожалею, но возможность обращаться в службу поддержки доступна только клиентам, потратившим в Системе не менее пяти сотен тысяч карат.

— Пол ляма?!

Ох-ре-нет. Что же, про статус vip-персоны можно смело забыть.

Оператор счастливо заверяет:

— Душа, бонус разового вызова службы поддержки вы получите после совершения покупок на сумму от сто карат.

Трать-трать-трать — я поняла, не обязательно повторять.

А мужчина, не теряя энтузиазма, продолжает:

— Душа, я рад убедиться, что вы благополучно осваиваетесь в новой жизни. Возможно, я могу помочь вам чем-то ещё? Вы полностью освоились с функционалом Системы?

Хм, какой хитрый. На одном выдохе «затёр» предложение помощи вопросом о работе с приложением.

— Да, разумеется, вы можете мне помочь, господин оператор! Ничего трудного, мне всего лишь

нужен полный текст романа «Фаворитка герцога».

Ну? Мне же с самого утра везёт!

— Эм... Душа, сожалею, но это также невозможно. Но я всегда рад беседе с вами. Надеюсь, консультация была хоть немного полезной. Спасибо, что...

— Господин оператор, не спешите от меня отделаться столь дешёвым трюком. Я обдумала наш прошлый разговор, и очень хочу поделиться с вами своими выводами.

Новый вздох и смиренное:

— Душа, слушать вас сладчайшее удовольствие.

Пфф, вообще-то словесный сироп лью отнюдь не я.

— Господин оператор, согласие на перерождение я дала, находясь в ожоговом отделении больницы. Если поднять мою карту, вы убедитесь, что я находилась под воздействием лекарств, в том числе и обезболивающих. Также нельзя игнорировать тот факт, что я была грубо разбужена сообщением Системы посреди ночи по местному времени. Моё «трезвомыслие» сомнительно. Более того, я дала согласие на перерождение, однако я не давала согласия на отчуждение карат. Будучи душой, заведомо незнакомой с теорией магии, очевидно, что я была введена в заблуждение кратким описанием услуги. Я желаю подать жалобу.

Судя по доносящимся звукам, оператор подавился воздухом.

— Я восхищаюсь вашим острым умом и невероятной хваткой, Душа, — медовая бархатистость сменилась наждачной жёсткостью.

Ха, спасибо за комплимент.

Но ведь очевидно же: он сам в прошлый раз рассказал, что в караты переводится доля от «набранной» душой энергии. Не вытягивается из души в момент оплаты товара или услуги, а именно «отщипывается», когда душа становится чуть сильнее. Пусть я дала согласие на перерождение, я не давала согласия на то, что Система будет постоянно меня «пить».

— Душа, должен признать, что при такой формулировке жалобы вероятность, что спор будет решён в вашу пользу, очень высока.

— Чудно. Примите жалобу, господин оператор.

— Душа, я обязан предложить вам мирное урегулирование спора. Если вы откажетесь от подачи жалобы...

— Пфф! — даже слушать не хочу. — С какой стати мне отказываться?! Вашему искусственному перерождению я однозначно предпочитаю естественное: младенцем без памяти о навсегда потерянных близких и друзьях.

— Душа, вы больше не хотите спасти жизнь господина Янера Феликса?

Я застыла, даже дышать перестала, боясь малейшим звуком выдать, насколько слова оператора меня зацепили. Впрочем, тишина была не менее красноречива.

Может, Система действует не только, как успокоительное, но и симпатию способна усилить? Хм, сомневаюсь, всё же я чувствовала, как Система удерживала меня от истерики, а сейчас нет ни намёка на постороннее вмешательство. И потом, чувства чувствами — а голова на что?

— Душа, не поймите меня неправильно. Я не пытаюсь вас шантажировать.

— Неужели?

— Душа, я прямо сейчас листаю «Фаворитку герцога». Сладкая муть, на мой мужской вкус, я бы предпочёл фантастический боевик с отстрелом инопланетных монстров из бластера. Кстати, вы могли бы приобрести перерождение, например, в дочь капитана космических пиратов.

— Боюсь, мне безразличны ваши предпочтения, — холодно прерываю я.

Оператор ухмыляется:

— Душа, вы раните меня в самое сердце, — ну вот, снова мёд и бархат. — Вы слишком жестоки!

— Да, я такая.

— Душа, события — это узлы в плетении причинно-следственных связей. Вы согласны с моим глубоко поэтичным описанием? Вы оказались в одном из узлов и можете начать менять окружающее вас полотно, однако гибель господина Феликса не связана с вами напрямую. Если вашу жалобу удовлетворят, вас вернут либо в исходный мир, либо отправят на естественное перерождение. Ваша душа слишком слаба, и не сможет без поддержки Системы находиться в пропитанном магией мире.

— Та-ак...

— Да, именно это я и пытался объяснить: если вы покинете Эспарт, то цепочка событий, ведущая к смерти господина Феликса останется неизменной. Хотя, опять же, небольшой шанс, что господин Феликс избежит смерти и без вашего дальнейшего вмешательства есть, ведь вы уже повлияли на события. Как видите, Душа, я ничего не скрываю.

Проклятье!

Если бы я додумалась до правильных аргументов вчера... Вчера я бы без колебаний подала жалобу, но сегодня, после ночи с Яном... Между нами не было физической близости, но была иная, в миллион раз более проникновенная. Наши с Яном ауры...

— Господин оператор, какова вероятность, что мою жалобу удовлетворят?

— Душа, я могу дать лишь приблизительную оценку. Девяносто из ста.

Проклятье!

— Десять из ста.

— Что?!

— Душа, во время разбирательства вас обязательно спросят, действительно ли вы хотите отказаться от нынешнего перерождения. И, поверьте, юристы Системы сумеют сформулировать вопрос так, то ваше сердце будет против ухода.

— И мне откажут на этом основании.

— Верно. Можно солгать словами, но не аурой. Вы желаете подать жалобу или отказаться от претензий и получить компенсацию?

Проклятье!

Судьба Яна меня волнует не меньше, чем своя. Глупо или нет, но это факт. И когда во время рассмотрения мой жалобы на мою болевую точку нажмут, я... проиграю.

— Скидка на выход, скажем, от семидесяти процентов и больше, в качестве компенсации меня устроит.

— Вне моей компетенции, Душа. Возможно, во время разбирательства...

Ясно, ни карата не уступят.

— Господин оператор, вы сказали, что листаете «Фаворитку герцога»?

— Да, Душа.

— Будьте любезны, почитайте мне вслух. Можно не с начала, пожалеем ваши голосовые связки.

— Сожалею, Душа, но не получится. Нет, с тем, что я буду читать вслух никаких проблем, но вы не услышите, для вас моя речь будет звучать иностранной тарабарщиной, звуковым шумом. Вы ведь, уверен, уже сталкивались с этим явлением, когда попытались открыть текст?

— Хм...

— Душа, я могу дать вам подсказку. Скажем так, я вижу, где и когда вам нужно оказаться, чтобы переломить неблагоприятный ход событий.

Чёрт-чёрт-чёрт!

Что делать? Рискнуть, подать жалобу и проиграть разбирательство или отказаться от претензий и получить хоть какую-то компенсацию? Разум говорит одно, сердце просит иного. А перед глазами лицо Яна, нежная зелень его глаз. Его нежность.

На глаза наворачиваются слёзы.

Я не могу отказаться от Яна.

Да, цена безумна, но... Я ведь не все козыри выложила.

— Дайте мне минуту на размышления, господин оператор.

Система, если подбирать аналогию, берёт налог с дохода. Энергия, которая в теории могла бы сделать мою душу сильнее, утекает мимо родного кармана. Но. Это ведь не прямой вред, так? Да, душа будет крепнуть медленнее, прикладывая больше усилий, чем другие, я буду получать меньше. Однако в родном мире я бы так и оставалась тусклой слабосилкой.

Хм...

Если я откажусь подавать жалобу на отчуждение карат, то позднее, тщательно изучив теорию магии, я, возможно, смогу подать более весомую жалобу — на причинение вреда.

— Душа?

Время на размышления вышло.

— Господин оператор, я согласна заключить сделку. Я отказываюсь от подачи жалобы на отчуждение карат без моего согласия при условии удовлетворительной компенсации.

— Я рад слышать, душа. Сделка заключена. Уведомление о компенсации поступит в течение суток. Что касается подсказки...

Я напрягаюсь.

— Господин оператор?

— Кайтер, Душа.

— Какое отношение дамская академия магии, куда мужчины не допускаются ни в качестве преподавателей, ни в роли слуг, имеет отношение к Яну?!

— Душа, надеюсь, консультация оказалась полезной. Спасибо, что выбрали Систему. Желаю вам приятных перерождений!

Мобильник исчезает из рук.

Я прикрываю глаза.

Я сделала ошибку? Интуиция успокаивающе шепчет, что нет.

Что же, пора вспомнить, зачем я согласилась на экипаж Эшли. Я вызываю мобильник обратно, запускаю карту. Расстояние отделявшее меня от конторы синьора Катца с двенадцати километров сократилось до неполных трёх. Приятно же!

А вот планы в свете новой информации придётся немного скорректировать.

Интерлюдия 1 Господин Янер Феликс

Сон давит, вдавливая в матрац.

Я плаваю в сладком мареве, но что-то неправильное заставляет напрячься и постараться вынырнуть. Я провожу рукой рядом с собой и натываюсь на пустоту. Да, именно пустота беспокоит меня не первый час, раздражает, как засевшая в пальце колючка кактуса. Маревое вязкое, туманит разум и обещает отдых без забот и тревог...

Чувство потери оказывается сильнее.

Я рывком сажусь, сминаю одеяло.

Чужаков поблизости нет, в помещении я один и за стенами тоже никого не вижу. Я осматриваюсь ещё раз, уделяя больше внимания обстановке. Я в незнакомой спальне, на кровати, разут и полураздет, цел, не ранен, не отравлен. Не отравлен? Т-с-с!

Вчерашний вечер восстанавливается в памяти кусочек за кусочком, словно мозаика. Я отчётливо вспоминаю начало ужина, воспоминания яркие до первой перемены блюд. Вторая перемена. Лакей подал мясо, посыпанное ароматной приправой. Я сразу заметил экзотические травы — южные специи не так безобидны, как считают обыватели, в руках мастера они легко превращаются в

дурман или даже смертельный яд. Я помню, как принюхался. Сочетание бездарное, но не опасное, особенно для меня.

На густой сметанный соус я не обратил внимания, зато сейчас отчётливо понимаю, что именно в нём припрятали растёртые семена ральта. Я почувствовал неладное, отодвинул соус, но было слишком поздно, «южная прятная симфония» начала действовать.

Меня хотели убить? Что-то не верится, что мастер, сумевший не только правильно сочетать специи, но и красиво замаскировать «симфонию», не учёл очевидное. Благодаря предку-демону я почти не восприимчив к растительным ядам

Если же предположить, что меня хотели убрать на время... Что же, у них получилось. Я опьянел от собственной взбунтовавшейся магии.

Память молчит, новые кусочки мозаики подкидывает неохотно. Так, прежде, чем дурман окончательно подействовал, я успел уйти из столовой.

А дальше...?

Наверное, ввалился в первую попавшуюся спальню и проспал до вечера.

Я встаю, подхожу к окну.

За окном яркий день, почти полдень, если судить по солнцу.

Что?! Как это возможно? Что могло успокоить взбесившуюся магию?

И почему меня разбудило чувство потери?

Я падаю в ближайшее кресло, закрываю глаза. Детское упражнение, с которым я давным давно распрощался, помогает сконцентрироваться. Я мысленно возвращаюсь в коридор, память приоткрывает чуть больше, я вижу каждый свой шаг... И будто вживую слышу звонкий оклик.

Меня угораздило столкнуться с Асей? Демоны, я ведь ничего ей не сделал?! Я впервые пугаюсь до дрожи.

Концентрацию срывает, я обнаруживаю, что стою на ногах, комната залита зелёным светом, нестерпимым для глаз чистокровных людей. А в руках я сжимаю отломанный подлокотник. Только кого я им собрался бить, самого себя что ли?!

Я отшвыриваю деревяшку и бросаюсь к двери, спотыкаюсь о брошенный на полу камзол.

Эх, хорошо меня приложило. Куда я собрался в одних штанах?! Дознатель я или... Неужели дурман ещё не отпустил? Почему я в таком нестабильном состоянии? Хочется рвать, метать, пока не верну пропажу. Нет, до возвращения в норму, мне стоит побыть одному.

Демоны!

Я перевожу взгляд на кровать и усилием воли гашу магию, смотрю на простыни почти как чистокровный человек. Та-ак... Бельё примято, но видно, что на нём именно спали. По крайней мере, я не взял Асю силой. С памяти словно пелену срывает. И я вспоминаю всё: как напал, как Ася почему-то не испугалась, как я просил её уйти, а она осталась со мной.

У меня гора с плеч сваливается. Я не навредил.

Эмоции больше не рвут на части, я постепенно успокаиваюсь.

Что же, ответ на первый вопрос я нашёл — взбесившуюся магию успокоила чистая аура моей Льдинки. Остаётся разобраться, почему Ася так странно себя вела. Не похоже, что она нагнала меня случайно. И... куда она исчезла с утра?!

Я прохожу в ванную, открываю холодную воду и опускаю под струю голову. Ненавижу так взбадриваться, зато уже через минуту я чувствую себя морально готовым появиться в обществе. Наскоро просушиваю волосы полотенцем ровно настолько, чтобы ручки больше не текли по спине, возвращаюсь в спальню, собираю раскиданную одежду. И натываюсь на Асины чулки... Вот и доказательство, что Льдинка мне не приснилась. Её дыхание на моей шее... Демоны, почему я не могу перестать думать о ней?! Вчера, до ужина, она тоже раз за разом появлялась в моих мыслях. Моя персональная загадка...

Одевшись, я выхожу в коридор. По уму нужно отыскать свою спальню и привести себя в порядок. Или хотя бы заняться делом — выяснить, зачем меня пытались убрать. Но ноги сами несут меня сперва к жилым покоям, потом в библиотеку, в кухню. Я обхожу дом.

Аси нет нигде.

Демоны!

Беспокойство нарастает с каждой секундой. Дом барона — это не придорожная забегаловка, он условно безопасен, а пропавшая не последняя посудомойка, а дочь барона, пусть и не признанная официально.

Время за полдень... Может быть, Ася уехала в модную лавку? Предполагаю и сам не верю, чутьё настойчиво твердит, что Ася именно исчезла. К тому же я слышал, что дом Ася покидала редко.

Я возвращаюсь на кухню, но не захожу, а остаюсь у стены и прислушиваюсь. Сплетни слуг — неприятно, но информативно. Я чуть-чуть помогаю себе магией, и голоса в общем шуме обретают отчётливость.

— Она всегда была бесстыжей! Кем бы она была, если бы не господин барон? Приютской беспризорницей?

— Как господин барон ни старался, натуру не переделать, в мать пошла. В борделе и кончит. Господина барона жалко.

— Страшно подумать, каково ему было увидеть дочь в постели мужчины.

— Развратница!

Вот вроде бы верно — девушка, если она не магиня и ложится в постель до свадьбы, да ещё и к незнакомцу, развратница. Но почему-то я никак не могу соотнести это слово с Асей.

— А вы заметили, что господин важный гость не только к завтраку не вышел, но и днём не появлялся. Кто-нибудь видел?

— Мало ли...

— Я вот думаю, может, синьорина и есть убийца?

— Господин дознаватель забрал её в тюрьму?

— Да нет же, она сама сбежала.

— Сбежала?!

— Ну да, я сама видела, как она утром на улицу одна вышла. Ещё оглядывалась...

— Раз сбежала, значит, точно виновата, — припечатала писклявая дурища.

Я с трудом удержался, чтобы не ворваться и не... Не что?! Какое мне дело? А вот есть дело.

Врут слуги много, а кто не врёт, тот для красоты приукрашивает. Выходит, барон застукал Асю со мной. Сам или помогли? Скорее, второе. Недоброжелателей у Аси, как выяснилось, хватает. Я не проснулся. А барон... выгнал Асю из дома? Даже не поговорив со мной? Но и говорить вроде как не о чем... Официально барон Асю не признавал, поэтому требовать, чтобы я взял на себя ответственность, он не имеет никакого права, а брак аристократа, пусть и нетитулованного и простолюдинки — это мезальянс.

Только вот почему-то мысль о браке с Асе не вызывает никаких протестов. Я сошёл с ума. Надо разобраться, что не так с её аурой. Слишком чистая. Слишком... желанная.

Я, незамеченным, оставляю кухню и ловлю себя на том, что иду разбираться с бароном, причём разборки не сулят ничего хорошего. Кулак непроизвольно сжимается.

Демоны! Мне срочно нужно показаться кому-то сведущему. Я читал о том, что у полукровок иногда человеческая и нечеловеческая природа входят в жёсткое противоречие, но никогда не думал, что меня это коснётся. Судьба посмеялась и макнула меня в мою самоуверенность, как котёнка.

В холле я сталкиваюсь с признанной дочерью барона, леди Эшли-Самантой. Девушка возвращается в компании своей личной горничной.

— Добрый день, леди, — первым здороваюсь я.

По ауре ползут отвратительные серые пятна, ещё более отвратительное пятно на ауре служанки. Вечером ауры обеих выглядели лучше...

— Добрый день, господин Феликс.

— Вы, должно быть, были на прогулке? — светски спрашиваю я, хотя с языка рвётся совсем другой вопрос.

— В храме, господин Феликс. Я молилась за благополучие семьи.

Не лжёт, храм леди действительно посетила, однако искренности в её словах нет, её молитвы звучали не от сердца.

— Хм? С самого утра до полудня? — храм принято посещать рано.

— Да, господин. Жрецы не отказали, и провели ритуал благословения для всей нашей семьи и для Аси. Вы ведь... знаете?

Бесплатно жрецы благословляют только новорожденных и детей во время тяжёлой болезни. Леди щедро заплатила, и это наводит на нехорошие размышления.

— Что именно, леди?

— Моя сестра Ася. Я знаю, что утром она разговаривала с отцом, а после беседы она вышла из дома и пошла прочь. Повезло, что вчера мы договорились вместе посетить храм, я догнала её неподалёку от входа. Ася не пожелала ничего объяснить, но согласилась поехать со мной. Я предлагала ей помощь, но Ася отказалась. Мы вместе вошли в храм, поднялись к молельням. Я уединилась первой. Филадельфия...

Я перевожу взгляд на горничную.

Она поспешно кланяется:

— Господин, после того, как моя леди поднялась в молельню, синьорина сделала тоже самое. Я была последней. Когда я спустилась, в коридоре никого не было, а штора в молельню синьорины была открыта. Я осталась дожидаться мою леди.

— Узнав от Филы, что Ася уже ушла, я проверила её молельню, и там действительно было пусто, господин Феликс. Я попыталась найти Асю и спрашивала у жрецов, но... Я могу лишь предполагать. Ася либо ушла одна. Но куда ей было идти? Либо она попросила в храме убежища.

Не лжёт.

И помощь предлагала, и искала. Но всё равно от рассказа стоит острый привкус гнили. Помощь можно предложить по-разному, например, так, что её ни за что не примут. Иначе бы сейчас серые проплешины не расползались по ауре леди с необычайной быстротой.

По крайней мере в одном можно быть уверенным — Ася в относительной безопасности. Без денег, без ничего, скорее всего она действительно обратилась к жрецам и получила приют. Бросаться на поиски прямо сейчас? Нет, я должен закончить с расследованием, тем более я уже понял, за какую ниточку тянуть. Думаю, нескольких часов мне хватит. Сдам барону виновных и к вечеру заберу Асю из убежища.

Отличный план!

Чтобы окончательно успокоиться, хватило представить, как я привезу свою Лыдинку домой. Я отворачиваюсь раньше, чем леди успевает увидеть появившуюся на моём лице неконтролируемую улыбку. И слава демонам, что я единственный полукровка в доме. Представляю, как моя собственная аура сейчас искрит.

Глава 13

Храм я покидаю беспрепятственно. Только уже на улице сталкиваюсь с худой немолодой женщиной, ведущей за собой болезненно-бледных девочек. Женщина бросает на меня всего один взгляд, обливая неясным мне осуждением и проходит мимо. Я мысленно пожимаю плечами и выкидываю случайную прохожую из головы.

Мне, если верить карте, налево. Как люди обходятся без подсказок движущегося маркера? Я бы без стрелочек ни за что бы не разобралась в переплетении улиц. А ведь у бумажной карты даже масштаб не настроить — вот где кошмар путешественника.

— Синьорина, коляску? — окликает меня прокуренный бас.

Обернувшись, вижу экипаж без верха, рыжую лошадку и бородатого извозчика.

С двумя тряпочками вместо туфель, было бы здорово проехать, но:

— Нет, спасибо.

Бесплатно меня не довезут, а до денежек ещё дойти нужно.

Извозчик разочарованно вздыхает.

Я следую подсказкам навигатора. Выбраться на нужный мне проспект удаётся через час с лишним. С непривычки ноги гудят, да и пить хочется. Про еду можно забыть. Жаль, что я не догадалась обнести кухню и прихватить бутерброд потолще.

Контора синьора Катца полностью занимает двухэтажное здание, точнее, на первом этаже располагается принадлежащий синьору ювелирный магазин, а уже на втором этаже офис. Утро хоть уже и не совсем раннее, но магазин ещё закрыт. Впрочем, мне это не интересно. Согласно «Фаворитке герцога», синьор Катц тот ещё жаворонок и трудоголик, так что уверена, он уже в конторе.

Я стучусь.

Конечно, меня заметили ещё на подходе, охранникам синьор Катца жалование получают не за ношение униформы.

Но вряд ли непонятную девицу, слишком легко одетую, сочли достойной немедленного ответа.

Я продолжаю стучать. Три лёгких удара молоточком по железной пластине и длинная пауза, затем новая порция ударов.

Упрямство побеждает, дверь распахивается.

На пороге появляется хмурый охранник.

— Доброе утро, — здороваюсь я прежде, чем он успевает заговорить. — Пожалуйста, пригласите управляющего или помощника синьора Катца. У меня для синьора важная бумага.

— Синьора, вы можете передать бумагу через меня.

— Простите, но нет, — решительно отказываюсь я. — Бумагу я могу отдать либо самому синьору, либо его ближайшим подчинённым, уполномоченным принимать решения.

— Хм...

Я стараюсь стоять ровно, распрямив плечи и гордо подняв голову. Точнее, доверяю телу принять позу, отработанную Асей на уроках этикета. Охранник видит слегка потрёпанную девушку в неуместно лёгком, но недешёвом платье, видит, что я держусь с достоинством леди.

— Синьорина, как о вас доложить?

Качаю головой:

— Нет необходимости в имени.

Охранник медлит. Да, отказ представиться подозрителен, очень хорошо его понимаю. Но, боюсь, если сходу начну объяснять кто я такая и зачем явилась, недопонимания возникнет гораздо больше и прорваться к синьору Катцу станет ещё сложнее.

— Я подожду снаружи? — предлагаю я.

— Да.

Дверь захлопывается.

Я с трудом удерживаюсь, чтобы не обхватить себя руками за плечи. Пока шла, в движении согревалась, а на прохладном ветру в домашнем платье из довольно тонкой ткани, мягко говоря, неудобно. Я сдерживаюсь. Здравый смысл подсказывает, что из окна за мной наблюдают, а значит, надо произвести приятное впечатление.

Меня не заставляют ждать слишком долго, дверь снова открывается, на крыльцо выходит шатен в тёмной неприметной одежде. Охранник столбом возвышается за его плечом. Я сосредотачиваюсь на шатене.

— Синьорина, здравствуйте, — с улыбкой приветствует он. — Я помощник синьора Катца. Чем я могу вам помочь?

Да нет, уважаемый, роль помощницы моя.

— Доброе утро. Пожалуйста, передайте эту бумагу синьору Катцу и доложите, что я пришла.

Я протягиваю то единственное, что у меня есть — местный аналог паспорта.

Помощник прочитывает моё имя. Эмоции не отражаются на его лице, но его выдают резко расширившиеся зрачки.

— Как вы догадываетесь, я не однофамилица.

— Синьорина...

— Доложите, пожалуйста, о моём приходе.

— Да, синьорина. Но я не могу обещать, что синьор вас примет.

— Разумеется.

Примет.

Когда Ася из «Фаворитки герцога» совсем отчаялась избавиться от сестры своими силами, она наняла бандитов. Она наверняка попыталась бы гораздо раньше, но откуда у неё деньги? В спальне не было ни монетки. Покушение Ася оплатила из внезапно свалившегося на неё наследства.

Помощник синьора ещё раз внимательно вчитывается в документ, сравнивает изображение с моим лицом. И приглашает следовать за ним. Охранник отступает в сторону, однако взгляд становится менее дружелюбным, предупреждающим. Чтобы его не нервировать, я стараюсь не слишком глазеть по сторонам. Впрочем, изнутри ювелирный магазин мало, чем отличается от магазинов, которые мне доводилось видеть до перерождения.

Зал меньше, чем казалось снаружи. Объяснение я нахожу быстро: помещение разделено надвое. Вероятно, особых покупателей принимают особо. Впрочем, логично: я бы тоже не стала выставлять уникальные вещи среди относительно дешёвых колец и цепочек.

Помощник замечает, куда я смотрю, и кивком указывает на витрину:

— Нравится?

— Разве изделия, продаваемые в магазине синьора Катца, могут не понравиться? — не говорю я ни «да», ни «нет», — О чём вы?

Помощник обходит витрину, зачем-то открывает миниатюрным ключиком стекло и достаёт внушительную золотую брошь в форме бутона розы на стебле.

— Простите? — я невольно отступаю на шаг.

— Синьорина, я должен убедиться.

О? Кажется, поняла.

Я не возражаю, когда помощник закалывает брошь мне на платье. Он закалывает выше, чем принято носить броши, с явным расчётом, чтобы попасть в «кадр». У моего изображения в паспорте появляется точно такая же брошь.

Помощник забирает украшение, возвращает на витрину, тщательно запирает её, а затем отходит к прилавку. Видимо, проверяет на подлинность сам документ.

И только после завершения проверки меня допускают в служебные помещения, проводят на второй этаж. Похоже, я угадала — синьор Катц уже здесь.

Меня приглашают в приёмную. Помощник указывает мне на диван:

— Я немедленно доложу о вас, синьорина.

— Благодарю.

Приёмная тоже ничем не отличается от тех, в которых мне когда-то довелось побывать. Шкафы

вдоль стен, дверь в кабинет хозяина охраняет секретарь. В углу втиснут диванчик для посетителей. Наверное, важных персон принимают иначе. Я в их число не вхожу. Пока...

Возвращается помощник буквально через минуту:

— Синьорина, я сообщил синьору, — помощник провокационно замолкает.

Я спокойно остаюсь на диване. Не бросаюсь в кабинет, не переспрашиваю, когда меня примут.

Радушия от синьора Катца я изначально не ждала.

Я понятия не имею, как при состоятельном отце мать Аси оказалась горничной барона, но можно не сомневаться — история эта тёмная и для синьора Катца болезненная.

Помощник уходит, оставляет меня наедине с секретарём, который вряд ли понимает, насколько вежливым нужно быть с внезапно свалившейся на него непонятной девицей. О моём родстве с господином Катц секретарь вряд ли знает. Может, нагло намекнуть, что от чашки чая я не откажусь? Желательно, с печеньками. Разумеется, я обдумываю это не серьёзно. Во-первых, наглость должна быть к месту, а сейчас ситуация не та. Во-вторых, важнее всего произвести правильное впечатление.

Секретарь, убедившись, что внимания я не требую, тихо сижу и покорно жду, возвращается к бумагам, приёмную наполняет мерное шуршание.

Ожидание затягивается. Минуты бегут, складываются в четверть часа, затем в полчаса, в час. Иногда в приёмной появляются люди, отдают секретарю какие-то бумаги или, наоборот, забирают. Иногда секретаря вызывает синьор. Иногда мелькает помощник-шатен. Второй час, третий. Время приближается к полудню.

Про меня словно забыли, но я знаю, что это не так. Синьор то ли отношение своё хочет показать, то ли послал своих подчинённых узнать причину моего появления, то ли проверяет, сколько я готова терпеть ради встречи, ведь человек, которому ничего не нужно, уйдёт через полчаса-час, а то и раньше.

Я сижу, сохраняя на лице приветливую улыбку.

В ладони появляется мобильник, и я вздрагиваю. Как не вовремя! Секретарь бросает на меня острый взгляд. Я отвечаю вопросительным взглядом, и секретарь снова утыкается в бумаги.

Я же, пользуясь тем, что за бедром мобильник не видно, перевожу взгляд на экран.

«Душа, компенсация зачислена. Желаете ознакомиться с деталями?»

Нет, чуть позже, благо таймер к сообщению никто не прикрутил. Теоретически, я могу откладывать бесконечно.

Дверь кабинета резко открывается, и в приёмную выходит крупный мужчина с шикарной вьющейся шевелюрой. Снежно-седой, лицо изрезано морщинами, но глаза ясные и злые.

Секретарь моментально испаряется.

Я медленно поднимаюсь, попутно отбрасываю мобильник, уверенная, что он тотчас исчезнет, исполняю реверанс.

Синьор презрительно фыркает, молча рассматривает меня с минуту.

Я тоже молчу.

И дожидаясь едкого вопроса:

— И что же случилось у барона, если он отправил тебя ко мне за деньгами? Пфф!

А всё гораздо хуже, чем я ожидала...

— Синьор Катц, я пришла не за деньгами. И вы заблуждаетесь, считая, что меня подослал барон.

— Ха, уясни сразу, девочка. Денег не будет.

Глава 14

Хм, я бы не была так уверена.

— Синьор Катц, я повторяю. Я пришла не для того, чтобы просить денег. Мне хватит трёх минут

вашего внимания, а дальше, я уверена, вы сами захотите продолжить разговор.

— Что же, проходи.

Он скрывается в кабинете.

Когда я переступаю порог и плотно закрываю за собой дверь, синьор уже сидит за внушительным рабочим столом, опирается локтями на столешницу, пальцы сцеплены в замок. Смотрит на меня неприязненно, демонстративно враждебно, а на столешнице лежат карманные часы. Я не могу издали рассмотреть бег стрелок, но мне и не нужно. Вместо трёх запрошенных минут мне хватит одной.

Стул для посетителей стоит, но синьор мне его не предлагает, и я остаюсь на ногах.

— Синьор Катц, до меня дошли сведения, источник которых я не могу назвать. Управляющий судовой компании вашего старшего сына перевозит запрещённые грузы. Ваш сын уже начал что-то подозревать, но, боюсь, не осознаёт, насколько всё серьёзно. Мне нужно говорить, что очень скоро на вашего сына состоится покушение?

Презрительную невозмутимость я пробила навывлет. Синьор откидывается на спинку своего троподобного кресла, будто желает отстраниться от моих слов. Его ладони опускаются на столешницу.

— Ты понимаешь, что ты сейчас говоришь? — хрипло спрашивает он.

Мне бы подробности, но я знаю лишь то, что в «Фаворитке герцога» господин Феликс рассказал барону, когда предъявлял доказательства вины Аси, он объяснял, откуда у девочки взялись деньги.

— Почему бы не послать надёжных людей проверить трюм «Ласточки» прямо сейчас?

— Хм... Располагайся, — синьор кивает на кресло в углу, поднимается из-за стола, стремительно пересекает кабинет и, выглянув, командует секретарю. — Развлеки синьорину, пока я занят.

Иными словами: глаз не спускай, мало ли, что у гости на уме.

Но статус мой уже повысился.

Синьор уходит, а секретарь угодливо предлагает:

— Синьорина, может быть, чаю или горячего шоколаду?

А кофе? Кофе в этом мире нет?

Я не люблю горячий шоколад, но он, как мне кажется, более калорийный.

— Не откажусь, — улыбаюсь я. — С удовольствием выпью чашечку горячего шоколаду.

Секретарь отвечает лёгким поклоном.

Жизнь налаживается!

Пользуясь моментом, я осматриваюсь. В кабинете идеальный порядок, всё важное и не важное скрыто от глаз створками шкафов и ящиками стола. На столешнице лишь писчие принадлежности и мой паспорт, часы синьор прихватил с собой.

Гораздо интереснее «кресельный уголок», в котором синьор беседует с посетителями на равных, точнее одна единственная деталь. Отдельный столик занят шахматами. Играть я... не умею. Могу отличить ладью от ферзя и даже знаю, как ходят фигуры, но не больше. Шахматы, стоящие на столике, выглядят произведением искусства. Фигуры кукольные, и каждая уникальна. Все без исключения пешки — коленопреклонные воины, но кто-то держит меч, кто-то лук, а одна из пешек и вовсе дама в кольчуге. Продолжая всматриваться, я замечаю крошечную царяшину на мундире белого короля, отломлен кусочек копыта чёрного коня. Шахматами играют. И не трудно догадаться, кто именно в этом кабинете страстный шахматист.

— Синьорина, — секретарь опускает передо мной крошечный поднос, на котором едва помещаются чашка и вазочка с сухим печеньем.

— Большое спасибо!

Еда-а-а!

Я не набрасываюсь, но про шахматы на время забываю. Осторожно беру чашку за ручку, подношу к

губам. Ах ты, горячо! Очередная проверка что ли? Дуть, по идее, неприлично. Всё же нельзя не признать, что мне бесконечно повезло получить мышечную память тела. Если бы не этот подарок, я бы уже сто раз опозорилась.

Напиток приторно сладкий, неприятный, но отлично помогает забыть, что я осталась без завтрака.

— Свободен.

Ой, я чуть не пропустила возвращение синьора.

Я немедленно отставляю чашку, чтобы подняться. Синьор взмахом руки останавливает меня и садится напротив.

— Ты была права, я хочу продолжить наш разговор.

— Я рассказала всё, что знала.

Не совсем, но сообщение, что покушение состоится на дороге, когда в экипаже будут оба его сына, вряд ли будет понято верно.

— Талиася, — синьор впервые обращается ко мне по имени, — откуда сведения?

Из книги, которую я читала в прошлой жизни.

— Простите, синьор, я не могу сказать. Не потому что не хочу, действительно, не могу. Считайте, что у вас появился тайный доброжелатель.

Вы просто не поверите, что вы книжный персонаж, а мне рано сдаваться в сумасшедший дом.

— Хм... Что же, будь спокойна, я не стану настаивать, хотя не скрою, узнать источник этих сведений мне очень хочется. Того, что ты сказала, достаточно, чтобы принять меры. Если информация подтвердится...

Я киваю, залпом допиваю горячий шоколад.

Синьор Катц прищуривается:

— Какой твой интерес, Талиася?

— Интерес? Может быть, я хотела помочь по-родственному?

— Вот как? — усмехается синьор, не скрывая скепсиса.

Ну, да, он матёрый волчара, нюхом чует, что я пришла в поисках выгоды, а я и не собиралась притворяться бескорыстной. С одной стороны. С другой, я поставила себя в заведомо невыгодное положение, ведь сведения я уже сдала, поблагодарит меня синьор или прогонит теперь зависит только от его воли.

— Если вы предпочитаете вести общение в деловом ключе, то... Мой интерес — обмен информацией.

Про деньги сказать придётся, но чуть позже.

— Продолжай.

— Кайтер, синьор.

— Кайтер? Что же ты хочешь узнать про Кайтер? — всего на долю мига, но в его глазах отражается недоумение.

Я невольно улыбаюсь. Чем чаще я буду удивлять синьора, тем быстрее он начнёт видеть во мне меня, а не дочь барона.

Что касается его вопроса... Могу ли я доверять оператору? Ему прежде всего важно, чтобы я не создавала проблем и исправно зарабатывала караты. Академия магии — отличное место для развития души. Как он там выразился своим бархатным баритоном, «наработка ментальных мышц»? Но оператор ведь мог назвать любую другую академию, академию, открытую для мужчин.

Придётся довериться. Нет, слепой доверчивостью я больше не страдаю, оставила её вместе с обожжённым телом в больнице прежнего мира. Оператору выгодно сказать мне правду, потому что пока я ищу, как спасти Яна, я не успеваю придумывать, как доставить проблем Системе и ему персонально.

— В прошлом Кайтерская академия была закрытым сестринством, и не смотря на то, что сегодня сестринство не такое закрытое, как прежде, мужчин в академию не принимают ни на обучение, ни как преподавателей, ни как слуг. Магини гораздо свободнее, чем женщины, не владеющие магией. Если леди позволит себе отношения до брака, её сочтут развратной особой. Если тоже самое сделает магиня, то общество будет снисходительно к ней.

— К чему это?

— Секунду, синьор. Я почти закончила. Кайтерская академия магии располагается в Кайтерской долине вдали от цивилизации. Девочки, я говорю не только об adeptках, но и о наставницах, скучают. И, вопрос, который я хотела задать: как вы считаете, синьор Катц, если неподалёку от академии на пустыре открыть кафе и нанять официантами симпатичных мальчиков, обязательно разномастных, блондина, рыжего, брюнета, словом, на любой вкус, мне удастся разбогатеть?

Синьор крякнул.

— Ты хочешь открыть кафе?

И зачем сомневаться?

— Разве плохо? Своё кафе, свой доход, относительная независимость. Может быть, начну учиться магии, — беззаботно пожимаю я плечами.

— Твой отец не одобрит.

— Барон-то? Пфф! Честно говоря, барон выгнал меня из дома. Так получилось, что он застал меня в постели с женщиной.

— Что?!

Упс, промах. Синьор рассорился с дочерью, а теперь я признаюсь, что тоже далека от добродетели. Тьфу. Впрочем, это не те сведения, которые я смогу утаить. Синьор наверняка отправил людей расследовать не только перевозку запрещённых грузов, но и причины моего внезапного появления на пороге его конторы.

— Удачно же получилось. Синьор Катц, полагаете, в моей идее с кафе есть рациональное зерно? Я прям чувствую, как золотые ручейки стремятся проложить путь в мой карман.

— Почему кафе, а не бордель, если уж ты...

Фу, как грубо, синьор.

— По нескольким причинам. Во-первых, просто противно подобным заниматься. Во-вторых, я не слишком сведуща, но мне кажется, что любой бордель тесно связан с криминалом, а мне такого счастья не надо. В-третьих, большинство adeptок академии аристократки с соответствующим воспитанием. Прийти в приличное кафе, чтобы тайком поглазеть, они могут спокойно, а вот пойти в бордель большинству смелости и раскованности не хватит, соответственно, я потеряю значительную часть посетителей. И в-четвёртых, мне важна деловая репутация. Остановливаться на одном кафе я не собираюсь.

— Открытие кафе стоит денег.

— Об этом я тоже хотела спросить, — киваю я. — Посоветуйте мне, пожалуйста, кредитора или партнёра. Я готова либо вернуть займ с дохода, либо выплачивать процент с прибыли.

— Сыграем? — перебивает синьор.

Прежде, чем я успеваю ответить, он переставляет шахматную доску на стол и передвигает белую пешку с «Е2» на «Е4». Обозначения клеток, естественно, отличаются, но самое известное начало партии я узнаю.

Правила игры тоже совпадают? Хм...

— Синьор, если я попрошу чашку чая, вы не откажете? Под чай лучше думается.

Синьор выразительно смотрит на чашку, оставшуюся после горячего шоколада, однако снова поднимается, выглядывает в приёмную и отдаёт секретарю приказ.

Отсрочка драгоценна.

Простите синьор, но играть с вами по вашим правилам я не намерена. Я чуть разворачиваюсь, поправляю юбку, и под её прикрытием вызываю мобильник, кликаю по «Опере». Скорее же! Мне

нужен первый попавшийся сайт с онлайн-играми. С шахматами, разумеется. И чтобы противником был компьютер. Я выбираю самый хардкорный режим, выбираю играть за «белых» и повторяю ход синьора, выдвигаю пешку с «E2» на «E4». Программа моментально делает свой ход, чёрная пешка с «E7» перемещается на «E5».

Мне остаётся повторить за умной программой.

Вот теперь, синьор, сыграем.

Глава 15

Фигуры я двигаю бездумно.

Поначалу между мной и синьором разницы нет. Он разворачивает агрессивное нападение, его ладья под прикрытием коня прорывается вперёд. Я наблюдаю за сражением, едва ли понимая, что происходит на доске, но зато чувствую себя уверенно. Синьор не поставил мне мат ни через полчаса, ни через час. Он всё больше времени берёт между ходами на раздумья, и выглядит вообушевлённо-сосредоточенным.

Программа предлагает забрать у синьора коня, подставив под удар собственного ферзя. Если не сделаю, останусь без подсказок.

— За последние три года я ни разу не проигрывал, — внезапно говорит синьор.

— Чем выше мастерство, тем труднее встретить достойного соперника?

— Верно. Талиася, я приглашаю тебя погостить в моём доме.

— Буду признательна.

Синьор забирает ферзя, и я повторяю его ход на экране мобильного. Программа отвечает молниеносно.

Проходит ещё минут десять.

Мой ход ладьёй.

— Шах и мат, — недоверчиво выдыхает синьор.

Он смотрит на доску, будто не верит своим глазам, а я скрываю мобильник.

И что, что не совсем честно? Зато синьор получил от игры исключительное удовольствие.

Синьор проводит пальцем по краю доски и резким движением опрокидывает своего короля. Белая фигура падает, перекатывается через две клетки и замирает лицом вверх, безучастно таращится в потолок.

— Большое спасибо за игру, синьор Катц.

— Тебе спасибо. Я надеюсь, ты не откажешься сыграть ещё одну партию? Завтра, например?

— Я буду рада.

Синьор поднимается из-за стола. Я торопливо встаю, он старше и по возрасту, и по положению, нельзя в его присутствии диван продавливать.

— Тали, ты не против, если я буду звать тебя Тали?

Ух ты, вот настоящая победа!

— Синьор Катц, мне будет очень приятно, — улыбаюсь я.

— Я должен уделить внимание делам, и с минуты на минуты появятся сведения по «Ласточке»...

— Синьор Катц, конечно. С вашего позволения я подожду столько, сколько потребуется. Я благодарна, что вы смогли уделить мне своё внимание.

Я исполняю не реверанс, а лёгкий книксен, и синьор одобрительно кивает. Да, он меня принял. Ещё не до конца, однако изменение в отношении, по сравнению с тем, с чего мы начали, колоссальные. Совсем скоро синьору доложат, что запрещённый груз на «Ласточке» действительно был, и я стану той, кто помогла избежать катастрофы.

Секретарь провожает меня в комнату отдыха. А может быть, это отдельная комната ожидания? К солидности в интерьере добавилась роскошь. На стенах в вычурных рамах картины, в углу ростовая статуя мужчины, держащего многочисленные свитки. Овальный, довольно низкий стол на ножках-лапах обступают кожаные кресла, а вот у стены мягкий диван, в котором легко утонуть и оказаться в позе «пятки за ушами».

— Синьорина, ваши пожелания?

— М-м-м... Простите, но у меня деликатный вопрос. Как можно попасть в дамскую комнату? — я ведь несколько чашек выпила, организм не резиновый.

Секретарь смущённо кашлянул.

— Синьорина, сюда пожалуйста.

Из дамской комнаты я вернулась быстро, устраиваюсь на диване и заверяю секретаря, что больше мне ничего не нужно.

— Синьорина, вы всегда можете позвать меня.

— Спасибо.

Честно говоря, я была бы рада обеду. Вторая половина дня, а я не евши, даже завтрака не было, вместо него горячий шоколад и пара печенек. Но просить об обеде будет неуместно, обед меня ждёт в компании синьора Катца, так что придётся продемонстрировать аристократическое воспитание и потерпеть.

Секретарь уходит, и пока я одна, можно разобраться с компенсацией — что там мне господин оператор послал?

Подспудно я ожидаю, что оператор бросит мне вкусную плюшку, но одну, однако открывшийся список оказывается приятно длинным. Я пробегаю глазами вступительный текст. Компенсация, пожелания приятных перерождений... — вежливая муть, очень похожая на издёвку. И первым номером идёт пятидесятипроцентная скидка на первую покупку любого предмета из каталога. Учитывая, что билет на выход считается не предметом, а услугой, действительно тонкая издёвка. Нет, я не удовлетворена.

Второй пункт гораздо интереснее — мне перепадает описание ритуала призыва фамильяра, причём помечено, что формат описания электронный. Ещё и детали посмотреть предлагается. Хм? Я соглашаюсь. Как известно, именно в них кроется дьявол.

«Получение документа невозможно. Причина: отсутствие дополнения «Мой гримуар». Неполучение документа невозможно. Дополнение «Мой гримуар» установлено, документ закрыт».

— И? — я даже вслух спрашиваю.

Первая мысль — мне снова вместо сладкой конфетки предлагают пустой фантик. Если я призову фамильяра, то моя душа станет капельку сильнее. Система слизнёт с этой капельки свою долю, на счёт упадут первые караты. В целом караты нужны, чтобы однажды оплатить выход... Но зачем мне фамильяр? И что я с ним буду делать? Перейдя в «Мой гримуар», я нахожу описание призыва, но в документе нет ни слова о том, как фамильяра содержать. Как минимум, его надо чем-то кормить. Или не надо? Экспериментировать на живом существе я точно не готова.

Мимоходом отмечаю, что в «Моём гримуаре» два радела, один могу заполнять я, во второй загружается информация, полученная от Системы. Ну, удобно... наверное.

Я возвращаюсь к перечню.

Третий пункт — один из предметов на выбор. На первый взгляд интересные штучки, интереснее тех, которые предлагались в качестве приветственного бонуса, но вроде бы ничего исключительного.

«Душа, признаёте ли вы компенсацию удовлетворительной?»

Пфф, нет, естественно.

Не проходит и нескольких секунд, как поступает звонок оператора.

— Душа? — бархатный баритон звучит взволнованно.

— Господин оператор, что именно вы мне прислали? Скидку и бесплатный предмет на выбор я готова рассматривать лишь как нагрузку к чему-то по-настоящему вкусному, как вишенку на торте.

И по-моему скромному мнению, торта как раз и не хватает.

— Дополнение «Мой гримуар» стоит двести пятьдесят шесть тысяч карат, Душа.

— О?! А... Эм.

— Я не мог установить его вам напрямую, Душа. И бессовестно воспользовался лазейкой.

— Оу...

— Душа, вы хотели спросить, почему так дорого стоит заурядный блокнот? «Мой гримуар» нечто большее, чем просто блокнот. Душа, вы не задумывались, что станет с купленным предметом, когда вы отправитесь на следующее перерождение?

Мне требуется несколько секунд, чтобы встряхнуться и собраться с мыслями, по-новому оценить компенсацию.

— Не задумывалась, но угадать не трудно. Предмет будет утерян.

— Верно. Есть исключение, за триста с хвостиком тысяч карат предмет можно привязать к вам. Как, например, к вам привязан носитель.

— Утрачиваются предметы, но не дополнения, установленные в приложении, — возвращаюсь я к первоначальной теме. О конских ценах на привязку поговорим как-нибудь в другой раз.

— Вот! — восторженно восклицает оператор. — Вы ловите самую суть, Душа. Бумажный свиток вы бы однажды потеряли, а рассчитывать только на память неразумно. Но сейчас вам не о чем беспокоиться, описание ритуала останется с вами навсегда. Конечно, вы могли бы сфотографировать текст свитка, но свободная память носителя однажды закончится, в то время как Система использует облачную технологию.

Я прям чувствую, как мёд затекает через уши прямиком в мозг. Компенсация уже не выглядит бесполезной. Но и признавать её удовлетворительной я не тороплюсь.

— Зачем мне фамильяр? — я скорее ворчу, чем спрашиваю всерьёз. Ясно же, что документ использован как предлог для установки «Моего гримуара».

— Душа..., — с лёгким упрёком тянет оператор, его голос становится тише, ниже. — Фамильяр фамильяру рознь. И детский трёхколёсный велосипед, и гоночный болид — средства передвижения, но на одном из них вы уедете далеко и быстро, а на другом — замучаетесь крутить педали. Дивный дух, с которым вас свяжет ритуал, это особое магическое существо. Самое его присутствие будет делать вашу душу крепче.

— И за одно его присутствие мне будут начисляться караты?

— Да.

Звучит шикарно. Почти.

— Господин оператор, простите за любопытство, но у вас есть домашний хомячок? Или, может быть, попугай? Тарантул? Некоторые держат пауков...

— Душа?

Как мне нравится его растерянность!

Я усмехаюсь:

— Господин оператор, за любым питомцем требуется уход, причём правильный. Кролик не будет есть мясо, а волк — сено. Что будет с неведомой зверушкой, если я даже не представляю, чем её кормить.

— Хм, понял. Душа, спасибо, что выбрали Систему. Желаю вам приятных перерождений.

Соединение завершено.

Мобильник коротко вибрирует, оповещая о новом сообщении:

«Душа, компенсация дополнена. Руководство по содержанию дивного духа в качестве фамильяра загружено в «Мой гримуар». Признаёте ли вы компенсацию удовлетворительной?»

Не совсем, но надо знать меру, так что кликаю «да». Интуиция подсказывает, что я ещё оценю выданные оператором плюшки.

Дверь без стука открывается, на пороге возникает секретарь:

— Синьорина, вы с кем-то разговаривали?

Глава 16

Я накрываю мобильник ладонью и приказываю ему исчезнуть.

— М? Всего лишь мысли вслух. Иногда это помогает размышлять, — отвечаю я.

Секретарь смотрит настороженно, но спорить не решается.

— Синьорина, синьор Катц приглашает вас на обед.

О, счастье в этом мире есть! Я встаю излишне поспешно, но — к чёрту! — да, я голодная, и не собираюсь врать, что это не так. Вежливая улыбка секретарю, и я иду за ним в соседнее помещение.

Стол уже накрыт, однако самого хозяина синьора Катца пока нет. Хм, блюда доставили из ресторана неподалёку? Скорее всего. Я вдыхаю аромат специй, сглатываю слюну. Очевидно, что синьор сядет во главе стола. Значит, моё место по правую руку, приборов всего два, так что трудно ошибиться. Я подхожу к стулу, но не сажусь, а просто опираюсь о спинку запястьями и замираю в ожидании.

Синьор Катц появляется буквально через минуту. Я, спасибо рефлексам, приседаю в книксене быстрее, чем успеваю подумать о приветствии, ловлю его внимательный оценивающий взгляд.

— Я заставил тебя ждать, Тали.

— Ни в коем случае, синьор Катц. О чём вы?

Синьор Катц одобрительно хмыкает, подходит. Я полагаю, что он пройдёт мимо, но он галантно выдвигает для меня стул. Я не отказываюсь, лишь молчаливо благодарю улыбкой, принимая заботу.

Обедаем мы молча. Я сосредотачиваюсь на том, чтобы не заглывать как крокодил, а есть аккуратно, не торопиться, не обгонять синьора. И ловлю ещё один оценивающий взгляд. Ну да, глупо думать, что меня приняли полностью.

Разговор завязывается только после того, как секретарь, взявший на себя обязанности официанта, уносит грязную посуду из-под основных блюд и подаёт мясной пирог с чаем.

— Сведения подтвердились, — первым начинает синьор, сделав хороший глоток. — В трюме «Ласточки» найден запрещённый груз.

— Я рада, теперь я могу не беспокоиться. Уверена, вы возьмёте ситуацию под контроль и не дадите преступникам шанса навредить вашим сыновьям.

— За мной долг, Тали.

Я резко качаю головой:

— Нет, синьор. Я предупредила вас об угрозе не ради выгоды, вы мне ничего не должны.

— Но тебе нужна помощь.

— Нужна, синьор. Мне нужна именно помощь, а не подачка, как бедной родственнице.

— Гордая?

И снова цепкий изучающий взгляд ввинчивается чуть ли не под кожу.

— Скорее расчётливая. Бедные родственницы не имеют права голоса, я в этом на собственной шкуре сегодня убедилась. Я хочу быть хозяйкой своей жизни, а значит, должна принимать на себя определённые обязательства и нести ответственность.

Синьор сверлит меня взглядом, но больше тему отношений не продолжает, возвращается к предыдущей:

— Твоя идея открыть в Кайтерской долине кафе необычная, в ней есть здоровое зерно, однако я не представляю, как её реализовать. Добраться до Кайтера можно лишь одним единственным способом: через арку стационарного портала. На нашей стороне проблем не возникнет, но арка выхода принадлежит Кайтеру. Ты не сможешь получить разрешение. Теоретически, выход — это установка собственной арки, однако, ты и за сто лет не окупишь затраты.

— Иной транспорт?

— Доставлять придётся на лошадях по бездорожью, караван, навскидку, будет ползти дней пять только в одну сторону. Слишком дорого, не окупится.

— Я подумаю, что можно сделать.

Работа Системы, как я уяснила для себя, чем-то похожа на работу налоговой. Получил энергию — доля отщипывается. Только если в случае с налоговой деньги просто уходят, то Система расплачивается за выпитую энергию артефактами, знаниями, услугами.

Так вот, если энергия всё равно отщипывается, почему бы не брать то, что мне причитается? Ведь буду я тратить караты или копить, для моей души ничего не изменится. Пожалуй, не так уж и бесполезна пятидесятипроцентная скидка, если с умом выбрать предмет.

— Думай, — соглашается синьор. — Как я уже сказал, я приглашаю тебя погостить в моём доме.

— Благодарю, синьор Катц.

— Некоторое время я буду ещё занят.

— Синьор Катц, с вашего позволения я попрошу у вашего секретаря бумагу и чем писать.

Синьор одаривает меня скупой улыбкой:

— Ни в чём себе не отказывай, Тали.

Так я и поверила. Я помню, с чего мы начали: «Денег не будет».

Вновь оставшись одна в комнате отдыха, я временно отодвигаю бумагу в сторону. Как с помощью Системы решить логистическую задачу поставок в Крайт я подумаю чуть позже, всё равно на счету пока неутешительный ноль.

Мобильник моментально откликается на мысленный призыв, и я открываю «Мой гримуар», руководство по содержанию дивного духа в качестве фамильяра. Короткий текст неприятно удивляет — почему так мало?! Про тех же хомячков и то больше пишут, а тут целый дивный дух. Вчитавшись же, понимаю, что я категорически неправа и несправедлива к оператору. Господин Медовый Голос, похоже придётся признать, подобрал для меня лучший вариант из возможных. Идеальный вариант.

И это не текст короткий, это дух неприхотливый. Для жизни моему будущему фамильяру будет требоваться вода и магическая подпитка, причём сырую магию можно заменить собственной кровью из расчёта полстакана на месяц. Да это же всем неприхотливостям неприхотливость! Я ещё дважды перечитываю руководство, подвоха не нахожу. Воду я раздобуду, каким бы пустым мой кошелек ни был, а больше никаких проблем с содержанием фамильяра возникнуть не должно.

Я закрываю руководство и открываю описание ритуала призыва.

Хм...

И здесь господин Медовый Голос подбирал ритуал специально под мои скудные возможности. Первый шаг — начертить довольно сложный рисунок, верно расположив руны и не упустить ни единой чёточки. Требуются тщательность, внимательность, но не практический опыт в использовании магии. Более того, рунами выписан и призыв духа, и приглашение стать моим фамильяром. Делать мне ничего не придётся. Если дух откликнется, он сам установит со мной связь. Вот именно, «если». Ритуал не даёт никаких гарантий что кто-то из духов, услышавших мой зов, захочет откликнуться.

Второй шаг сложнее — напитать рисунок собственной силой. Линии чертежа будут служить направляющими, они как фигурный сосуд, заставляющий воду принять определённую форму. Размер чертежа не важен, главное соблюсти пропорции. Рекомендовано взять за основу круг диаметром в метр, но для меня это означает поиск мелка и порчу паркета, не пойдёт. Да и паркет неровный, не годится на роль холста.

Зато у меня есть чистый лист бумаги и карандаш.

Линии и руны я перечерчиваю, высунув от усердия кончик языка. Иногда, сличая мой рисунок и изображение на экране мобильного, я замечаю, что грызу карандаш. На дереве остаются отчётливые отпечатки моих зубов.

Транспортира и линейки очень не хватает. К счастью, я вовремя вспоминаю, что мобильник, что бы я с ним ни делала, останется невредим. Я кладу лист бумаги прямо на экран и обвожу

просвечивающий чертёж, благо электронное изображение можно как уменьшить, так и увеличить до нужного мне размера одним движением пальцев.

Я трижды перепроверяю получившийся у меня чертёж.

Переходить ко второму шагу страшновато, но сделать это всё равно придётся и, чем раньше, тем лучше, однако прежде я вспоминаю про загруженный путеводитель и забиваю в поисковую строку «запрещённая магия». Вдруг на призыв фамильяра нужна лицензия, а я поспешу? К счастью, ничего подобного. В Эспарте магия считается естественной, никаких особых разрешений на практику не требуется, пока ты не продаёшь свои услуги другим.

Я кладу чертёж перед собой.

«Найдите в себе источник силы», — и всё сразу понятно, ага.

«Почувствуйте первозданную энергию, разлитую в пространстве».

Так-с, чем я чувствовать-то должна? Ушами? Глазами? Ну, явно, что не телом. Душой? Очень интересно... Я закрываю глаза, и в первую минуту ничего не происходит. Как и во вторую, и в третью. Никаких озарений, вспышек. Ни-че-го. Я делаю что-то неправильно. Эх, господин оператор, что же вы, всё предусмотрели, а азбуку магии упустили.

А если... Практика магии делает душу сильнее, так? Иными словами каждое практическое действие начинается с того, что душа стягивает из окружающего пространства энергию, пропускает через себя, а дальше часть силы идёт на укрепление души, часть — на то, ради чего сила была стянута. В моём случае долю откусит Система. Короче, надо попробовать на вдохе.

Я резко выдыхаю и задерживаю дыхание до тех пор, пока не возникает ощущение, что на грудную клетку наступил гигант. Я отсчитываю ещё три секунды, нехватка воздуха ощущается всё отчётливее, организм протестует.

Мне нужна энергия! Вдох. Может быть, «сцепив» одну потребность с другой, я научусь вдыхать магию? Живительный воздух наполняет лёгкие до отказа. Я внезапно сама себе кажусь переполненным шариком, пугаюсь, что давление изнутри разорвёт меня. Выдыхаю. Странное ощущение пропадает.

Чёртова магия...

Пожалуй, я больше не уверена, что хочу продолжать...

От сомнений меня отвлекает загоревшийся экран мобильного:

«Душа, поздравляем! Вы пополнили счёт на два карата».

Так я угадала?!

Оу...

С минуту я пялюсь на экран. Однако же... Внятных мыслей по-прежнему нет, но я понимаю, что двигаюсь в верном направлении.

Продолжать... надо.

Выдох. Задерживаю дыхание. Теперь я смутно, но понимаю, что делать. Я выжидаю, пока нехватка воздуха не станет достаточно острой. Глубокий вдох, и мысленно вместе с воздухом я тяну силу.

Всё повторяется. Магия неприятно распирает изнутри, но теперь я не спешу от неё избавиться, терплю, прислушиваюсь к себе. Интересно, сколько силы надо удержать и направить, чтобы призвать дивного духа? Вот доведу счёт маго-дыхательных упражнений до десяти и попробую. Нет, я не жду, что сразу всё получится, просто попробую.

Выдох-вдох.

В результате моих усилий счёт пополняется ещё на три карата. Всего на три карата. Подозреваю, дальше будет ещё медленнее, так что «надышать» миллион мне не светит. А жаль.

Я поправляю листок с чертежом, опираюсь локтями о столешницу по обе стороны от него, склоняю голову, чтобы моё лицо оказалось точно над рисунком. Вдох. Я стягиваю всю магию, на какую мне хватает... резерва? Вроде бы в «Фаворитке герцога» это так называлось. Я выдыхаю, и вместе с воздухом направляю на чертёж энергию, мысленно представляю, как она растекается по линиям.

И чего я не ожидаю, так это того, что линии чертежа нальются тусклым светом.

Глава 17

Контроль над происходящим я теряю моментально, и мне остаётся лишь наблюдать, как появившийся свет не то впитывается в чертёж, не то тает. Должно быть, зов получился настолько слабым, что никто не услышал. Чего, собственно, и следовало ожидать. Я не расстраиваюсь, напротив, чувствую воодушевление, ведь пусть и без видимого результата, но у меня получилось!

Теперь остаётся раз за разом повторять ритуал.

Но прежде перерыв.

Я беру мобильник и перво наперво проверяю баланс. На счету прибавилось ещё два карата, в сумме семь. С учётом скидки, могу позволить себе духи. Ха... Переключаюсь на вкладку каталога. Духи мне ни к чему, а вот поискать альтернативу стационарному portalу надо. Возможно, Кайтер разрешил бы мне пользоваться их аркой, если бы официантками я наняла девочек, но главная фишка моего будущего кафе — симпатичные официанты-мальчики.

Рисунок ослепительно вспыхивает белым светом. К счастью, я смотрю в экран мобильного, глаза почти не страдают от яркого света. Я поворачиваю голову.

Стол цел, сверху сыплются белые снежные хлопья. Лист с чертежом успел исчезнуть. Снег усыпает столешницу, меня, пол вокруг и больше не падает. Я поднимаю голову — надо мной разверзлась маленькая тучка? Потолок тоже цел, что не может не радовать. Как бы я объясняла капитальный разгром? Тьфу!

Касаюсь подушечкой указательного пальца ближайшей снежинки. Плоская и тёплая. Снег, надо же, всего лишь лист с чертежом разорвало на клочки, и они осыпались на меня облаком конфетти.

— Мр-р-у? — раздаётся из-под стола.

А?!

Снизу яркими жёлтыми глазами на меня таращится бирюзовый меховой шарик. Аккуратная лисья мордочка с подвижным пуговичным носом, слишком большие для существа широкие треугольники ушей, на кончиках которых мех плавно переходит в насыщенный фиолетовый цвет, точно так же как на кончике пушистого хвоста.

— Мр-ру, — требовательно повторяет существо.

— Кавайная няша, — отвечаю я, совершенно не понимая, чего существо от меня хочет.

Я все ещё под впечатлением от его дивного вида, но уже начинаю осознавать, что оно, скорее всего, пришло не из коридора, а как раз это и есть тот самый дивный дух. Поистине дивный!

Я наклоняюсь, протягиваю ладонь.

Существо молниеносно подаётся вперёд. Я думала, оно обнюхает руку, как делают животные, но существо обнажает острые белые зубы и впивается в мой указательный палец.

— Ай!

Больно же, между прочим!

— Фр-ры, — умудряется прошипеть существо, не разжимая челюстей.

Отнять руку я не пытаюсь. Во-первых, сделать это можно, только выдрвав палец с мясом. Во-вторых, я вспоминаю про кровь. Сырой магии я ведь не предложила.

Из пасти существа вырывается язычок белого света и впитывается в мою ладонь, я чувствую, как по руке вверх прокатывается тёплая волна и разливается по телу.

— Так это так связь устанавливается? — переспрашиваю я, не слишком надеясь на разумный ответ, всё же зверушка, хоть и дивный дух.

— Фр-ф!

Зверёк меня отпускает, облизывается быстрым розовым язычком, встряхивается, отчего мех распушается, и зверёк окончательно превращается в шар.

— М-р-р?

А теперь что? Предположение только одно:

— Пить хочешь? — не зря же в руководстве про воду писали.

Ответа нет, но смотрит существо очень выразительно. Прямо на мордочке написано недоумение, как он мог связаться с такой тугодумкой. Откуда-то приходит понимание, что дивный дух не бесполой, не самка, а именно самец.

Я встаю. На столике в углу вроде бы стоял графин. Да, я не ошиблась, графин есть. Я переливаю воду в стакан, возвращаюсь к зверьку, опускаюсь перед ним на корточки и протягиваю воду.

— М-рр?

Одно неуловимое движение, и воды в стакане не остаётся. Выпил.

И смотрит требовательно. Пары глотков оказалось мало.

Я приношу графин, и зверёк в мгновение опустошает его до последней капли. Р-раз, и втянул, будто у него внутри насос спрятан.

— Эм?

— Мр-р.

И беседа у нас ну очень информативная.

— Я не уверена, что воду из-под крана можно пить, — честно предупреждаю я.

— Мр-р.

Он понял, что я сказала? Зверёк таращится на меня. Проклятье, он даже не моргает! Две жёлтые площадки в упор — это нервирует.

Может быть, попросить воды у секретаря? Но сколько он принесёт? Литр? Скорее четвертинку. А зверьку, похоже, и двух мало.

О том, что дух может отравиться в руководстве не было ни слова. И про чистоту воды тоже ни слова. Хм... На практике всё оказалось в разы сложнее, чем в описании на экране.

Присев, медленно протягиваю обе ладони:

— Пойдём?

Зверёк позволяет поднять его на руки.

— Друг, а ты тяжёлый. Глава 17

Контроль над происходящим я теряю моментально, и мне остаётся лишь наблюдать, как появившийся свет не то впитывается в чертёж, не то тает. Должно быть, зов получился настолько слабым, что никто не услышал. Чего, собственно, и следовало ожидать. Я не расстраиваюсь, напротив, чувствую воодушевление, ведь пусть и без видимого результата, но у меня получилось!

Теперь остаётся раз за разом повторять ритуал.

Но прежде перерыв.

Я беру мобильник и перво наперво проверяю баланс. На счету прибавилось ещё два карата, в сумме семь. С учётом скидки, могу позволить себе духи. Ха... Переключаюсь на вкладку каталога. Духи мне ни к чему, а вот поискать альтернативу стационарному порталу надо. Возможно, Кайтер разрешил бы мне пользоваться их аркой, если бы официантками я наняла девочек, но главная фишка моего будущего кафе — симпатичные официанты-мальчики.

Рисунок ослепительно вспыхивает белым светом. К счастью, я смотрю в экран мобильного, глаза почти не страдают от яркого света. Я поворачиваю голову.

Стол цел, сверху сыплются белые снежные хлопья. Лист с чертежом успел исчезнуть. Снег усыпает столешницу, меня, пол вокруг и больше не падает. Я поднимаю голову — надо мной разверзлась маленькая тучка? Потолок тоже цел, что не может не радовать. Как бы я объясняла капитальный разгром? Тьфу!

Касаюсь подушечкой указательного пальца ближайшей снежинки. Плоская и тёплая. Снег, надо же, всего лишь лист с чертежом разорвало на клочки, и они осыпались на меня облаком конфетти.

— Мр-р-у? — раздаётся из-под стола.

А?!

Снизу яркими жёлтыми глазами на меня таращится бирюзовый меховой шарик. Аккуратная лисья мордочка с подвижным пуговичным носом, слишком большие для существа широкие треугольники ушей, на кончиках которых мех плавно переходит в насыщенный фиолетовый цвет, точно так же как на кончике пушистого хвоста.

— Мр-ру, — требовательно повторяет существо.

— Кавайная няша, — отвечаю я, совершенно не понимая, чего существо от меня хочет.

Я все ещё под впечатлением от его дивного вида, но уже начинаю осознавать, что оно, скорее всего, пришло не из коридора, а как раз это и есть тот самый дивный дух. Поистине дивный!

Я наклоняюсь, протягиваю ладонь.

Существо молниеносно подаётся вперёд. Я думала, оно обнюхает руку, как делают животные, но существо обнажает острые белые зубы и впивается в мой указательный палец.

— Ай!

Больно же, между прочим!

— Фр-ры, — умудряется прошипеть существо, не разжимая челюстей.

Отнять руку я не пытаюсь. Во-первых, сделать это можно, только выдрвав палец с мясом. Во-вторых, я вспоминаю про кровь. Сырой магии я ведь не предложила.

Из пасти существа вырывается язычок белого света и впитывается в мою ладонь, я чувствую, как по руке вверх прокатывается тёплая волна и разливается по телу.

— Так это так связь устанавливается? — переспрашиваю я, не слишком надеясь на разумный ответ, всё же зверушка, хоть и дивный дух.

— Фр-ф!

Зверёк меня отпускает, облизывается быстрым розовым язычком, встряхивается, отчего мех распушается, и зверёк окончательно превращается в шар.

— М-р-р?

А теперь что? Предположение только одно:

— Пить хочешь? — не зря же в руководстве про воду писали.

Ответа нет, но смотрит существо очень выразительно. Прямо на мордочке написано недоумение, как он мог связаться с такой тугодумкой. Откуда-то приходит понимание, что дивный дух не бесполой, не самка, а именно самец.

Я встаю. На столике в углу вроде бы стоял графин. Да, я не ошиблась, графин есть. Я переливаю воду в стакан, возвращаюсь к зверьку, опускаюсь перед ним на корточки и протягиваю воду.

— М-рр?

Одно неуловимое движение, и воды в стакане не остаётся. Выпил.

И смотрит требовательно. Пары глотков оказалось мало.

Я приношу графин, и зверёк в мгновение опустошает его до последней капли. Р-раз, и втянул, будто у него внутри насос спрятан.

— Эм?

— Мр-р.

И беседа у нас ну очень информативная.

— Я не уверена, что воду из-под крана можно пить, — честно предупреждаю я.

— Мр-р.

Он понял, что я сказала? Зверёк таращится на меня. Проклятье, он даже не моргает! Две жёлтые площадки в упор — это нервирует.

Может быть, попросить воды у секретаря? Но сколько он принесёт? Литр? Скорее четвертинку. А зверьку, похоже, и двух мало.

О том, что дух может отравиться в руководстве не было ни слова. И про чистоту воды тоже ни слова. Хм... На практике всё оказалось в разы сложнее, чем в описании на экране.

Присев, медленно протягиваю обе ладони:

— Пойдём?

Зверёк позволяет поднять его на руки.

— Друг, а ты тяжёлый.

Я осторожно открываю дверь, выглядываю в коридор. С одной стороны, вряд ли синьор обрадуется, что я без присмотра брожу по конторе, не зря мне сказали по любому поводу звать секретаря. С другой стороны, как я могу просить мужчину провожать меня до дамской комнаты и караулить под дверью?

Идти буквально метров пять.

В дамской комнате никого, что не удивительно. Скорее удивительно, что она вообще есть. Когда секретарь мне её показывал, из соседнего помещения как раз выходил служащий, и я успела мельком заметить интерьер — для мужчин удобства отдельные.

Если бы не знала, что я в другом мире, решила бы, что попала в дамскую комнату какого-нибудь театра. Отделка с претензией на роскошь, чего стоят одни вычурные краны, но в то же время сантехника привычная, удобная. Как и в доме барона.

Я затыкаю фигурной пробкой слив в раковине и пускаю воду. Зверёк вытягивает мордочку, но перебираться под струю не спешит. Может, вода из крана всё-таки не подходит? Я тянусь, чтобы выключить кран.

Зверёк резко отталкивается от меня лапами. Пинок выходит ощутимый, я едва не теряю равновесие. Перелетев на край раковины, дух усаживается так, чтобы заблокировать мне доступ к крутящимся ручкам крана. То есть вода ему всё-таки нужна? Я молча наблюдаю. Зверёк в ответе тарачится на меня не мигая. Проходит, наверное, минуты две. Вода опасно приближается к краю. Нет, так не пойдёт. Заливать пол я не позволю.

Я снова протягиваю руку. И тут на мордочке бирюзового поганца расцветает ехидное предвкушение. Подпрыгнув вверх, зверёк с высоты обрушивается в раковину как в свой персональный бассейн.

— Му-рья!

Вода выплёскивается мне в лицо, стекает вниз. Волосы прилипают к голове, мокрое платье облепляет тело, и даже нижняя рубашка с «ушастой» маечкой не помогают — вид становится полностью неприличным. Вода бежит с волос затихающим ручьём, на полу образуется лужа.

А дивный дух, фырча, весело бултыхается, подставляя под струю из крана то мордочку, то спину.

— Ты, — бессильно выдыхаю я.

Зверёк поворачивается ко мне носом, выбирается на край. И по-собачьи встряхивается, окатывая меня гучей брызг.

— Фр-ф, — выдаёт он.

И что я должна делать с таким чудом?

Я отжимаю волосы, беру из стопки белых полотенец верхнее. Коротковато, самой не закутаться, но духа замотать хватит. Пышный мех впитал воду как губка, зверька можно отжимать. Ага, позволит он. В раковине успеваешь набраться новая порция воды.

Плюх.

— Ми-я!

До меня вода не достаёт, но лужа на полу превращается в озеро.

Проклятье! Почему в руководстве не было ни слова, как духов дрессировать? И как отправить восвояси тоже не было. Я продолжаю вытирать волосы, на плечи набрасываю два сухих полотенца.

Свешиваясь вперёд, они хотя бы закроют грудь.

Зверёк крутится в раковине, на пол выплёскиваются всё новые и новые порции воды.

Я с сожалением смотрю на свои тканевые туфли и разубаюсь.

— Достаточно, — жёстко говорю я.

Дивный дух притворяется глухим, опрокидывается на спину и весело сучит по струе всеми четырьмя лапами.

Ну, хоть кому-то хорошо.

— Синьорина, вы здесь? — раздаётся снаружи голос.

Скрыть происшествие не получится, так что шлёпаю через лужу к двери.

Какой позор...

— Да, здесь. У меня случилась неприятность, — я стараюсь говорить уверенно и держаться с достоинством леди.

Открываю дверь.

— Синьорина? — поражённо выдыхает секретарь.

Но хуже то, что в коридоре не только секретарь, но и синьор Катц. Вот уж кому бы я не хотела сейчас на глаза показываться.

— Тали?

— Фр-р!

Со спины раздаётся смычный плюх, я не вижу, но догадываюсь, что это зверёк спрыгнул на пол.

Дивный дух в мгновение приковывает всеобщее внимание и неторопливо приближается, оставляя за собой водный след. Мокрый мех прилипает к бокам, но поганец всё равно выглядит милахой. Прощмыгнув у моих ног, он выпрыгивает в коридор.

— Не смей! — рявкаю я, сообразив, что он задумал.

Дух встряхивается.

Я успеваю накинуть полотенце.

— Синьорина?

— Прошу прощения. Это... мой фамильяр. Мда.

— Фамильяр?!

Ну да, а что такого? Хотя... В «Фаворитке герцога» фамильяры упоминались, но мало у кого были. Хм... Отказываться от своих слов поздно. Я подбираю зверька с пола, пресекаю попытку выбраться из полотенечного кокона.

— Да, фамильяр.

Секретарь по знаку синьора испаряется, а сам синьор остаётся в коридоре и смотрит на меня очень странным взглядом.

— Что-то не так?

— Я знаю, сколько стоит такой фамильяр, Тали. Как барон мог его купить тебе?

Глава 18

Секретарь возвращается в считанные секунды и набрасывает мне на плечи лёгкий плащ. Скользящая ткань выглядит непромокаемой. Дождевик?

— Спасибо, — киваю я мужчине и перевожу взгляд на синьора Катц. — Барон не покупал мне фамильяра.

Сказать, что призвала? Придётся объяснять, как именно.

Крайне... неприятная ситуация. Описание ритуала досталось мне от Системы и, судя по реакции синьора Катца, ссылаться на библиотеку барона бесполезно. Потому что описание подобного ритуала, возможно, вообще ни в одной библиотеке Эспарта не найти: ни в Кайтере, ни в королевской сокровищнице.

Значит, придётся обойтись полуправдой:

— Он сам ко мне пришёл, укусил за палец, — я даже продолжавшую побаливать ранку демонстрирую, — и между нами установилась связь.

— О? — синьор Катц переспрашивает довольно сдержанно.

Самообладание теряет секретарь:

— Сам?! Но так бывает только в сказках..., — опомнившись, он моментально замолкает, втягивает голову в плечи, бормочет извинения и торопливо отступает.

Синьор величественно не замечает ошибки подчинённого, приглашающе указывает мне на комнату отдыха. Я послушно прохожу первой, синьор галантно пропускает меня вперёд. И лично закрывает за нами дверь. Его взгляд цепляется за россыпь клочков бумаги.

— Это он порвал, — без зазрения совести ябедничаю я, и чуть сдвигаю полотенце, чтобы показать лисью мордочку.

— Фр-р, — ворчание из кокона раздаётся недовольное, но, что примечательно, попыток вырваться зверёк не предпринимает.

Синьор Катц садится за стол. Я подхожу ближе, и не услышав возражений, присаживаюсь напротив. Вот что теперь сказать? Легенды древности едва ли лучше, чем несуществующий манускрипт. Синьор Катц пристально смотрит на меня, и вдруг его глаза вспыхивают голубым светом. Не как у Яна, свет очень тусклый и почти мгновенно исчезает.

Тяжело дыша, синьор Катц упирается лбом в столешницу.

— Синьор, — испуганно вскакиваю я.

Даже про фамильяра забываю, и поганец не упускает возможность, выскальзывает из ослабевшего кокона. К счастью, дивный дух больше не безобразничает, он подходит к синьору, деловито обнюхивает, после чего чихает и беззаботно укладывается рядом.

— Я в порядке, — хрипло выдыхает синьор.

— Вы маг? — доходит до меня.

Я не знала.

— Ну какой же я маг? — усмехается синьор, с трудом приподнимаясь. — Научился паре полезных фокусов. А сейчас даже для фокусов старым стал.

— Синьор Катц, вам действительно лучше? Вы уверены, что не нужно послать за лекарем?

Дивный дух спокоен. Прежде он внимательно обнюхивал синьора. Наверное, зверьку можно доверять...

— Уверен.

— Воды? — неуверенно предлагаю я.

Графин на столе пустой, придётся побеспокоить секретаря.

— Нет, — отказывается синьор.

Я не решаюсь спорить, возвращаюсь в кресло. Синьор неторопливо массирует виски, а я чувствую себя очень неловко. Я вроде бы и не виновата, но именно из-за меня он испытывает неудобства, а я ничем не могу помочь. Вот кому всё нипочём, так это зверьку. Лежит на столе, обернувшись хвостом и таращится на меня. Что ему надо — не понять.

Синьор Катц перестаёт тереть голову, опускает ладони на стол.

Молчание затягивается.

— Тали, тебе не любопытно? — прищуривается синьор, более-менее оправившись.

— Очень любопытно.

— Настоящий маг увидел бы гораздо больше, но и моих скромных способностей достаточно, чтобы кое-что понять. Похоже, ты говоришь правду. Дух связан с тобой, как фамилляр, но нет ни намёка насильственное подчинение.

— Можно узнать, почему вы сомневаетесь?

— Это же очевидно, Тали. Как я уже сказал, я не маг, я не разбираюсь в особенностях магических связей, поэтому могу понять общую картину, но легко ошибиться в нюансах. И резерв... Я смотрел на тебя словно через мутное стекло. Что же в тебе есть такое, что могло привлечь духа, Тали?

Я пожимаю плечами:

— Синьор, вам известно имя Янер Феликс?

— Чудовище с примесью демонической крови?

— Он не чудовище!

— О?

Проклятье! Надо же, как глупо выдала себя. А, ладно.

— Синьор Катц, когда господин Феликс был гостем барона, он сказал, что у меня необычная аура. Возможно, именно это привлекло духа? — я вновь пожимаю плечами и замолкаю.

— Вот как?

Я не вру, но столько не договариваю, что синьор Катц с его цепкой хваткой просто не может этого не замечать.

Он поднимается:

— Тали, я отдам некоторые распоряжения, и мы сможем поехать домой.

— Как скажете.

Синьор уходит, я провожаю его взглядом. Плечи расправлены, голова гордо поднята. Если бы не снежно-белые седые волосы, со спины его можно было бы принять за мужчину в самом расцвете сил.

— Фр-рь, — дивному духу надоедает, что я про него забыла.

Перебравшись поближе, фамилляр царапнул меня когтистой лапой.

— Как тебя зовут, друг? — спрашиваю я.

Наверное, у него есть имя? Или у духов их не бывает? Зверёк выразительно тарашится, молчит. А ведь фыркни он, можно было бы с чистой совестью назвать его Фырем. Эх... Я провожу пальцами по подсыхающему меху, чешу за ухом. Зверёк благосклонно принимает ласку, охотно подставляет бока, подбирается ещё ближе, благодушно мурчит. Я продолжаю гладить. А отношения-то налаживаются! Надеюсь...

Минут через пять за мной приходит секретарь. Я с лёгким смущением оставляю на столе полотенца и, прижимая к себе притихшего фамилляра, выхожу в коридор. Синьор Катц появляется почти одновременно со мной, галантно подаёт мне локоть. Я опираюсь на его руку. Синьор Катц улыбается, но почему-то его улыбка быстро вянет, сменяется задумчивостью.

В молчании мы спускаемся на первый этаж, выходим на улицу, садимся в экипаж. Мне, как младшей, достаётся место лицом против хода движения. Синьор, едва экипаж трогается, отворачивается к окну. Кажется, его морщины становятся глубже, резче. Синьор трёт переносицу, и откуда-то приходит понимание, что он медленно сдаёт, возраст год за годом берёт своё.

Разговор не клеится. Синьор словно забывает о моём присутствии, но нет, редкие косые взгляды выдают, что он ничего не забыл, всё у него под контролем. О чём он думает? Не надо быть гением, чтобы понять — решается моя судьба. Даже зверёк, проникшись тяжёлой атмосферой, сидит тихо.

Экипаж останавливается, кучер открывает дверцу и подаёт откидную ступеньку.

Я ожидала, что мы едем домой, ведь именно так сказал Синьор, но экипаж почему-то остановился

перед храмом. Ошибиться невозможно — здание сплошной корой покрывают изваяния каменных ящеров. Синьор, не проронив ни слова, выходит, помогает мне спуститься и ведёт меня вперёд.

Ничего не понимаю... Зачем нам в храм?

Не в храм, синьор огибаёт здание слева, и взгляду открывается... скована чёрными плитами земля, в стыках ни единой травинки не пробивается, зато бугорками поднимаются приземистые мрачные постройки, подозрительно похожие на склепы. На плоских крышах сидят всё те же каменные ящеры. Между постройками без всякого порядка установлены чёрные матовые столбы.

— Кладбище? — вырывается у меня догадка.

Синьор не отвечает. Он словно не слышит. А может быть, и правда не слышит, потому что его расфокусированный взгляд устремлён вперёд, он впервые сугулится, наклоняется вперёд, будто хочет опередить собственные ноги. Он идёт, ускоряя шаг, моя рука соскальзывает с его локтя, но синьор не реагирует, он шагает ещё быстрее. Я едва поспеваю. Мы проскакиваем по проходам.

И синьор резко останавливается. Я ухватываюсь за столб, и только благодаря этому успеваю затормозить и не врезаться, вот был бы конфуз. Зверёк с недовольным мявком спрыгивает на плиты и, задрвав хвост, отходит в сторону.

Синьор Катц сглатывает, поворачивает с основного прохода в левый боковой и останавливается перед строением, заметно отличающимся от остальных. Не бугорок, а солидный бугор, скорее холм. Везде один-два ящера на крыше, реже три-четыре, а здесь ящеры укрывают строение сплошным покровом как храм, их нет лишь на массивной двери. И её синьор лично отпирает вытасненным из внутреннего кармана ключом.

Внутри строения должно быть темно, но синьор что-то делает, и под потолком вспыхивает тусклый светильник. Я нерешительно застываю у входа.

— Тали.

Он всё-таки помнит, что привёл меня сюда.

Я оборачиваюсь, протягиваю руку, но зверёк выразительно морщит нос и заходить отказывается.

Я делаю шаг, второй.

Небольшой зал отделан не то гранитом, не то мрамором, на глаз не определить. Зал пуст, лишь в центре на возвышении установлен широкий саркофаг, внешне отдалённо напоминающий саркофаги древнеегипетских мумий. Я подхожу ближе. Саркофаг широкий, потому что оказывается, что он двойной — на крышке рельефное изображение пары, он и она лежат, обнявшись.

Синьор Катц поднимается на возвышение и, склонив голову, опускается на одно колено, кладёт дрожащую ладонь на крышку саркофага поверх изображения женской руки:

— Сладких тебе снов, Рири. Я скоро приду, подожди ещё немного, — безнадежно выдыхает он, судорожно глотает застойный воздух склепа.

Я здесь совершенно лишняя.

Синьор медленно поднимается, его руки повисают будто верёвки, он смотрит на изображение женщины:

— Знакомься, Тали. Здесь спит моя первая жена, твоя бабушка.

Глава 19

Он оглядывается, уголок его губ дёргается:

— Мы с Рири будем рады, если в будущем ты сможешь иногда нас навещать.

— Де...

— Стар я стал, — перебивает он, — здоровье уже не то, сдаю потихоньку. Я пожил своё, не о чем грустить. Напротив, когда придёт час, порадуйся, что я снова с Рири. Знаешь, Тали... Я мальчишка из трущоб, отец мой был опустившийся пьяница, а мать... добрая, светлая и совершенно безвольная. Она в моих воспоминаниях как луна, выглядывающая из-за туч в ночи. Она болела, слабела с каждым годом, а лечение требовало денег, которых у отца не водилось. Я учился зарабатывать, и к пятнадцати крепко встал на ноги.

Синьор замолкает, уходит в далёкое прошлое.

— Ваша мама..., — осторожно спрашиваю я.

Синьор отвечает неестественно спокойно:

— Слишком поздно. Болезнь съедала её изнутри, у неё не осталось сил бороться. Лекарям удалось лишь отсрочить неизбежное. Семь лет на закате жизни мама наслаждалась достатком, — он вздыхает. — Когда она покинула меня... Пити, как отец, я не хотел, было противно. И я ушёл с головой в работу, приумножал своё состояние. Работал-работал-работал... В тридцать три я ещё не задумывался о наследниках, не собирался жениться. Я встретил Рири случайно. Она шла с рынка, а я ехал в экипаже, и она чуть не упала под колёса. Я влюбился с первого взгляда. Тогда я не осознавал, сейчас понимаю, что она своей хрупкостью и болезненностью напомнила мне маму. Я отправил Рири к лекарям, а на следующий день посватался. По правде говоря, я просто выкупил её, купил согласие её отца на наш брак, и через неделю мы сыграли свадьбу. Рири смотрела на меня с тихим ужасом огромными голубыми, как летнее небо, глазами. Я не тронул её, обещал любить, уважать, беречь, заботиться.

— Она..., — я будто разучилась говорить. Боль синьора кажется осязаемой.

На его губах расцветает улыбка, лицо озаряется, разом теряет десяток лет, становится почти мальчишеским. Оно становится счастливым.

— Сначала она приняла меня, потом полюбила в ответ. Я носил её на руках, заваливал подарками, исполнял малейшую прихоть. Где-то забыл свой крутой нрав, стал первым подкаблучником Эспарта. Мы были счастливы. Годы с Рири самые счастливые в моей жизни. Она осветила мою жизнь. С тех пор, как она потухла, я не живу, существую во мраке.

— Что с ней стало?

— Рири хотела детей, но рожать ей было противопоказано. Я предлагал усыновить ребёнка. Сколько угодно детей. Рири хотела своего. Я сдался. Я до сих пор сожалею, что уступил. Сейчас она могла бы быть жива... Она прошла курс лечения, сначала всё шло хорошо, но... Она взяла нашу дочь на руки, поцеловала, приложила к груди. Рири успела попрощаться со мной и ушла...

По его щекам слёзы текут сплошным потоком.

— Чтобы не сойти с ума, я погрузился в работу. Я... я старался любить дочь изо всех сил, заботился о ней. Но, наверное, она всё же чувствовала осколок, засевший в моём сердце. Я любил её, но глядя на неё, я не мог избавиться от мысли, что если бы не она, Рири была бы жива.

— Вы поссорились с мамой?

Как иначе она оказалась служанкой?

— Я был богат, а барон в то время остро нуждался в деньгах, закружил ей голову, и вскоре она перебралась к нему в дом под видом горничной. Я пытался остановить, но дочка грозила покончить с собой, кричала, что мне плевать на её счастье. Я ответил, что чувства будут не за мой счёт. Я порвал с ней отношения. Я злился на неё, на её глупость, на то, что теперь мне некому оставить наследство, не барону же. Я знаю, что она оставалась в его доме даже после его свадьбы, родила тебя и, как и Рири, не перенесла тяжёлых родов, хотя вряд ли дело только в родах. Каково ей было? Я сожалею...

В склепе сгущается тягостное молчание. Тишина почти невыносима, и я разбиваю её тихим вопросом:

— О чём?

Синьор Катц криво улыбается:

— Что ждал, когда твоя мама вернёт разум и добровольно вернётся. Мне следовало привезти её домой. Перед смертью она зачем-то оформила на барона право опеки. Полагаю, он видел в тебе единственную наследницу моего состояния. К тому же, признав тебя леди, он бы мог выгодно выдать тебя замуж. Может быть, у него были ещё какие-то планы. Убедившись, что тебя содержат, обучают наравне с законной дочерью, я не слишком стремился тебя забрать.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что присмотрели издали. За то, что были готовы подобрать меня, если бы барон решил вышвырнуть меня ещё тогда.

— Сразу после разрыва с дочерью, я женился второй раз. Договорной брак. Супруга получила

щедрое содержание, родила мне двоих сыновей. Старший на год младше тебя, второму пятнадцать. И за ужином ты с ними познакомишься.

Я киваю, если я хочу получить помощь, знакомство неизбежно. Но вот на месте мальчиков я бы не обрадовалась, я бы приняла себя за охотницу за состоянием семьи Катц.

Синьор гладит саркофаг, отстраняется и указывает мне на выход. Он гасит свет, едва слышно желает Рири сладких снов и запирает за собой дверь, утирает платком лицо. Я пытаюсь незаметно сморгнуть выступившие слёзы.

Обратно мы идём заметно медленнее, синьор горбится, едва переставляет ноги. Само собой получается, что я подхватываю его под руку и подставляю плечо. Фамильяр не просится на руки, прыгает за нами, держась на расстоянии. Бирюзовый меховой шарик мелькает то справа, то слева, то вырывается чуть вперёд, то отстаёт. И раньше нас запрыгивает в салон экипажа. Я помогаю синьору сесть.

— У тебя пальчики точь-в-точь как у Рири, — он ловит меня за руку и усаживает рядом, не отпускает. — Черты лица как у Рири. Но ты на неё совсем не похожа. Знаешь, что делает внешность внешностью?

— Нет.

— Характер. Рири была хрупкой, мягкой. Она напоминала ивовый прут, который гнётся, но не ломается. А ты... характером ты скорее похожа на меня, но всё же другая...

Фамильяру надоедает исследовать небольшой салон, углов, куда бы он не ткнулся, не остаётся, и он забирается на сидение, но не ко мне, а усаживается со стороны синьора:

— Мр-р.

И синьор улыбается, проводит по меху:

— Повезло тебе.

— Да.

Может быть, Система и не честна, далеко не честна, но я признаю: моя жизнь расцвела новыми красками.

Экипаж отдаляется от храма, и синьор расправляет плечи, поднимает голову, но руку мою не отпускает, продолжает рассматривать мои пальцы. Взгляд его безучастно блуждает по стене, но минут через пять становится осмысленным. Синьор выныривает из прошлого и сосредотачивается на настоящем:

— Тали, ты была серьёзна на счёт кафе?

— Полностью. Я рассчитываю решить проблему поставок к утру.

— Ого.

— Синьор, я уже упоминала, что у меня есть источник поддержки, который я не могу раскрыть. Я ничего не имею против, если ваши люди попытаются его отыскать, но не просите меня говорить.

— Я понял. И, Тали, зови меня дедушка.

— Спасибо за доверие... дедушка.

Минут через десять-пятнадцать экипаж останавливается перед каменным двухэтажным зданием, от соседних домов отделённым неширокими полосками зелени. Прилегающей территории, как при особняке барона, нет, здание меньше, скромнее, однако нет сомнений, что оно принадлежит состоятельному человеку. Как и соседние дома.

Синьор помогает мне спуститься на мостовую.

— Мр-ря, — раздаётся вслед, и фамильяр прыгает.

Я едва успеваю поймать его на руки. Подозреваю, прыгни он мне на плечо или на голову, будет больно. Зверёк насмешливо фыркает и как ни в чём ни бывало устраивает мордочку у меня на локтевом сгибе.

Поганец.

— Наглядный пример, почему установление добровольной связи категорически не рекомендуется, — комментирует синьор.

При случае надо почитать о фамильярах.

— Придётся воспитывать, — пожимаю плечами я.

— Мр-р?! Фр-р! — у духа аж шерсть на загривке дыбом встаёт.

— О, друг, ты всё-таки понимаешь человеческую речь? Какая прелесть.

— Фр-р! — возмущённо отвечает фамильяр и затихает.

Отвлёкшись на внезапное открытие, я пропускаю появление молодого человека в форме лакея. Парень распахивает дверь и склоняется в низком почтительном поклоне.

— Пригласи синьору Иглис, — небрежно бросает синьор, проходя мимо.

Лакей моментально испаряется. Пожалуй, слуги у синьора вышколены не в пример лучше, чем у барона.

Небольшой холл сияет чистотой, в воздухе витает лёгкий цветочный аромат. Синьор проходит вперёд, я следую за ним. Когда мы поднимаемся на второй этаж, навстречу спешно выходит женщина лет сорока, одетая в строгое кирпичного цвета платье и приталенный жакет на два тона светлее.

— Мой синьор, — она исполняет полный грации реверанс.

— Тали, синьора Иглис моя домоправительница, по всем бытовым вопросам ты можешь обращаться напрямую к синьоре. Полагаю, временно ты поживёшь в гостевых комнатах, они всегда готовы. Также синьора Иглис пришлёт тебе горничную. Обо всём остальном мы поговорим завтра. Согласна?

— Да, дедушка.

— Вот и хорошо. Синьора Иглис, синьорина Талиая Катц моя внучка. Позаботьтесь, пожалуйста, о праздничном ужине.

— Будет исполнено, мой синьор.

— Тали, если что, не стесняйся найти меня. До встречи за ужином.

Синьор Катц уходит, и мы с домоправительницей остаёмся наедине.

Глава 20

Женщина снова почтительно приседает, она чуть приподнимает юбку с боков и разводит в стороны. Голову наклоняет не так низко, как перед синьором, да и приседает лишь слегка, но, наверное, этикету её приветствие соответствует. По крайней мере, никакого диссонанса я не ощущаю.

— Добрый вечер, синьора Иглис, — здороваюсь я.

Она выпрямляется. Я чувствую на себе цепкий взгляд, однако поймать его не получается, синьора всем своим видом демонстрирует отстранённость и сдержанное уважение.

— Приветствую, синьорина Талиася.

А у барона слуги сокращали моё имя до короткого Ася....

Домоправительница приводит меня в... Вау! Многокомнатные апартаменты: домоправительница показывает мне гостиную, рабочий кабинет и спальню с примыкающей к ней собственной ванной комнатой. И дура Ася ютилась в каморке ради призрачной перспективы стать леди?! У неё и впрямь мозгов не было.

— Синьорина, ваша горничная прибудет в течение пяти минут. Вам что-нибудь ещё нужно?

Спальное место для фамильяра и для него же бассейн, но с этим разберётся горничная, её уровень. У горничной же попрошу бумагу и писчие принадлежности, хотя, вероятнее, они уже подготовлены, просто не пылятся на столешнице, а лежат в ящике.

— Благодарю, пока ничего.

— Синьорина, праздничный ужин начнётся через два часа.

— Спасибо.

— С вашего позволения, синьорина.

Домоправительница удаляется.

Интересно, как быстро она доложит обо мне нынешней жене синьора Катца? Или не она? В любом случае на ужине ожидается занимательная нервотрёпка.

Я хмыкаю и осматриваюсь ещё раз, теперь внимательнее. Эх, чтоб мне так всегда жить...

В дверь гостиной раздаётся короткий стук.

— Войдите, — разрешаю я.

На пороге стоит девушка моего возраста. Тёмное глухое платье, белый передник и чепец выдаёт в ней ту самую обещанную мне служанку.

— Добрый вечер, синьорина Катц. Меня зовут Мия, и я назначена вашей горничной, — представляется она.

Я ловлю себя на том, что не знаю, как ответить. Наверняка есть некая принятая на такой случай фраза... Мда, вот ещё проблема: Ася, желавшая стать леди, идеально вызубрила этикет, а я полагаюсь лишь на мышечную память тела. Надо срочно исправляться, иначе однажды придётся объяснять, как я умудрилась забыть все уроки, которые получила в доме барона.

— Добрый вечер, Мия. Рада познакомиться.

— Синьорина, какие будут указания?

— Помогите мне привести себя в порядок к праздничному ужину, это главное. Мой фамильяр...

Я приподнимаю руки, чтобы Мие было лучше видно бирюзовую мордочку. Её глаза округляются. Воображение рисует, как в её огромных глазах вспыхивают анимешные розовые сердечки. Друг, да ты у меня, оказывается, живое оружие мимимишного поражения. Девушка готова, сражена наповал.

— Ох, простите синьорина, — спохватывается она.

— Не смущайся. Если мой фамильяр захочет, он даже разрешит тебе его погладить. Но предупреждаю сразу, насколько он милый внешне, настолько же он пакостник. Позови меня, когда ванная будет готова.

— Да, синьорина. Простите, синьорина Катц, но... ваш багаж?

— Багажа нет.

Поняв, что вопрос получился неуместным и неприятным, Мия чуть вздрагивает.

Я ободряюще улыбаюсь и ухожу в кабинет, плотно прикрываю за собой дверь. Шкаф, письменный стол, кресло, спокойные тона интерьера и картины в качестве настенных украшений. Словом, ничего особенного, обычная рабочая комната.

Перво наперво я пересаживаю зверька на столешницу, сажусь сама. Зверёк переступает лапами, обвивается пушистым хвостом и поднимает мордочку так, что мы оказывается чуть ли не нос к носу. Таращится, поганец. Я выдержать игру в гляделки не могу. Как состязаться с тем, у кого век нет, и кто по жизни не моргает?

Но играть я и не собираюсь.

— Ты очень милый, — начинаю я с откровенной лести.

Зверёк дёргает носом, мне кажется, что удивлённо. Но лесть принимает и распушает мех. Ну, прям павлин, с поправкой на то, что у павлинов хвост, а не бирюзовая шуба.

— Я очень рада, что ты откликнулся на мой призыв и захотел остаться со мной.

— Фр-рь, — дух устраивается удобнее, вероятно, наивно полагая, что я и дальше собираюсь его умасливать. Вот уж нет.

— Я пригласила тебя как друга, — продолжаю я. — Знаешь, что это значит?

— Мр-р?

— Что делать всё, что тебе взбредёт в голову, ты не будешь.

— Мр-р?!

Зверёк аж на лапах приподнимается.

— Не будешь, — уверенно повторяю я. — Объяснить почему?

Зверёк молчит, смотрит.

Я улыбаюсь не самой приятной улыбкой:

— Потому что друзья всегда принимают в расчёт удобство друг друга.

— Фр-рь?

— Именно так.

— Фр! — зверёк обиженно отворачивается и спрыгивает со стола, демонстративно отворачивается.

Я напрягаюсь, готовая, что он сейчас бросится устраивать беспорядок и потешаться надо мной, ведь ни поймать его быстро, ни приструнить иначе я не смогу. Однако ничего подобного дух не делает и просто уходит в гостиную.

Пойти следом? Нет, пока тихо, лезть не буду: мне кажется, ему есть, о чём подумать. На секунду вспыхивает паническая мысль, что фамильяр откажется от меня и исчезнет, но я эту мысль прихлопываю. Я прислушиваюсь минуту, другую. Да, тихо. Не выдержав, выглядываю в гостиную. Со стороны ванной доносится плеск. А, ну теперь точно можно не беспокоиться — зверёк нашёл, как себя развлечь. Я возвращаюсь в кабинет и вызываю мобильник.

«Счёт: 544 карата»

О?

А было семь...

Нажимаю детализацию.

За успешный ритуал начислили почему-то всего три карата, остальное — за установление связи с фамильяром. Да, я помню волну тепла, поднявшуюся по руке и прокатившуюся по всему телу. Хм... Жаль, что фокус одноразовый. Во-первых, сомневаюсь, что мой дивный дух потерпит конкурентов. Во-вторых, а что я с целым необузданным зоопарком делать буду?!

Я перехожу во вкладку каталога.

Так, скидка не отображается, в ценах, а активируется при покупке. То есть при просмотре товаров надо выставить верхнюю планку в тысячу сто карат, недостающий хвостик как-нибудь надышу.

Первый запрос я выставляю очень общим, конкретизировать всегда успею.

А пока — поехали!

Ковёр-самолёт, шерстяной, два на три метра, в качестве топлива сжигает собственные нити, восстановлению не подлежит. Хм, спасибо, но не надо. И шёлковый пять на десять метров тоже не надо. Так и представляю, я в воздухе верхом на горячей тряпке — яркие впечатления и ковёрная фобия на всю оставшуюся жизнь гарантированы.

Чемодан с карманом расширенного магией пространства. Уже интереснее. Допустим, продуктовые поставки для кафе я в чемодан утрамбую и воспользуюсь аркой Кайтара, меня одну, без мальчиков-зайчиков, возможно, пропустят, особенно в первый раз. Но как быть с официантами? Посадить на лошадей? Удовольствие за мой счёт, и я разорюсь оплачивать многодневный переход.

Игрушечная карета, запряжённая шестёркой вороных коней. На час кони оживают, а карета превращается в настоящую ездовую. Почти как тыква у Золушки. Наверное, в определённой ситуации такой козырь в рукаве может оказаться спасительным, но мою проблему игрушка не решит, увы.

Подобие страуса с чешуёй вместо перьев. Быстроногий, прожорливый, поднимает вес до тридцати килограммов.

Хоть что-то не мусорное есть, а?

Я перелистываю страницу за страницей. Названия, картинки, названия... Я отбраковываю вариант

за вариантом.

Парное зеркало, работает как портал. Допустим, одно я протаскиваю через арку Кайтера, второе оставляю синьору Катцу. В воображении грузчики уже перекидывают ящики через волшебное стекло. Я вчитываюсь в детальное описание... Опять облом. Зеркало пропускает одного человека и не чаще, чем раз в два дня, багаж жёстко ограничен. Хочешь больше — плати дороже. Но где я возьму полторы тысячи карат, и это уже с учётом скидки?!

К счастью, невезение не длится вечно.

Мост. Сперва я вообще не понимаю, что это архитектурное сооружение делает в выдаче на мой запрос. Вчитываюсь. И присвистываю. Пространственный магический мост соединяет две точки. Главное условие — я побывала в обеих. То есть я належке пройду через арку Кайтера и уже с территории будущего кафе перекину мост обратно в столицу, к синьору Катцу. Доставка... Похоже, чемодан тоже в списке покупок. Самое приятное или неприятное, смотря с какой точки зрения оценивать, сам по себе мост не работает, именно поэтому стоит относительно недорого. Мне придётся докупать к нему «батарейки». Скверно, да. Но пока лучше ничего нет.

Я достаю из ящика стола чистый лист бумаги и тщательно переписываю описание моста. Придётся заняться крайне скучным делом — вычислениями. Сколько батареек потребуется, чтобы мост соединил Кайтер со столицей? А сколько — чтобы мост продержался четверть часа, полчаса?

В дверь раздаётся стук:

— Синьорина Катц, ванная готова.

— Так быстро? Спасибо! Иду через минуту.

Закончить расчёты я не успеваю. Оставить? Писала я кириллицей, так что прочесть шифр никто не сможет. Но вопросы могут быть. Поколебавшись, с лёгким сожалением сжигаю бумагу.

Горничная зачем-то проходит в ванную вслед за мной.

Я оборачиваюсь:

— Я привыкла сама справляться с купанием.

— Да, синьорина. Позвольте показать? Ваши полотенца. Ваш халат.

— Спасибо.

До ужина не так много времени, поплескаться вволю не получится. Я наскоро споласкиваюсь, укладываюсь в четверть часа, но выхожу чистой и посвежевшей.

Горничная ждёт в спальне. К моему приходу... Я смотрю и не знаю, как реагировать. На постели лежит чистое бельё, а на шкафу на вешалках вывешены сразу три новых платья. Явно, что подготовлены для меня. Откуда бы?

Мия не замечает моей настороженности:

— Синьорина, какой наряд вы предпочитаете надеть?

Настаивать на второй день ношеном, пропитавшимся уличной пылью жемчужно-сером просто глупо.

Перемерять все три платья я не успеваю, выбор придётся делать на глаз. Кремовое с бантом, тёмно-зелёное с вырезом-каре или вишнёвое с бисерной вышивкой на лифе? Светлое не подходит к времени суток, вишнёвое слишком роскошно. Остаётся зелёное.

Мия подаёт мне новые туфли, помогает собрать вечернюю причёску, подаёт выбранное платье. Справляется она выше всяких похвал, особенно с причёской.

Когда за мной приходит домоправительница, я, готовая стою перед зеркалом. Приветливо улыбнувшись синьоре Иглис и поблагодарив за комплимент, я выхожу в коридор. Ладони леденеют, а аппетит разом пропадает. Пусть синьор Катц позволил называть его дедушкой и больше не считает меня засланкой барона, от ужина многое зависит...

Прежде, чем Мия успевает закрыть дверь, бирюзовый шарик, тихарившийся невесть где, меховой молнией выскакивает в коридор вслед за мной.

— Мр-рь?

Я с радостью приседаю и беру фамильяра на руки.

— Спасибо, — тихо шепчу в треугольное ухо.

Идти в столовую в компании оружия мимимишного поражения мне гораздо спокойнее.

— Фр-рь!

Глава 21

В столовую я вхожу, когда все уже собрались за столом. Я исполняю реверанс, но сделать это с фамильяром на руках не так-то просто, потому что подобных навыков у тела нет. Я выпрямляюсь.

Интерьер столовой не уступает залу какого-нибудь пафосного ресторана, в атмосфере нет ничего домашнего, и я произвольно подбираюсь.

Синьор Катц восседает во главе стола на троподобном кресле. Место синьоры Катц по левую руку супруга, но на длинной стороне. Даже в этом подчёркнуто её подчинённое положение. Это же синьора Катц, да? Вряд ли я ошибаюсь. Величественная молодая дама со сложной причёской на голове — кем ей ещё быть? Смотрит на меня невыразительно, с вежливой приветливостью.

Мне бы сейчас способности Яна. Он бы с первого взгляда определил, хочет она меня тихо придушить подушкой или весело скормить голодным крокодилам.

По правую руку от синьора худощавый парень, не уступающий отцу в росте. Младший сын, на вид мальчишка лет пятнадцати, сидит с матерью. И мне предстоит провести ужин напротив него, рядом со старшим. В тесном семейном кругу, угу.

Синьор Катц поднимается, и его сыновья тотчас подрываются со стульев. Синьора Катц невозмутимо остаётся сидеть. Заговаривает синьор:

— Тали, проходи, не смущайся. Либель, Дамир, Эдан, я хочу представить вам мою внучку, синьорину Талиасю Катц. Тали, знакомься, моя супруга синьора Либель Катц, моя старший сын Дамир и мой младший сын Эдан.

Мальчиков представил без фамилии, а супругу — официально. Показательно.

Рано делать окончательные выводы, но выглядит так, будто взаимовыгодное партнёрство так и не перешло даже в подобие дружеских отношений.

— Я рада познакомиться, — улыбаюсь я и, кажется, отвечаю не так, как следует, согласно правилам этикета.

Спишем оплошность на смущение.

Дамир галантно отодвигает для меня стул.

— Я заставила себя ждать, — извиняюсь я.

— Ни в коем случае, — заверяет синьор с улыбкой.

Далёкий от дружелюбия интерес лишь слегка припорошенный вежливостью действует на нервы. Похоже, не только мне. Бирюзовый меховой шарик приподнимается на лапках, разворачивается мордочкой к синьоре и с откровенным недовольством фыркает:

— Мря?

У Эдана округляются глаза. Позабыв обо мне, о приличиях, он заворожено смотрит на невиданного зверя и протягивает к нему руку прямо через стол, вряд ли осознанно. Дамир пытается сдержаться, но любопытство оказывается сильнее. И даже синьора Катц подаётся вперёд.

Атака мимишности по всем фронтам, попадание стопроцентное.

— Мой фамильяр, — хмыкаю я и зарываюсь пальцами в мех.

— Какой очаровательный, — доброжелательности во взгляде синьоры прибавляется.

А ведь, если я правильно поняла, любой фамильяр — дорогое удовольствие. Вероятно, в глазах синьоры я теперь не бедная родственница, а богатая особа. Удачно, однако.

— Из какой страны этот зверёк? Не скажу, что я интересовалась экзотическими питомцами, но всё же я никогда не слышала о подобных существах.

— Простите, синьора, это не зверь в обычном понимании. Это, — я вспоминаю формулировку из руководства, — воплотившийся призванный дух.

Получается, более распространённая в Эспарте практика ловить духа и вселять в животное? Хм... Как же не хватает знаний.

— Воплотившийся?! — поражённо переспрашивает синьора.

Похоже, стоимость моего фамильяра только что вознеслась в заоблачную высь.

Может, стоило отговориться экзотикой?

Ну, переигрывать поздно, а в будущем стоит быть внимательнее и обязательно разобраться, какие фамильяры вообще бывают и сколько стоят.

— Верно, — киваю я.

— Синьорина, вы, наверное, с детства делали успехи на занятиях магией? — Дамир чуть меняет тему беседы.

Да, логично предположить, что я талантливая магиня, раз барон расщедрился для меня на подобный дар. Или вдвойне талантливая, раз смогла поймать духа сама. И логично под видом комплимента попытаться выяснить мой приблизительный уровень владения магией.

— Откровенно говоря, нет. Я лишь мечтаю обучаться магии. Возможно, в Кайтере, — иными словами, не беспокойтесь, я не собираюсь злоупотреблять гостеприимством.

— Тали, не скромничай, — вмешивается синьор. — Тали признавалась, что хочет не только обучаться в Кайтере, но и открыть неподалёку кафе для скучающих адептов и наставниц.

И щурится насмешливо.

Вот же! Теперь справиться с открытием кафе для меня дело чести. Подставил, дорогой дедуля.

Но нет худа без добра. Во-первых, я предпочту обсуждать кафе, а не свои сомнительные магические таланты. Во-вторых, старший заинтересовался:

— Любопытная идея. Но почему именно кафе? Насколько мне известно, в Кайтере хорошие повара, а чаепитие с подругами одно из главных развлечений.

Я ухмыляюсь:

— Чего, по-вашему, больше всего не хватает магиням, запертым в Кайтере?

— М?

— Мужского общества.

— Вы собираетесь нанять официантами мужчин.

— Скорее юношей, обязательно подтянутых и привлекательных, не похожих друг на друга внешне. Ассорти на любой вкус.

Дамир поперхнулся, Эдан вряд ли понял, что я сказала. Синьора Катц сохраняет полную невозмутимость. Синьор же Катц одобрительно ухмыляется:

— Оригинальный десерт, правда?

— Это может сработать, — соглашается Дамир. — Но Кайтер не позволит мужчинам воспользоваться своей порталной аркой.

— Вы правы, это самый трудный момент, но у меня есть на этот счёт некоторые идеи, и я буду очень признательна, если вы найдёте время оценить их. Например, завтра. Боюсь, синьора Катц заскучала.

— Ох, верно. Мама, простите.

— Всё в порядке. Если синьорина не начала говорить о делах, я бы отказалась верить, что синьорина действительно Катц.

По знаку синьоры лакей приносит ещё один стул, выкладывает на него стопку из четырёх плотных диванных подушек.

— Спасибо, — благодарю я.

Зверёк, фыркнув, позволяет себя пересадить, тем более лакей ставит перед ним глубокую супницу. Я внутренне напрягаюсь. Мало ли, что дух учудит, не зря он смотрит на меня с таким провокационным ехидством.

Лакей подаёт на стол первое блюдо, затем из хрустального графина наливает в супницу фамильяра чистую воду. Начать ужин, по идее, должен синьор, но разве бирюзовому чуду есть дело до хорошего тона? Меховой хитромордый шарик подаётся вперёд, опирается передними лапками о столешницу и начинает пить, на удивление, тихо и аккуратно. Быстрый розовый язычок так и мелькает, вода исчезает в считанные секунды. Синьора Катц следит за зверьком с нескрываемым умилением.

Расслабляться рано, но всё же есть надежда, что дивных дух не станет портить ужин.

Лакей доликает воды. Кажется, сегодня ему предстоит поработать водовозом, потому что парой литров дух точно не ограничится. Бедняга лакей... Но я эгоистично радуюсь, ведь пока фамильяр занят, он точно ничего не выкинет. Ну, в теории...

Завязывается лёгкая светская беседа. Я стараюсь больше слушать, нежели говорить, хвалю повара, ненавязчиво восхищаюсь синьорой. Словом, делаю всё, чтобы закрепить приятное впечатление и убедить, что ищу пусть и неравного, но партнёрства, а не денег и наследства. Вино стараюсь не пить, особенно когда замечаю, что тосты звучат подозрительно часто. Ещё одна проверка? Ох... Наконец, лакей подаёт десерт — фруктовое желе в стеклянной вазочке. Последние полчаса мучений.

Синьор Катц откладывает ложку.

— Тали, у тебя был трудный день.

— О? Дедушка, это был самый счастливый день в моей жизни.

Синьор Катц поднимается из-за стола. Я торопливо поднимаюсь следом, подхватываю фамильяра. Я должна уйти первой? Неожиданная подсказка приходит от Дамира, он галантно предлагает мне локоть. Синьор Катц точно так же протягивает руку супруге, их пара первой выходит из столовой. Мы с Дамиром вторые, Эдан в одиночестве замыкает.

Я в очередной раз отмечаю, что отношения между синьором и синьорой лишены семейной теплоты, их связывает лишь договор. И дети. Сыновей синьор Катц явно любит, хоть и держит в ежовых рукавицах. Старшему всего восемнадцать, он на год младше меня, но он уже возглавляет судовую контору, и спрос с него, как с равного взрослого.

— Доброй ночи, — прощается синьора Катц.

— Доброй ночи, — улыбаюсь я.

Можно выдохнуть?

— Доброй ночи, — желает синьор Катц. — Кстати, Тали, я буду ждать тебя завтра в кабинете сразу после завтрака. Признаться, я в нетерпении узнать, как ты планируешь решить проблему с поставками в кафе.

— Да, дедушка.

Самой интересно, как я решу проблему. Но обязательно решу, не могу ударить в грязь лицом.

Ночь придётся посвятить логистической головоломке и расчётам. Ха, а ведь я надеялась поваляться в ванной, одна из выставленных на полке скляночек обещала ароматную пену... В спальню я возвращаюсь в задумчивости, отпускаю горничную, заверив, что помощь мне не понадобится.

Фамильяру надоедает сидеть у меня на руках, фыркнув, он спрыгивает на спинку кресла.

Я присаживаюсь на подлокотник, протягиваю руку и пропускаю между пальцами бирюзовый мех:

— Спасибо, что помог.

— Мур-р.

— Скажешь, как мне тебя называть? У такого красавца должно быть красивое имя, правда?

— Пфф.

Увернувшись от моей руки, он спрыгивает на пол и царственно удаляется в спальню. А я, вздохнув, перебираюсь в кабинет.

Интерлюдия 2 Господин Янер Феликс

Устроившись в кресле напротив барона, смотрю на новые серые пятна в его ауре. Я привык к энергетической грязи, привык игнорировать её, но сейчас чувствую её особенно остро. Приходится прилагать заметные усилия, чтобы скрыть своё отношение, сдержать магию, не ударить.

— Господин Феликс, вы сказали, что нашли того, кто желал навредить моей семье, — барону явно надоедает моё молчание, и он выдёргивает меня из задумчивости.

— Да.

Конечно, нашёл.

Любая смерть всегда сопровождается всплеском энергии, который оставляет в аурах живых характерный след. Обычно, подобные следы держатся от двух до пяти дней. И да, есть способы замаскировать след или убрать, но редко, кто из немагов задумывается об этом, особенно если привык действовать на расстоянии.

Убийцу я нашёл в первый же час пребывания в доме, хватило одного взгляда, однако имя убийцы — это не то, что хотел барон.

— Итак, господин Феликс?

— Около месяца назад вы наняли нового повара-южанина.

— Да, это так, — барон горделиво расправляет плечи. — Мне стоило больших усилий его заполучить. Но вы не совсем правы, он не обычный повар. Он мастер специй.

Я согласно киваю. Действительно, искусный мастер, я вчера оценил, до сих пор до конца в себя не пришёл.

Но делиться своими проблемами с бароном я точно не собираюсь, поэтому продолжаю:

— Вы знаете, что травы в определённых сочетаниях могут не только изменить вкус блюда, но и убить? Кара мечтала повысить свой ранг, став мастером специй, причём мечтала давно. Когда вы приняли этого южанина, она понадеялась стать его ученицей. На её несчастье, некоторыми знаниями она уже обладала. Она обнаружила мешочек со смесью трав, которые смешивать недопустимо. Никакого вреда, если они будут добавлены в еду один или два раза, но если их подсыпать жертве постоянно, у неё начнутся проблемы со здоровьем, и однажды сердце не выдержит.

Я замолкаю, давая барону осознать услышанное.

И моего намёка ему хватает:

— Эшли?!

— Да.

Кара оказалась не только глазастой, но и смертельно глупой. Вместо того, чтобы притвориться слепой или бежать к барону, она пристала к южанину с расспросами, так и не поняв, чему именно стала свидетелем. А он испугался, запаниковал и не придумал ничего лучше, чем спешно, совершенно не продуманно убить её. Согласился взять её ученицей, и Кара радостно приняла отравленный чай из его рук, умерла почти мгновенно. Это и стало главной ошибкой южанина — в момент её смерти он был рядом.

— Но... Но кому могла помешать моя девочка?

Разве не очевидно? Я ожидал большей сообразительности.

— Барон, когда-то вы заключили весьма кабальный брачный договор.

— Причём здесь это? — раздражённо вскидывается барон.

Т-с-с, больная тема?

— Барон, вы давно вдовец, у вас нет сына, — я испытываю странное удовлетворение, наблюдая, как каждое моё слово иглой вонзается в его расцветающую грязно-жёлтыми кляксами ауру. — Однако до сих пор вы не женились. И вы не признали официально свою старшую дочь, хотя могли бы

выдать её замуж. Брачный договор до сих пор сковывает вас.

— И? Я женюсь повторно после того, как выдам Эшли замуж.

— Половина, если не больше, вашего состояния должна будет отойти леди Эшли-Саманте в качестве приданого, да и наследником титула станет её внук, а не ваш сын.

— Да.

— Полагаете, это устраивает вашу неофициальную невесту? Ваше желание отодвинуть объявление о помолвке на год её насторожило. Леди раздобыла копию вашего брачного договора...

— И решила расчистить путь для своего ребёнка?!

Барон стискивает кулаки, но от ругательств удерживается.

Пару минут он обдумывает мои слова:

— Благодарю, господин Феликс. Вы считаете остальные слуги мне преданы?

— Да, сейчас они на вашей стороне, но это не значит, что на их верность вы можете полагаться в будущем. Полагаю, их до сих пор просто не пытались подкупить.

— Я понял, ещё раз благодарю.

— Я рад, что смог вам помочь, — усмехаюсь я.

— Господин Феликс, я должен вызвать Эшли лекаря. Я буду рад продолжить нашу беседу за ужином.

Я бросаю взгляд на окно. Вечер совсем скоро...

— Барон, я признателен вам за гостеприимство, однако вынужден отказаться. У меня есть дела, о которых я должен позаботиться.

— Понимаю...

Барону безразлично, останусь я или уйду.

Пара вежливых фраз, и мы прощаемся.

Я выхожу из кабинета.

О чём я барону не рассказал и рассказывать не собираюсь, так это о том, зачем южанину понадобилось избавиться от меня. Поняв, что земля горит под ногами, что он вот-вот будет разоблачён, южанин собирался бежать, а перед этим выполнить заказ. Леди Эшли-Саманту спас счастливый случай — она уехала в храм, не позавтракав.

Я сбегаяю на первый этаж, игнорирую лакея, выхожу из особняка.

Ждать предложенный экипаж нет никакого терпения, я отказываюсь. Быстрее прогуляться до начала улицы и взять на проспекте наёмную коляску.

— В храм, — приказываю я извозчику, уточнив, в какой именно, благо леди Эшли-Саманта со слов слуг всегда посещала один и тот же. Вряд ли она изменила привычкам в этот раз.

Извозчик трогает, и я с трудом удерживаюсь, чтобы не приказать ему поторопиться.

Пожалуй, надо показаться учителю, пусть посмотрит, что у меня с аурой. Я всё ещё не в порядке.

Но прежде я обязательно заберу Асю домой.

Впереди показывается здание храма.

Наконец-то! В начале мысли, что я заберу Асю успокаивали, я смог сосредоточиться на обязательствах перед бароном. Но сейчас, чем ближе подъезжаем, тем труднее мне сдерживаться. Я спрыгиваю на мостовую до того, как коляска успевает полностью остановиться, расплачиваюсь с извозчиком. Я переплачиваю раза в три, но нет сил считать или, хуже, ждать сдачу.

Я вбегаю в храм, минуя главный зал.

Первый жрец сам выходит мне навстречу:

— Дори, что-то случилось? Чем я могу вам помочь? Пройдёмте? Вы пугаете других прихожан...

Ох, позо-о-ор...

Только после слов жреца я осознаю, что мои глаза светятся нестерпимой для людей зеленью. Демоны!

Я зажмуриваюсь, выдыхаю.

И достаю служебный знак.

— Господин дознаватель? — удивляется жрец.

Прекрасно его понимаю. Сейчас я показал себя полнейшим непрофессионалом, но...

— Сегодня рано утром ваш храм посетили две сестры. Одна из девушек попросила убежища при храме. Мне она нужна.

— Хм?

Жрец, в ауре переливаются корыстолюбие и прижимистость, неожиданно соседствующие с добродушием и сострадательностью, проводит ладонью по подбородку.

— Господин дознаватель, но ни одна девушка не просила сегодня убежища. Если быть точным, то последний раз убежище просил некий молодой человек неделю назад.

Жрец не врёт, он искренне верит в то, что говорит.

Но как это возможно?! Асе просто некуда было пойти. Я ведь выяснил, у неё кроме личного документа при себе ничего больше не было.

— Может быть, вы не знаете?

— Давайте опросим остальных жрецов, — легко соглашается жрец. — Однако, если я правильно понял, о ком вы говорите, то вряд ли остальные хоть чем-то вам помогут.

— То есть?

— Утром храм посетила дочь барона Даргина. Леди устроила знатный переполох: по её словам, она приехала вознести молитвы вместе со своей единокровной сестрой, незаконнорожденной, которая накануне совершила нечто недопустимое для девушки.

Я стискиваю кулаки.

«Недопустимое» — уж не собирается ли барон связать убийство кухарки и побег Аси?! Официальных обвинений он, естественно, не выдвинет, но тут и слухов хватит, чтобы обелить имя барона. Из бессердечного отца он разом превратится в убитого горем родителя, чья дочь стала убийцей. Ситуация будет вывернута наизнанку: барон не изгнал дочь, он защитил её от каторги. И про репутацию леди Эшли-Саманты не стоит забывать. Лучше быть сестрой преступницы, чем прелюбодейки.

Проклятье!

— И? — глухо спрашиваю я.

— Мы искали ту девушку, но не нашли. Вероятно, она пробыла в молельне совсем немного и покинула храм.

— Ясно, спасибо.

— Простите, что не смог помочь, — жрец искренне опечален.

— Вы помогли.

Куда пошла Ася? Домашняя затворница, не знающая жизни за пределами особняка, без денег, в холодном платье и тканевых туфлях?

Куда бы я пошёл на её месте?

В голову ничего, кроме храма не приходит. Возможно, Ася не захотела оставаться именно здесь и пошла в другой храм? Логично и даже правильно. Я бы как раз так и поступил. Непрошенная мысль о нашем с Асей сходстве отзывается на языке сладостью.

Я выдыхаю, окончательно успокаиваюсь, ещё раз благодарю жреца и покидаю храм.

Вряд ли Ася ушла далеко. Денег на извозчика у неё не было. Значит, храм в пешей доступности. Надо прикинуть расстояние... Плохо, что она могла пойти в любую сторону — придётся побегать, прежде, чем я её найду. За несколько часов точно управлюсь. И объясню, что не нужно от меня сбегать!

Я подзываю извозчика.

Глава 22

Синьор Катц изменил своим привычкам и не отправился рано утром в контору, а остался дома, что, впрочем, не мешало ему держать руку на пульсе событий, выслушивать доклады, отдавать распоряжения. Можно не сомневаться, что все виновные в перевозке запрещённых грузов скоро будут найдены и... Интересно, а в Эспарте болотистая местность? Чавк, и нету преступных тел. Сомневаюсь, что управляющий переживёт чистку.

Меня синьор Катц пригласил в кабинет сразу после завтрака.

— Доброе утро, дедушка, — улыбаюсь я.

— Доброе, Тали, — синьор сидит в кресле перед шахматной доской и крутит в пальцах ферзя. — Проходи. Не откажешься от партии?

Хорошо, что я внесла онлайн-шахматы в закладки.

— С удовольствием!

Я присаживаюсь напротив синьора так, чтобы столешница прикрыла мои колени, на которые я положу мобильник. Сегодня мне играть белыми? Отлично! Я выставляю в настройках максимальную сложность и вслед за программой переставляю пешку с «E2» на «E4».

Синьор склоняется над доской.

Наверное, для него два часа пролетают незаметно, а мне откровенно скучно, потому что я даже красоту битвы двух умов, человеческого и искусственного, оценить не могу — понимания не хватает.

Ожесточённое сражение длится два часа семнадцать минут, и умная программа вновь побеждает. Я поспешно избавляюсь от мобильного.

— Порадовала старика. Снова порадовала! — синьор Катц откидывается на спинку кресла.

— Я надеюсь, однажды вы меня переиграете, — хмыкаю я.

Синьор Катц усмехается, уловив в моих словах намёк, не касающийся шахмат.

— Тали, ты придумала, как организовать в кафе поставки?

— Да. Я уже упоминала, у меня есть Источник интересных возможностей. Вот.

Я кладу перед синьором лист с укороченным описанием Пространственного моста. Про караты я объяснять не буду, достаточно сказать, что мост работает на особых накопителях, которые я смогу получать не чаще раза в месяц.

— Хм... Ненадёжно, ты не находишь?

— Согласна, но я доверяю Источнику достаточно, чтобы рискнуть. Естественно, я позабочусь о неприкосновенном запасе накопителей, ловушкой Крайт для меня не станет.

— Хорошо, Тали. Ты меня приятно удивила. Я готов стать твоим кредитором при условии, что ты вернёшь на треть больше вложенной суммы. На проценты с прибыли претендовать не буду. По-семейному.

Ха.

Наверное, условия неплохие.

— Дедушка, по-семейному, посоветуйте внучке, вы бы рекомендовали мне взять долг на этих условиях?

Синьор расхохотался, утёр выступившие на глазах слёзы.

— Ох, как ты мне нравишься, Тали! Даю слово — условия справедливые, но окончательную сумму мы обсудим, когда ты представишь мне смету, пока же я открыл на твоё имя два счёта. На первом мелочь на дамскую мишуру. Шпильки, булавки, заколки... Новое платье из гардероба моей супруги — это не то, во что должна быть одета моя внучка. За траты средств со второго счёта ты будешь отчитываться, эти деньги на открытие кафе.

— Спасибо.

— Оставь, Тали. Я искренне хочу, чтобы у тебя получилось.

— Дедушка, мне не справиться без помощника. Я не представляю, как оформить аренду или покупку земли, как получить лицензию.

— Тали, Эдан уже два года работает под моим началом. Я собирался дать ему больше самостоятельности, но сейчас из-за этой неприятной истории с грузовой компанией Дамира, я считаю, Эдана лучше отстранить от дел. Помощь тебе в открытии кафе станет для него полезным опытом. Я пришлю его к тебе после полудня, а пока не откажи, составь компанию моей супруге.

Не верю, что она будет рада моему обществу. Или это снова испытание?

Ответ один:

— Да, дедушка. С удовольствием.

— Хм?

— Уверена, когда вы устраивали брак, одним из требований к будущей супруге было наличие ума. Получить возможность пообщаться с умной женщиной всегда приятно.

Синьор усмехается:

— Тали, хитрая лиса, иди.

— Фр-рь! — вклинивается зверёк, всё утро просидевший тихо-тихо.

Я поднимаюсь, приседаю в книксене, бросаю на синьора взгляд из-под ресниц и, подмигнув, ухожу. Да, лисица. И что? Я же не скрываю.

В коридоре меня ждёт Мия. Поймав мой взгляд, горничная быстро поясняет, что должна проводить меня к синьоре Катц, которая прямо сейчас собирается отправиться в город и ради меня задержалась. Хм? Ладно... Я согласно киваю. Встретиться так встретиться, тем более я дедушке уже пообещала. Но я полагала, синьора хочет со мной поговорить за чашечкой чаю и мягко пригрозить, чтобы я не смела даже думать в сторону наследства. Однако синьора уезжает и вряд ли уделит мне больше пяти минут.

Я застаю её в холле у выхода. Синьора точно юная кокетка крутится перед ростовым зеркалом и требует поправить гребни в причёске. Я останавливаюсь неподалёку. Любопытная дама... Синьора замечает меня в отражении, оборачивается.

— Тали, как думаешь, мне больше подойдёт розовый или зелёный палантин? — спрашивает она, будто и впрямь моё мнение имеет для неё значение.

— Синьора, вы очаровательны, и вам подойдёт любой цвет, однако холодный зелёный подчеркнёт свежесть вашего лица. Розовый цвет — забава для незрелых девушек.

— Тали, а ты умеешь говорить сладко, — прищуривается она.

Я не смущаюсь:

— Разве я хоть в чём-то ошиблась, синьора?

Она улыбается, не скрываясь, окидывает меня оценивающим взглядом.

Я улыбаюсь в ответ, и синьора одобрительно хмыкает:

— Идём, Тали.

— М?

— Где ты видела, чтобы хозяйка кафе носила обноски? Ты ведь собираешься открыть респектабельное заведение, а не придорожную забегаловку? В Крайте обучается немало

аристократок, и перед ними ты обязана выглядеть достойно. Что ещё более важно, ты носишь фамилию Катц, фамилию моих сыновей.

На улице нас уже ждёт экипаж, и салон оказывается не менее роскошным и гораздо более удобным, чем салон экипажа дорогой сестрѐнки. Мия остаётся дома, с нами едет только личная горничная синьоры. Я не возражаю.

И когда дверца захлопывается, а экипаж трогается, я лишь спрашиваю:

— Насколько я могу быть откровенна, синьора Катц? — и взглядом указываю на горничную.

— Ты можешь, Тали. Что ты хотела узнать?

— Я удивлена вашим радушием.

— О? Всего-то? Тали, если я скажу, что последние десять лет мечтала о дочке, ты мне поверишь?

— Поверю. Однако какое отношение ваша мечта имеет ко мне?

Синьора мелодично рассмеялась, а, отсмеявшись, посерьёзнула:

— Тали, я не собираюсь с тобой воевать, я слишком ценю хорошие отношения с супругом.

— Хорошие..., — эхом повторяю я.

Не сказать, что я не верю. Синьора выглядит искренней. Если она сейчас лжёт, то я преклоняюсь перед её артистизмом.

— Я родила супругу двух сыновей и живу безбедной жизнью. Стоит ли ставить под угрозу своё благополучие ради некрасивой ссоры? Я, Тали, доверяю супругу. Он любит сыновей, и не обидит их ради тебя. Я доверяю сыновьям. Даже без капиталов отца они сумеют за короткий срок стать состоятельными синьорами. Что такое богатство? Дома сгорают, деньги становятся прахом. Умение превращать монету в мешок золота куда ценнее горстки бриллиантов, правда? К тому же... Супруг составил завещание тайно, и у меня нет никакой уверенности, что супруг планирует разделить своё состояние между Дамиром и Эданом. Не удивлюсь, если мальчики получат лишь незначительную часть, а основной капитал уйдёт пожертвованием в монастыри.

Я даже не пытаюсь скрыть скепсис.

Жениться по расчёту, выставить главным условием рождение наследников, чтобы ставшая разочарованной дочь и ненавистный барон не получили ни монетки, и отдать деньги на благотворительность? Серьёзно? Но вот в то, что синьор Катц мог внести в завещание пару хитрых условий, охотно верю. Например, устроить соревнование, кто из претендентов больше заработает.

Экипаж останавливается на торговой улочке, первые этажи зданий заняты магазинами. Синьора Катц увлекает меня к стеклянной витрине с готовыми платьями. Тёмные тона, сдержанные фасоны, скромная отделка. Ничего не зная о местной моде, я всё равно могу оценить, что платья дорогие, но в то же время пошиты с расчётом на состоятельных простолюдинок. Аристократки подобное не наденут.

— Что скажешь, Тали?

— Синьора Катц, в доме барона я не имела права голоса даже в выборе платья. Вас не слишком затруднит, если я попрошу помочь мне?

— Ах, конечно же я помогу, Тали! Я же уже сказала, что мечтаю о дочке.

— Благодарю, синьора.

— Ты хочешь спросить, почему я не родила дочку после Эдана?

— Синьора, я бы никогда не позволила себе...

— Супруг принял эликсир, и теперь у него могут быть только сыновья.

Горничная распахивает дверь магазина, и синьора устремляется внутрь. Я остаюсь на улице, ошеломлённо смотрю ей вслед.

— Синьорина?

— Да...

Когда я догоняю синьору, она уже цепко удерживает помощницу хозяйки магазина под локоть и

что-то ласково объясняет по-поводу модной вышивки, качественной ткани и аккуратных швов.

— Тали, скорее, — оборачивается она ко мне. — Эта милая девушка снимет с тебя мерки.

Глава 23

С ума сойти — я никогда не мечтала стать живой куклой в руках не наигравшейся в детстве синьоры! Или синьора Катц решила действовать от противного и под видом заботы о моём внешнем виде устроила мне форменную пытку?

Из примерочной меня не выпускают два с лишним часа. То есть... Хуже! Меня гоняют туда-сюда. Пойманная синьорой работница магазина на пару с личной горничной синьоры помогают мне облачиться в платье, я предстаю перед синьорой, она меня крутит-вертит-хвалит, затем объясняет, почему стотысячное платье недостаточно хорошо для меня и отправляет попробовать следующий наряд. И ведь в причинах ни разу не повторилась! Девушки избавляют меня от миллионного платья и упаковывают в миллион первое.

На кресле растёт гора отвергнутых вариантов, отдельно висят избранные платья, которые синьора рекомендовала померить ещё раз, как менее безнадёжные.

Я понимаю, что ещё немного и взвою. Я люблю обновики, честно. Но не в таких же масштабах, когда рискую оказаться погребённой под ними! Это как с мороженым. Одна порция — к счастью, а целое ведро — к ангине.

— Это однозначно да!

Пролетевшие два часа разом забываются, когда я вижу в отражении роскошь цвета грозового неба. Тёмно-синий бархатный лиф, пышный рукав три четверти и атласная юбка более светлого оттенка. Платье могло бы показаться мрачным, но всё меняет одетая под него идеальной белизны блуза с кружевными манжетами и строгим воротом.

Я смотрю на себя и не верю, что красавица в зеркале я. Что правильная оправа делает...

— Тали?

Сколько я смотрю на себя, если синьора забеспокоилась и решила позвать?

— Да, простите.

Интересно, что она скажет? Если посоветует отбросить в стог на кресле, то про добрые намерения синьоры можно забыть.

При виде меня, синьора поднимается:

— Тали, восхитительно! Мне уже жалко тех несчастных мужчин, которые тебя в нём увидят. Их сердца потеряют покой навсегда. Ты будто воплощение зимнего вечера.

— С-спасибо.

— И с мехом сочетается, — подаёт голос слегка ошалевшая помощница хозяйки магазина, замученная не меньше меня.

— А?

Девушка краснеет:

— Ваш питомец, синьорина.

И правда! Живая бирюза дополнит образ.

— Фыр-рь, — высказывается дивный дух, и мне чудится в его фырке скрытое самцовое одобрение.

Синьора усаживается обратно на диван и звучно хлопает в ладоши:

— Продолжаем примерку! Нам нужно подобрать ещё как минимум три платья. Три. Минимум.

— Спасите меня..., — со стоном опускаюсь я на первый попавшийся стул и тотчас подпрыгиваю, потому что села я не куда-нибудь, а на подушечку с булавками.

А-а-а, спасите!

За что?!

— Тали, но мы только начали, — синьора свежа и невозмутима, — Если покупку белья можно поручить горничным, то обувь, украшения и прочие мелочи придётся выбирать тебе и только тебе. Не волнуйся, я продолжу помогать.

— А-а-а...

Синьора заливается счастливым смехом и жестом отправляет девушек утащить меня за ширму, раздеть и продолжить пытку следующим нарядом.

Мне остаётся лишь смириться и осознать, что я ещё больше хочу в Кайтер. Пустырь, и никаких магазинов на многие километры вокруг.

Спасение же приходит только через час.

Я стою перед синьорой, со смаком попивающей чай, и демонстрирую ярко-жёлтый кошмарик, утыканный крупными красными бантами. Может быть, кому-то подобное платье и к лицу, но явно не Асе.

— Не годится, — мнение синьоры совпадает с моим, и я разворачиваюсь, чтобы уползти обратно за ширму.

— Матушка! Синьорина! — в приоткрытую дверь сперва просовывается нос, а затем и голова целиком.

— Эдан?

— Матушка, ты думала, что я не смогу вас найти, если ты «забудешь» сказать слугам, в какой именно магазин вы отправитесь? Синьорина, я вас похищаю. Прошу вас, кафе ждёт.

Мальчишка подмигивает, и голова исчезает, дверь захлопывается.

Эдан убрался вовремя, видимо, почувал моё острое желание его расцеловать и задушить в благодарных объятиях. Я победно смотрю на синьорину — всё! Отмучилась, и больше вы меня в магазин не заманите. Надо срочно богатеть, чтобы приглашать модисток на дом и шить одежду на заказ.

— Ничего, — хмыкает синьора, — завтра продолжим. Ахах, Тали, у тебя такое выражение лица стало...

Я сбегаяю за ширму.

К Эдану я выхожу в «зимней прелести», я не нашла в себе сил расстаться с понравившимся платьем. Ну и чисто практически, если мы собираемся заняться делами, я должна выглядеть достойно, поэтому новое платье оправдано. Эдан оборачивается и при виде меня застывает истуканом. Он уже в том возрасте, когда на девочек засматриваются, и не только засматриваются...

Кажется, Эдан перестал дышать, пожирает меня глазами.

— Отомри, — щёлкаю его по носу.

Удовлетворение растекается по телу. Пожалуй, его реакция стоила всех часов моих мучений. Только почему в воображении на месте Эдана я вижу Яна? Эх, вот уж кто не сумеет оценить. И не потому что мы вряд ли снова встретимся. Как раз, очень может быть, что столкнёмся в Кайтере. Ян просто не увидит... Из-за примеси демонической крови он смотрит на мир в ином диапазоне, видит не материю, а её энергетическую структуру.

Я вздыхаю.

И откладываю фантазии до лучших времён. У меня есть насущные проблемы. Например, как платить за «зимнюю прелесть»?

— О, не беспокойся, — догоняет меня синьора. — Твои покупки доставят домой, как и счёт за них. Тебе будет достаточно выписать чек.

— Спасибо.

— Счастливо, дети.

Эдан, очнувшись, предлагает мне локоть:

— Синьорина, давайте начнём с оформления земли под кафе. Обычно в таких случаях землю арендуют, но мы купим.

— Да?

— Синьорина, вы видели карту? Долина Кайтер — это никому не нужная каменистая пустошь, пересечённая речушкой. Даже не речушкой. Ручьём, шириной метра два. И именно по ручью проходит граница двух провинций. Приобрести землю рядом с академией на получится, зато в сотне шагов, через ручей, земля продаётся почти даром. Ха! Ограничиваться одним кафе недостойно Катц. Синьорина, мы выкупим половину долины.

— Половину..., — эхом повторяю я.

Оу...

Размах впечатляет.

Карту я ночью рассматривала внимательно и в разных масштабах, и административную, и физическую. С одной стороны долину Кайтера подпирает высокогорная цепь. С другой — огибает порожистая бурная река, за которой начинаются непроходимые леса. Ничего удивительного, что на протяжении столетий каменистый пустырь, перечёркнутый сбегавшим с гор ручьём, не интересовал никого. Сестринство магинь — особое исключение.

— Целиком не получится, — Эдан понял меня по-своему. — Вторая половина долины управляется академией, и они нам не уступят.

Экипаж выворачивает с торговой улицы на широкий проспект, прибавляет ходу.

— Эдан, а зачем связываться с половиной долины? Пропускная способность артефакта, которым я собираюсь обеспечить поставки, ограничена. Больше, чем кафе, я не потяну.

— Синьорина, давайте по порядку. Почему купить, а не арендовать? Стоимость аренды считается по определённой формуле, учитывающей в том числе и то, что арендуете вы с коммерческой целью, поэтому аренда, как это ни парадоксально выйдет дороже.

Хм...

Выкупить так выкупить. Почему бы и нет? Разве что в будущем налог на землю платить придётся...

— Ясно.

— Теперь о размерах участка. Кайтер лакомый кусочек. Адепки заперты в его стенах на время обучения, без веской причины им не разрешается пользоваться аркой стационарного портала, но выход через ворота свободный. Только представьте, как щедро они будут платить за развлечения. И за возможность вырваться на выходные в столицу.

Я прищуриваюсь:

— Ты... Ничего, что я на «ты»? И зови меня по имени, от официоза, признаться, тошно.

— Ничего... Тали.

— Эдан, я правильно поняла? Ты предлагаешь вложить прибыль от кафе в строительство собственной арки?

— Да! — он аж подпрыгивает на сидении, и глаза у мальчишки горят совершенно маньячно.

— Хм...

— Тали, я знаю, что это дорого, но оно того стоит, поверь.

— Неужели? Почему тогда до сих пор никто не поставил вторую арку?

Эдан пожимает плечами:

— А кто бы стал? Большое вложение средств, рискованное. Видела когда-нибудь стационарный портал?

Я качаю головой.

— Арки целиком выдувают из стекла и сплавляют с магией. Привезти арку в Кайтер и не разбить по дороге та ещё задача. И на месте не создать, ведь нужно везти материалы, мастеров, магов, строить цех. У-у-у... Слишком дорого и хлопотно.

— Я не уверена, что мой артефакт решит проблему с доставкой.

— А нам и маленькую арку протащить хватит, такую, чтоб под ней на четвереньках проползать. Через неё грузы доставим, цех организуем..., — Эдан зажмуривается. — Тали, я в доле!

— Уговорил, — смеюсь я.

Экипаж останавливается, и Эдан галантно помогает мне выйти. Я протягиваю руку фамильяру, но он, фыркнув, отказывается выходить. Бюрократии он предпочитает тишину экипажа. Очень хорошо его понимаю. Жаль, нельзя свернуться калачиком и заявить, что у меня тоже лапки.

Вывеска на здании, перед которым мы остановились, сообщает, что мы прибыли в Земельную палату. Над входом простирается мозаичная карта Эспарта, но рассмотреть произведение искусства не даёт Эдан. Мальчишка нетерпеливо приплясывает, предвкушая «большое дело», перехватывает меня за руку и тянет вперёд.

Отбросив «синьорину», он и относиться стал ко мне проще, как к своей.

— Документы, — спохватываюсь я.

— Я привёз, — Эдан отдаёт мне папку, обтянутую тонкой кожей. — А мне пока самостоятельные покупки не положены...

— Ну, всего три года потерпеть осталось.

— Тали, знаешь сколько выгодных сделок за эти три года пройдёт мимо меня?!

— Мда...

Караульный никак не реагирует на наше с Эданом приближение, и мы беспрепятственно входим в вестибюль палаты. Гулкий холл встречает нас ещё одним постом. Второй караульный, как и первый, не удостоивает нас и взгляда, а вот дежурный в штатском, выныривает из полудрёмы, сонно моргает на нас. Видимо, заслуживающими приветствия он нас с Эданом не считает, сразу требует предъявить документы. И если вчера дедушкин помощник весьма дотошно проверял подлинность моей карточки, то чиновник и не думает напрягаться. Подперев щёку кулаком, он кривовато, к концу строчка сползает под линию, переписывает имена и фамилии, возвращает нам карточки и с хлопком закрывает журнал посетителей, резким жестом явно намекая, что больше беспокоить важного человека не стоит.

Куда хоть идти-то?

Мне — за Эданом. Мальчишка явно ориентируется в палате. Видимо, бывал тут уже и не раз. Он устремляется в один из коридоров и лишь чудом вспоминает, что надо вообще-то подождать меня. А лучше взять на буксир.

Эдан уверенно приводит меня к одному из многочисленных кабинетов. Пока я осматриваюсь и удивляюсь отсутствию других посетителей, Эдан ныряет за дверь.

Вот же шустрый...

Выныривает с каким-то квитком в руках:

— Тали, нас примут прямо сейчас, я обо всём договорился!

Может, всё же не торопиться? Но меня подстёгивает какой-то злой азарт, а воображение рисует золотые горы. Кажется, Катц — это заразно.

Эдан придерживает для меня дверь, и мы входим в соседний кабинет. На постаменте, занимающем большую часть пространства, расстелена гигантская карта Эспарта. Судя по исходящему от карты свету — магическая.

Глава 24

Я подхожу ближе.

Нет, не карта, я поспешила. На постаменте лежит рельефный макет страны, очень детальный, а за карту у его приняла, потому что он утоплен в подобие прозрачного геля.

Боковая дверь открывается, и к нам выходит подтянутый мужчина лет сорока, мрачный как ворон. Сходства добавляет чёрный наглухо застёгнутый сюртук.

— Добрый день, синьорина, синьор. Чем могу вам помочь?

Я успеваю лишь вежливо поздороваться, Эдан перехватывает вожжи правления. В принципе, я не против, пусть рулит. Моё дело — отследить, чтобы мальчик не переусердствовал, а то, чувствую, скоро половины каменистого пустыря ему станет мало.

Эдан оббегает постамент и останавливается рядом с Кайтером. Когда Эдан успел ухватить указку?

— Вот здесь проходит граница между Алской и Фиодильской провинциями, — уверенно проводит он вдоль волосяной линии ручья.

— Минуточку.

Чиновник что-то делает, и на макете проступают красные линии границ провинций.

— Синьорина желает приобрести часть Кайтерской долины, относящуюся к Фиодильской провинции.

— Синьорина желает? — со смешком переспрашивает он, и вся его воронья мрачность разом куда-то девается.

— Да, — твёрдо отвечаю я. — Но прежде я желаю познакомиться с ценами.

Благодаря доставшемуся от Системы путеводителю, я всё же смогу понять стоит участок как десять ночёвок в не самой престижной, но респектабельной гостинице провинциального городка или как одна ночь на Серебряной вилле, знаменитой «жемчужине» южного побережья.

— Разумеется.

Чиновник подсвечивает выбранную Эданом территорию. Зеленоватым светом загорается условный... треугольник, две грани которого образованы той самой порожистой рекой и впадающим в неё ручьём, а третья сторона — подножие гор.

Судя по выражению лица, Эдан не прочь замахнуться и на горы, но они, в отличие от каменистого пустыря, стоят... хорошо стоят. Как, кстати, и лес. Озвученные цены меня впечатлили.

Зато Фиодильская половина пустыря оказалась дешевле моей «зимней прелести», и я окончательно решаюсь на авантюру. Уж если я платье себе позволила, то почему бы не прикупить в качестве аксессуара пару лишних гектаров земли?

— Господин, скажите, а Алская часть Кайтерской долины...? — куда я разогналась?

И да, я помню, что Эдан говорил, но вдруг...?

— Не продаётся, синьорина.

— Спасибо.

— Синьорина, вы готовы перейти к оформлению? — похоже, чиновник тоже любитель быстрых решений.

— Да.

А чего тянуть?

Чиновник что-то делает, и зелёный свет сменяется желтоватым. Поймав мой вопросительный взгляд, Эдан поясняет, что это нечто вроде брони. Вдруг прямо сейчас в другом отделении Земельной палаты кто-то хочет купить именно эту территорию? Мы опередили.

— Вот, — чиновник протягивает счёт.

Я внимательно прочитываю.

Эдан сопит у меня за плечом, тоже читает. Ещё и бормочет, перемножая в уме площадь и цену за квадратный метр. Единицы измерения, естественно, другие. Я для себя по привычке продолжаю мысленно называть их метрами.

— Всё правильно? — мужчина не рассердился тщательной перепроверка, а развеселился.

— Да, благодарю, — серьёзно отвечает Эдан. — Господин, мы быстро.

— Не сомневаюсь.

Эдан утягивает меня в коридор, и уже на ходу поясняет, что чеки Земельная палата не принимает, только серебро и золото. Но проблемой это не станет, поскольку филиал Королевского банка

расположен прямо в здании палаты — всё для удобства будущих землевладельцев.

Рывком распахнув дверь, Эдан, не дав мне осмотреться, устремляется к ближайшему банковскому служащему.

— Куда мы так бежим? — я едва успеваю за мальчишкой.

— Как куда? — поражается он, аж останавливается, и я едва не сбиваю его с ног, — Столько дел! Тали, кафе само себя не откроет.

Ох...

Малолетний энтузиаст.

— Чем могу быть полезен, синьорина, синьор?

Банковский служащий смотрит на нас с лёгким удивлением. Ну да, кого он видит? Подростка и девушку, которая, ещё неизвестно, отметила совершеннолетие или нет.

Эдан не обращает внимания, выкладывает перед служащим наши документы и шлёпает рядом выписанный чиновником счёт:

— Синьорина Катц нуждается вот в этой сумме серебром.

— Катц? Какая честь... Я рад помочь вам, синьорина Катц, синьор Катц, — отношение к нам в одно мгновение меняется. — Одну секунду. Прошу прощения, обязательные формальности, я обязан проверить ваши документы.

Какой нервный... Хм, похоже, я недооценивала, насколько влиятелен синьор Катц. Я улыбаюсь, присаживаясь на стул:

— Любезнейший, я бы расстроилась, если бы вы выдали мои деньги, не проверяя документов.

Служащий, кашлянув, кивает.

Проверка не занимает много времени. Сперва служащий куда-то прикладывает мою карточку. Что именно он делает я видеть не могу, обзор закрывает столешница конторки. Вторая часть проверки мне знакома. Служащий вручает мне бордовый шарф и просит накинуть через левое плечо.

— Всё в порядке, синьорина Катц! Одну минуту, — он забирает шарф.

Ему так нравится произносить мою фамилию?

Служащий ненадолго скрывается в служебных помещениях, возвращается с закрытым ларцом, ставит его перед нами.

— Пожалуйста, пересчитайте, — он откидывает крышку с выгравированным на ней золотым вензелем банка.

В ларце лежат прямоугольные слитки серебра и несколько круглых монет. Я ошеломлённо моргаю при виде богатства и стараюсь ничем не выдать своё потрясение. Дело не в сумме, просто я никогда не видела столько серебра за раз.

Эдан с подсчётами справляется быстрее.

— Да, как синьорина и просила.

Я расписываюсь, подтверждаю получение серебра.

Вежливо попрощаться со служащим Эдан мне не даёт. Я лишь успеваю скомкано поблагодарить за помощь. Эдан ухватывает с конторки ларец, документы и устремляется вперёд, превращать меня в землевладелницу.

Вот вроде бы собственное кафе — уже определённая высота, которую ещё штурмовать и штурмовать, но здравый смысл пасует перед энтузиазмом мальчишки, и в воображении я уже вижу целый город. Безумие и наглость, город называется Катц... Сморгнув фантазии, я сосредотачиваюсь на оформлении документов, а то пока я мечтаю, земля из-под носа уплывёт, и строить станет негде.

Чиновник выдаёт мне свидетельство и приглашает обратно в кабинет с Картой. Оказывается, правильно именно так, не макет, а Карта, причём уважительно, с большой буквы. Чиновник снова что-то делает, и цвет подсветки моего участка меняется с желтоватого на насыщенный болотно-зелёный.

— Синьорина, обязан предупредить, что пока вы явственно не обозначите своё право собственности, закон не охраняет вашу территорию от вторжения.

— Что, простите?

— Тали, — Эдан закатывает глаза и разжёвывает мне, по его мнению, очевидные истины, — пока забора нет, по твоей части долины может топтаться любой прохожий, и ему за это ничего не будет, потому что твоя обязанность чётко обозначить границу. Если границы нет, спор решится в пользу прохожего.

— Хм...

Я открываю кафе, так что заборы только во вред.

Чиновник в нагрузку вручает мне толстый том Земельного кодекса.

— Благодарю, — за сборник законов я искренне признательна.

Попрощавшись с чиновником, мы выходим в коридор.

Первый шаг сделан.

Эдан нетерпеливо приплясывает, пока я убираю свидетельство к карточке и застёгиваю папку.

— Теперь за лицензией, — мальчишка утверждает без намёка на вопрос, но я отрицательно качаю головой.

— Сперва давай-ка разберёмся с арками стационарного портала. Если получится её доставить и установить... Зачем тогда связываться с мостом? Подойдёт что-то мощное, но разовое.

Эдан задумывается лишь не секунду:

— Тали... Арки, даже маленькие, такие, чтоб ящик перекинуть и самому под ней червяком проползти, стоят очень дорого. Конечно, дорожке всего обходится транспортировка к месту установки, но даже если ты решишь проблему с перемещением арки... Тали, я не думаю, что папа выделит деньги на её покупку, ты же ещё не успела делом доказать, чего ты стоишь.

— Тю! — фыркаю я и замолкаю с нарочито загадочным видом.

— М?

У Эдана глаза становятся больше, а пальцы подозрительно скрючиваются, будто Эдан мысленно хватая меня за ворот, чтобы хорошенько встряхнуть и вытрясти ответ.

— Предлагаю всё-таки посчитать, во сколько обойдётся установка арки, если я решу проблему с доставкой. Тот же мост можно неплохо продать. И лучше на аукционе, как уникальный. Думаешь, не наскребём на арку? Только продавать будем не мост, а кое-что другое. Что именно, я должна обдумать.

— То есть ты купишь арку?!

— Я готова рискнуть, ты очень «вкусно» обрисовал перспективы, — усмехаюсь я.

Вчера в каталоге мне попался грузовой контейнер: перемещается в указанную точку и рассыпается бесполезным прахом. Я его отвергла из-за стоимости: хотя мост гораздо дороже, он многоразовый, а «батарейки» как раз соблазнили относительной дешевизной.

— Поехали!

Ох, что я наделала?!

Эдан хватая меня под локоть, и я едва успеваю перебирать ногами. Перед глазами проносятся коридор, пост охраны с дремлющим дежурным, ступеньки. Мы запрыгиваем в экипаж. Эдан высовывается, чтобы отдать распоряжение извозчику.

— Фр-р? — фамильяр, вольготно лежащий вдоль сидения, приподнимает кончик хвоста, которым до этого прикрывал пуговку носа, а заодно и половину мордочки, и смотрит на нас с недоумением.

— Вот тебе и «фырь», — передразниваю я.

Эдан запрыгивает обратно, и экипаж трогается.

— Тали, смотри, если мы сможем купить хотя бы арку высотой метра два, и шириной столько же

это... Мы развернёмся так, как никто не разворачивался!

— Пфф! Притормози. Наши возможности жёстко ограничены суммой, которую адепки и наставницы будут готовы потратить.

— Хм..., — мальчишка сосредоточенно хмурится и вдруг сникает. — Арка окупится лет через сто.

— Преувеличиваешь.

— Слегка.

Я пожимаю плечами:

— К нам начнут приходить из столицы.

— С чего бы?

Когда я вчера терзала путеводитель, я не нашла ни одного упоминания о спа-центрах.

— Например, для женщин особенно важно, как они выглядят. Если мы устроим что-то вроде салона красоты? Сделаем для адепток одно бесплатное посещение в месяц, и очень быстро о нас заговорят аристократки. Надо лишь не хвататься за всё сразу и двигаться по плану.

— Хм...?

— Эй, некогда сомневаться, время сотворить маленькое финансовое чудо.

Наглость города берёт. В моём случае — строит.

Глава 25

Остаток дня и два следующих слились для меня в один бесконечный забег. Голова пухнет от цифр, расчётов, в памяти остаются отдельные яркие картинки-воспоминания.

...вот мы с Эданом азартно допрашиваем об арках шкафоподобного мужчину, а он, бедняга, никак не поймёт, чего мы от него хотим. Даже фамилия Катц не заставляет его поверить, будто двое детей всерьёз собираются купить стационарный портал. Да-да, мои девятнадцать с высоты его шестидесяти пяти сущее детство. И отчасти я не могу с мужчиной не согласиться, ведь творим мы нечто безумное, захватывающее.

...Эдан усаживает меня за столик кафе и заказывает чай. Это наше четвёртое или пятое кафе, и чая в организме плещется уже слишком много, но мы упорно продолжаем нашу кофейную экскурсию. В ожидании заказа мы листаем меню, прикидываем, какие десерты можем... перенять. Увлёкшись, начинаем спорить. Эдан достаёт карандаш. Сперва мы пишем на салфетках. Битва карандашей незаметно переползает на скатерть. Просим включить её в счёт и завернуть с собой. Не оставлять же бизнес-план официантам.

...чиновник принимает пошлину и выдаёт мне лицензию на мелкую предпринимательскую деятельность.

...я официально назначаю Эдана своим управляющим. Приходится взять за него, как за несовершеннолетнего, ответственность, но я не сомневаюсь, что поступаю правильно.

...мы заканчиваем составлять черновую смету и едем выбирать проект здания под кафе.

...ночью я делаю первую покупку в каталоге Системы. Скидку приберегаю на будущее, трачу тридцать девять карат, и прямо из воздуха, из сгустившейся воронки, подозрительно похожей на взбитое миксером звёздное небо, мне в ладонь падает браслет с кристаллом-накопителем уникальной для Эспарта энергоёмкости.

...аукционный дом, клерк вызывает ведущего оценщика и просит нас с Эданом подождать. Управляющий лично выходит к нам объявить результат экспертизы, клятвенно заверяет, что всё будет сделано в лучшем виде, обещает полную анонимность. Торгов придётся подождать, чтобы получить максимальную цену. Я соглашаюсь, что деньги не любят спешки. Эдан, услышав, давится хохотом, и мы продолжаем забег.

...выбор мебели, а перед этим стиля и дизайна интерьера. Спорим до хрипоты, дерёмся диванными подушками. Кажется, нас разнимают перепуганные продавцы.

...я прошу синьору Катц помочь с составлением меню.

...дедушке доносят, что мы покупаем арку. Дедушка смотрит на нас очень недоверчиво.

...партия в шахматы. Умная программа одерживает безоговорочную победу.

...экипаж на полном ходу несётся по проспекту. Я бездумно таращусь в окно. Экипаж притормаживает на повороте, и я вижу шагающего по тротуару Янера Феликса. Я ведь не ошиблась?! Я подпрыгиваю, прилипаю к стеклу. Экипаж заворачивает за угол, и Яна от меня скрывает здание. Я вздыхаю. Не могу быть уверена, что мне не померещилось. Особенно то, что Ян словно почувствовал мой взгляд, начал озираться, но так и не успел меня заметить.

...забег продолжается. Третий день? Четвёртый?

Синьора Катц решительно встаёт в дверном проёме:

— Тали, у моего сына вместо ума вечно щёлкающие счёты, но о тебе я была лучшего мнения. Посмотри на себя в зеркало! Кожа белая, под глазами черным черно, вместо причёски скрученная дуля. Отдохнуть, Тали. Немедленно отдохнуть.

Как отдохнуть?! У нас ещё столько дел!

— Но синьора...

На помощь приходит Эдан:

— Матушка, как управляющий Тали, я требую — не препятствуй! — и челюсть вперёд выдвигает, защитник.

Я невольно усмехаюсь, да и синьора с трудом сдерживается, но быстро берёт себя в руки, склоняет голову к плечу. Эдан, растеряв запал, делает шагок назад.

— Сыночка, мне послышалось или ты просишь отправить тебя к Дамиру под домашний арест?

— Послышалось, матушка...

— И что же ты за управляющий, если твоя хозяйка даже без серёг! Не говорю уже о полном гарнитуре. У горничных украшения есть, а на Тали нет. Позор тебе.

— Эм...

— Синьора Катц! — вклиниваюсь я.

Меня озаряет идея, в первый момент кажущаяся гениальной, и я спешу ею поделиться.

— Да, милая?

— Синьора, а не могли бы вы... сдать мне в аренду своих подруг?

— Что, прости?

— Подруг в аренду, — послушно повторяю я ключевые слова.

Синьора, кашлянув, прикладывает ладонь мне ко лбу, словно подозревает высокую температуру. Ладонь у неё, кстати, прохладная.

— Тали, дорогая, работорговля в Эспарте запрещена под страхом смертной казни.

Пфф!

— Синьора, я же не то имела в виду! Просто... Я же нанимаю в кафе официантов. Я хочу устроить претендентам испытание, пусть покажут на деле, как справятся с трудными гостями, на роль которых я была бы рада пригласить ваших подруг. И вас, разумеется.

Синьора звучно щёлкает пальцами, и это оказывается знаком для Мии.

Приставленная ко мне горничная выносит крошечный поднос, на котором стоит накрытая салфеткой рюмка с густой зелёной жидкостью.

— Это Сорокатравный бальзам, Тали. Очень полезный, я им супруга время от времени лечу. Выпьешь залпом, и беги куда хочешь.

Мне бы подумать, но нормально соображать я уже не способна, перед глазами мелькают цифры, отрезки ткани, страницы каталогов, лица чиновников, просто кляксы и точки. Уловив, что один глоток, и меня отпускают, я откидываю салфетку. В нос ударяет запах спирта и свежескошенного луга. Я опрокидываю в себя рюмку. По горлу прокатывается даже не тепло, а жар. Рот заполняется вязкой горечью. Но возмутиться не получается. Язык внезапно становится неповоротливым, а веки

наливаются свинцом, и удержать их нет никакой возможности.

— Спокойной ночи, — успеваю услышать я, прежде чем окончательно засыпаю. — Пусть тебе приснится что-нибудь хорошее.

Угу, Ян, например.

И я проваливаюсь в сон без сновидений.

Уютная темнота убаюкивает. Наверное, бальзам подействовал не только как снотворное, но и как успокоительное, потому что просыпаюсь я медленно, о делах не вспоминаю, сладко потягиваюсь, широко, в удовольствие, зеваю. Под головой мягкая подушка, сверху пушистое одеяло. Дивный дух сопит в ухо. Идиллия. Комната смутно знакома, я не сразу понимаю, где я, но даже и тени беспокойства не возникает.

Приподнявшись на локте, выпутываюсь из-под одеяла и рефлекторно тяну руку к тумбочке. Мобильника на ней, естественно, нет, но он откликается на мысли и прыгает в ладонь. Время... Ух ты, я продрыхла до пол одиннадцатого, выпалась, даже чрезмерно, пожалуй. В теле приятная слабость, и шевелиться лень, горы золота и то не соблазняют возобновить бешеный забег.

— Фырь? — фамильяру моё шевеление приходится не по душе, смотрит он на меня с подозрением.

— С добрым утром, — хмыкаю я и запускаю руку в бирюзовый мех, — Знаешь, лапа моя, если имя своё называть ты мне не хочешь, буду звать тебя... Фырь.

— Мря?

В ответе слышится скепсис, но не недовольство. Значит, хотя бы временно годится!

— Ага, — спрыгиваю я с кровати и довольная собой скрываюсь в ванной.

Правда, через полчаса расслабленного лежания в ароматной пене, я всё же вспоминаю, что надо бы позавтракать. Эх, кофе бы выпить... Я выбираюсь из пены, закутываюсь в махровое полотенце, рассматриваю себя в зеркало. Синяки под глазами пропали, цвет лица больше не серо-зелёный, а вполне здоровый розовый. Посмотреть приятно.

— Мря! — Фырь бирюзовой молнией пронесется мимо и с разбега запрыгивает в воду.

Я едва успеваю отпрыгнуть от тучи брызг.

Фырь выбирается на бортик, явно с намерением повторить манёвр.

Я спешно сбегаю обратно в спальню.

Мия уже ждёт меня с комплектом свежей одежды, радостно желает доброго утра, и в этот момент из ванной долетает особенно смачный плюх. Мия понятиливо косится в сторону ванной. К обычным обязанностям добавляется уборка водоразлива.

— Извини.

— Что вы, синьорина! — Мия берёт щёлку и выдвигает для меня пуфик. — Какую причёску вы хотите сегодня? Вас желала видеть синьора Катц.

Я подрываюсь пойти сразу же, но Мия меня удерживает — прежде она принесёт мне завтрак, разве что без чая, потому что чай меня ждёт как раз в обществе синьоры.

Матушка Эдана встречает меня в примыкающей к её спальне гостиной, как принимают очень близких. С одной стороны, ничего особенного, ведь я становлюсь членом семьи. С другой стороны, странно, не ожидала, что она окажет мне знак полного расположения. Я вежливо здороваюсь и в очередной раз напоминаю себе, что мне нужно срочно заполучить в своё распоряжение свод правил этикета.

Интерьер выдержан белых тонах, разбавленных светлым серебром. Хрустальные напольные вазы добавляют света и лёгкости. Интерьер не выглядит роскошным, хотя можно не сомневаться, что синьору Катцу пришлось изрядно потратиться. Впрочем, он может позволить себе гораздо больше. Яркое, но в то же время гармоничное пятно — два мягких кресла насыщенного фиолетового цвета. Круглый столик сервирован, и сервиз явно подобран под интерьер гостиной: и чайник, и чашки белые, с серебристой окантовкой по краю и фиолетовым пятном на боку.

Дождавшись приглашения, я сажусь:

— Тали, не будь такой церемонной.

— Спасибо, синьора.

— Хорошо выглядишь.

— Благодаря вашей заботе.

Синьора поджимает губы:

— Тали, буду откровенна, я та, на чьё дружелюбие в этой семье ты можешь рассчитывать меньше всего. До чего ты себя довела, что даже я не смогла спокойно выносить твой заморенный вид и вмешалась?

— Синьора...

— Утром супруг рассказал, что ты предупредила о готовящемся покушении на Дамира, Тали. Я перед тобой в неоплатном долгу.

— Синьора, не говорите так, вы не должны благодарить меня за то, что я сделала для своего дяди. Я понимаю, что мы прежде не общались, но просто попробуйте отнестись ко мне как к дальней родственнице.

— Тали, я не буду относиться к тебе, как к дальней родственнице. Я буду относиться к тебе так, как и должно — как внучке моего супруга. Как к девушке, которая спасла моих сыновей. Тали, на надо возражений. Просто знай, что отныне ты всегда можешь на меня рассчитывать.

— Спасибо, синьора Катц.

— Тали, «синьора Либель» звучит лучше.

— Спасибо, синьора Либель.

Нас прерывает стук в дверь.

Не дожидаясь ответа к нам врывается Эдан:

— Тали, наконец-то! Матушка запретила тебя будить, — Эдан словно неосознанно дёргает рукой и, проследив за направлением неоконченного жеста, я мысленно присвистываю. Ухо у Эдана подозрительно малиновое. — Я арендовал на завтра кафе, чтобы проверить кандидатов. Матушка одолжила своих подруг. А сегодня у нас столько дел, — Эдан потрясает очень пухлой папкой. — Готова?

Интерлюдия 3 Господин Янер Феликс

Ася...

Я обхожу храм за храмом, но тебя нет-нет-нет, и глубокий вечер плавно перетекает в ночь. Продолжать объезд бессмысленно: если ты попросила убежища, то сейчас ты уже спишь, и я не стану нарушать твой сон, лучше поговорим утром, хотя здравый смысл подсказывает, что, если я прекращу поиски, никакого «утром» уже может и не быть. Я выхожу из храма, который, я решил, будет на сегодня последним, забираюсь в коляску, но новый приказ не отдаю, вдыхаю сырой ночной воздух, будто он может очистить разум. Извозчик не решается меня потревожить, и я жестом показываю, чтобы дал мне минуту.

Что-то со мной явно не так, и я догадываюсь, что именно, но лучше удостовериться.

Вдох-выход.

Я называю адрес учителя, и извозчик трогает. Очень скоро мы выезжаем на Северо-восточный лучевой проспект. Если посмотреть на карту, то столица чем-то похожа на нарисованное ребёнком солнышко. Неровный круг — это центральные районы, а отходящие от круга лучи — как раз проспекты, тянущиеся до самых городских ворот и плавно переходящие в тракты.

Официально у учителя особняк в центре, но жить он предпочитает вдали от суеты в небольшой съёмной квартирке с видом на городской парк.

Извозчик останавливается на углу парка. Я спрыгиваю на мостовую, расплачиваюсь и отпускаю коляску, больше я ехать точно никуда не собираюсь, так что пусть соблазн катится с глаз долой. Дом учителя третий по счёту, подъезд — тоже третий. Взбежав на этаж, я звоню в колокольчик: два протяжных удара и один короткий. Учитель сразу поймёт, что пришёл кто-то свой.

Я жду минуту, другую, но из-за входной двери не доноси ни звука. Я звоню повторно, однако ответом мне снова мёртвая тишина.

Учитель не примет? Или, что хуже, он сегодня, не здесь? Всё может быть... Т-с-с, кажется, я погорячился, отпустив извозчика.

Внезапно внизу хлопает дверь, раздаются шаги. Кто-то неторопливо поднимается и, ужасно фальшивя, напевает под нос незатейливую народную песенку про булочницу и её пышные булки. Я с некоторым потрясением узнаю голос учителя. Не знал его с этой стороны... Кхм.

Заметив меня, учитель резко замолкает.

Неловко...

Учитель насмешливо хмыкает, и я поспешно делаю шаг вперёд, склоняюсь в поклоне. Вообще-то учитель не жалуется церемонии, но я слишком уважаю его, чтобы не поприветствовать традиционно.

— Это ты, мальчишка Янер. Опять пришёл спину гнуть?

— Я.

Грубоватое ворчание я пропускаю мимо ушей. Уж не знаю, с возрастом учитель стал ворчуном или всегда носил маску вечно недовольного брюзги. Его аура и энергетическая структура красноречивее любых слов: учитель мне рад и слегка встревожен. Слега — это обнадеживает. Значит, учитель заметил проблему, и она не настолько серьёзна, чтобы принимать меры немедленно.

Учитель достаёт из кармана ключ, отпирает входную дверь квартиры, первым входит и, не оборачиваясь, бросает:

— Долго тебя ждать?

Получив своеобразное разрешение, я вхожу следом.

— Спасибо, учитель.

— Как облопоушился, так и прибежал. Нет, чтоб просто так зайти проведать.

— Учитель...

— Да уж помолчи и иди в комнату.

Любимое кресло учителя я знаю. Встаю из расчёта, чтобы, когда учитель сядет, ему было удобно рассматривать мою ауру.

Учитель гремит посудой на кухне, и я смиряюсь с ожиданием. Я действительно допустил ошибку, пропустив «южную пряную симфонию», так что отношение к себе как к провинившемуся заслужил. Долго ждать учитель не заставляет, приносит чашку с посыпанным ванилью горячим шоколадом, усаживается.

Свет его глаз становится ярче. Я ощущаю прикосновение его магии.

— Янер, не хочешь мне объяснить, почему во внешнем слое твоей ауры чужая энергия? Очень странная энергия...

Учитель подтвердил мои догадки. Я бы в любом случае беспокоился о девушке, с которой провёл ночь, но я бы не сходил с ума от беспокойства. Из-за магии же Ася воспринимается как кто-то очень близкий. Т-с-с, слияние аур — куда уж ближе?!

— Признаться, понятия не имею.

— Кхм? Янер, вроде бы и не врешь, но я нюхом чую, что-то ты недоговариваешь.

Справедливо: раз я ищу помощи, я должен рассказать всё. Или уйти.

Но, демоны, как же трудно! Стыдно не за ошибку, а за то, что она позорно глупейшая.

— Я был в гостях и не опознал «южную пряную симфонию», учитель.

— М?

Почему-то про Асю говорить ещё труднее, слишком... личное.

Учитель продолжает за меня:

— Ты потерял над собой контроль. Дальше, Янер.

— Я успел уйти из столовой, в коридоре меня окликнула девушка, и я...

— Понятно, — учитель мрачнеет.

Он решил, что я...? Меня аж передёргивает.

— Нет! Учитель, клянусь, я ничего ей не сделал! Точнее... Я прижал её к стене, но больше — ничего. Я почти сразу отстранился и сказал ей уйти.

Учитель удовлетворённо кивает, обдумывает мои слова, а затем уточняет:

— А она?

— Я очень смутно помню, что происходило, но отчётливо помню, меня поразило — она не испугалась нападения. И уходить она отказалась. Учитель, она меня успокаивала. Я имею в виду мою магию. Я очень быстро уснул.

— И эта девушка была рядом, пока ты сладко спал? — в конце фразы едкая насмешка.

Я отвечаю серьёзно:

— Да, до утра.

— Хм...

— Учитель?

— Янер, мне напомнить тебе, как важно держать ауру закрытой? Ты не просто открылся перед той девушкой. Ни малейшего намёка, что она вторглась в твою ауру насильственно. Всё, что я вижу, однозначно говорит — ты сам, по собственной инициативе, осознанно или нет, жадно, взахлёб насыщался её энергией.

— Неосознанно.

Учитель отставляет недопитый горячий шоколад, чашка громко звякает о блюдец.

— Тем хуже, Янер.

Возразить нечего, но в то же время... Я уверен, окажись тогда к коридору вторая сестра, я бы вообще не отреагировал. Разве что оттолкнул бы, не сдерживаясь. Парадокс: убить бы леди Эшли-Саманту я мог, взять силой — нет, а Ася... Я поддался её спокойствию и остановился вовремя. До сих пор страшно подумать, чем могла закончиться наша встреча, если бы Ася стала отбиваться. Хочется верить, что я бы справился с собой вопреки всему, но я действительно не знаю...

— О ней думаешь? — насмешливо хмыкает учитель.

— Так заметно?

— Янер, а что тут замечать? У тебя внешний слой ауры переполнен её энергией. Хочешь ты или нет, эта девушка уже часть тебя. И естественно, что ты о ней беспокоишься, на тебя её энергия давит, считай, изнутри.

— И что делать?

Учитель снимает чашку с блюдца, неторопливо пьёт свой шоколад, смотрит на меня. Да, согласен, мог бы и не спрашивать. А время тянется, учитель пьёт мелкими глотками, смакует напиток. Никогда не понимал, что хорошего в приторной сладости, да ещё и засыпанной ванилью. Учитель допивает, крутит в пальцах пустую чашку и, наконец, отставляет.

— Янер, тебе какой вариант? Можешь отправиться к этой девочке и завершить слияние аур. Уверю, тебе сразу станет легче. Или, наоборот, терпи и жди, пока её энергия выветрится.

— Очистить ауру не предложите? Уж очень... раздражает.

Учитель пожимает плечами:

— Почему нет? Ты готов выжечь верхний слой ауры и три месяца ходить полностью открытым?

Хуже, чем просто открытым. Это же всё равно, что кожу с себя содрать.

Демоны!

— Выветрится, — главное, первые три дня перетерпеть.

— Уверен?

— Учитель?

— Янер, ты сам знаешь, как тяжело таким как мы найти пару. Мой первый брак оказался разрушительным и для меня, и для... жены. Сейчас я понимаю, что она была неплохим человеком, самым обычным, со своими достоинствами и слабостями, но даже сейчас я не смог бы вынести её колкую зависть к более успешным подругам, тщеславие, мелочность. Ты встретил девушку, с которой мог бы сойтись. Разве плохо?

— Плохо.

— Почему же?

— Во-первых, потому что подобные решения надо принимать на трезвую голову. Во-вторых, у неё странная аура, как будто...

— Как будто?

Как объяснить то, что сам не до конца понимаешь?

— Никогда не видел ничего подобного. У неё аура неестественная, льдисто-чистая.словно... отфильтрованная. Учитель, вы ведь это имели в виду, когда говорили, что энергия странная?

— Да.

— Вы знаете, что это может быть?

— Нет. Но однажды я видел ауру, которую описал бы точно такими же словами: противоестественно чистая, сияющая как кристалл льда в солнечных лучах. Тебе имя Дайны Шторф о чём-нибудь говорит?

— Разумеется.

Магиня, прославившаяся гениальными артефактами, которые до сих пор не смог повторить ни один мастер, и снискавшая скандальную известность из-за эксцентричных высказываний. Чего стоит её заверение, что она иномирянка, и что все её артефакты вовсе не её, а доставлены ей на заказ из другого мира? Дайна Шторф умерла около сорока лет назад, учитель мог быть с ней знаком...

— Да, Янер, ты правильно понял. Подобная аура была у Дайны Шторф.

— Иномирянка? Бред же.

— Кем Дайна точно не была, так это сумасшедшей. Рассказывая про другие миры, она прежде всего развлекалась, ей нравилось быть в центре внимания, она наслаждалась роскошью, богатством, собирала вокруг себя толпы восторженных поклонников. Но мы ведь говорим об её ауре? И вот, что удивительно. Что бы ни происходило, какие бы эмоции Дайна ни испытывала, следов в ауре никогда не оставалось. Я своими глазами видел, как, например, в её ауре вспыхивает зависть, но, как только Дайна переставала её испытывать, зелень бесследно исчезала.

— Хм...

— Хватит на сегодня, Янер. Думай, что будешь делать. Возьми бельё в шкафу и постели себе на диване.

Учитель поднимается, оставляет мне грязную чашку и удаляется в спальню. Ну, диван подождёт, начать придётся с мытья посуды. А думать как раз и не о чем, я уже решил — буду избегать Асю два-три месяца, пока моя аура не придёт в норму. А вот когда придёт... я обязательно выясню, что с Асей не так, и почему её аура так похожа на ауру Дайны Шторф. Моя Лыдинка, моя персональная загадка...

Естественно, без помощи я Асю не оставлю.

Уже до полудня следующего дня мой доверенный подчинённый, я попросил о личной услуге, сообщил, что Ася не осталась в храме, а отправилась к родне со стороны матери, и те Асю приняли. Узнавать подробности я принципиально не стал — магия снова взбунтовалась, требуя немедленно увидеть девушку. Я жестом заставил Брайса замолчать:

— Просто приглядывай за ней, хорошо? И немедленно сообщи мне, если у неё будут проблемы. А мне надо проветриться...

Глава 26

Личный управляющий — это бесподобно!

Сидишь себе в кресле, млеешь, чай с бергамотом цедишь, а он стоит, вытянувшись по струнке, дуется от осознания собственной важности и докладывает.

Синьора Катц при виде сыночки прыснула в кулачок и сбежала в спальню отсмеиваться. Эдан и ухом не повёл, продолжил отчитываться, причём, судя по длине отчёта, у Эдана двадцать пять часов в сутки, и он не спит, не ест, а крутится бешеным электровеником. Наблюдать за Эданом вроде бы и забавно. Мальчишка же! Но лично меня смеяться не тянет. Он столько успел, столько провернул, что не могу не уважать его хватку и потрясающую работоспособность.

— Тали, смотри, поваром займёмся сегодня в конце, когда утвердим меню. Нам нужна посудомойка, она же пусть будет уборщицей.

— Лучше бы тоже парня взять.

— Хм... Почему бы и нет? Сейчас нам нужно выбрать артистов. То есть официантов.

— Артистов?

— Ну да, — ухмыляется Эдан. — Господа ходят в театр поглазеть на оперную диву, помечтать, как они с ней..., — Эдан отчаянно заливается румянцем и скомкано заканчивает. — Вот и ты, я так понял, хочешь, чтобы дамы приходили поглазеть и помечтать.

— Всё верно, поглазеть и помечтать, руками не трогать.

— Значит, официанты нам нужны не только расторопные и отличающие луковый суп от сырной нарезки, но и притягательные для дам, как артисты.

— И если кто-то ловкий сумеет жонглировать чашками, — почему бы и не добавить номер?

Эдан от возмущения подпрыгивает:

— Тали, нет! Чашек не напасёшься. Пусть с ножами жонглирует.

— Кхм, — какой добрый, однако.

— Смотри, кафе я снял, подруг маминых у мамы арендовал, как ты и сказала, она им приглашения разослала и почти все ответили согласием. Начинаем через полтора часа, так что выдвигаемся. Опаздываем уже.

А почему опаздываем-то, если в запасе полтора часа?

Спросить я не успеваю.

Эдан одним мастерским движением собирает бумаги, которые показывал мне до этого, подбивает стопку, прячет в папку, и я моргнуть не успеваю, как остаюсь одна. Синьора Катц выглядывает из спальни:

— Тали, не волнуйся, я помогу встретить подруг. И не увлекайся, пожалуйста, как в прошлый раз. Мне не жалко Сорокатравный бальзам, я хоть всю бутылку тебе спою, но всё же побереги себя.

— Спасибо.

В коридоре, на полпути к выделенным мне гостевым комнатам, я останавливаюсь. Хочется минуты тишины, чтобы собраться с мыслями, ещё раз прикинуть список дел. Вроде бы я ничего не упустила... Эх, а ведь я могла продать на аукционе артефакт из каталога Системы, разом стать богатой и... И что? Возлежать на золоте размякшим овощем без мозгов? Ха, нет уж! Кафе, мечты о собственном городе — мне нравится моя новая жизнь!

Я захожу в спальню:

— Фырь-фырь, ты где, радость моя?

В ванной уже сухо, Фырь наплескался, а Мия успела прибраться. Вроде бы и хорошо, не нужно спешно ловить расшалившегося духа в полотенце и бояться за платье. Но где теперь его искать?!

— Ау-у? — безуспешно продолжаю звать я.

Хм...

— Тебе не нравится отзываться на «Фырь»? А как тебе нравится?

Интересно, мне достался дух повышенной вредности или они все такие?

— Фырь, я зашла сказать, что собираюсь в кафе и дальше по делам. Я хотела позвать тебя с собой, но раз ты против... Не скучай!

Помахав, я поворачиваюсь к двери. Не знаю, слышал меня Фырь или нет, но времени на поиски и уговоры у меня точно нет. Эдан уже в нетерпении топчется в холле и смотрит на меня очень укоризненно. Я же не спускаюсь, а сперва бегу в кабинет синьора Катца. Дела делами, а с дедушкой следует поздороваться, пожелать ему хорошего дня и извиниться, что утренняя шахматная партия не состоится. Я ловлю себя на том, что мне искренне жаль. К шахматам я равнодушна, учиться игре я не собираюсь, но мне приятно, что синьор Катц от души наслаждается нашей игрой.

Окинув меня цепким взглядом, он понимает без слов:

— Тали, тебе не кажется, что ты спешишь с наймом? Всё же, у тебя ещё ничего нет, кроме свидетельства на землю и лицензии.

— Скоро будет, дедушка. Не волнуйтесь, мы с Эданом всё тщательно рассчитали.

— Тщательно... Ты помнишь, что я не переведу дополнительных денег, пока не увижу смету, в которой каждый пункт будет обоснован?

— Дедушка, конечно, помню. Нет необходимости. Уверена, мы уложимся в меньшую сумму, чем та, что вы выделили.

— Да?

— Вы очень скоро в этом убедитесь.

— Хорошо. Успеха, Тали. С нетерпением жду хороших новостей.

— Спасибо, дедушка!

Вот теперь можно ехать.

Я слетаю по ступенькам, и Эдан закатывает глаза, но благоразумно помалкивает, лишь подаёт мне локоть, а потом помогает забраться в салон экипажа. Правда, извозчику он приказывает не трогать, а гнать.

Уже в экипаже Эдан пересаживается на сидение ко мне, лицом по ходу движение, а освободившийся диванчик использует вместо стола и раскладывает папки:

— Тали, как я это вижу. Сперва мы должны убедиться, что претендент вообще годен на работу официантом. А уже на втором этапе отбора оценивать привлекательность.

— Согласна.

— Я рассортировал претендентов по цветам волос. Ты же говорила, нужны разноцветные, вот и будем набирать из каждой группы. В первой папке блондины, во второй — русые, потом шатены, отдельно рыжие и последняя папка — брюнеты.

— Верно. Тебе, например, девочки нравятся светленькие или тёмненькие? Кто-то с тобой во вкусах совпадёт, кто-то нет, и наша задача зацепить, как можно больше.

— Мне нравятся умные, — Эдан оттопыривает нижнюю губу и поспешно отворачивается.

А в следующую секунду вздрагивает, потому что под сидением начинается неясная возня. Эдан вскакивает и невесть откуда выхватывает нож, в другой руке у него появляется кристалл на цепочке. Я ошеломлённо хлопаю глазами. Ничего себе мальчик...

— Мря? — с видом полнейшей невинности из-под сидения выбирается Фырь, демонстративно встряхивается и задней лапкой стряхивает пылинки с кончика хвоста на Эдана, а затем ловко запрыгивает наверх и плюхается ко мне на колени.

— О, я знаю! Я буду звать тебя Врединка, м?

— Мр-ря.

Со смешком я запускаю пальцы в мех, чешу за ухом, и фырчание плавно переходит в тихое

мурчание, дух почти не издаёт звуков, но ощутимо вибрирует. Можно не сомневаться — от удовольствия.

Вскоре экипаж останавливается перед кафе, которое на время станет нашим испытательным полигоном. Честно говоря, я сомневаюсь, что стоило тратиться на аренду, но не ждать же результатов аукциона. Пока денег на арку нет, будем исходить из того, что их нет и не будет.

Мы втроем, Эдан, Врединка и я, входим в кафе.

Навстречу тут же выходит управляющий. То есть это я думаю, что управляющий. Кем ему ещё быть? Эдан делает шаг вперёд, чтобы представить мне мужчину, но Врединка, спокойно сидевший у меня на руках, внезапно настораживается, шумно принимает, дёргает ушами и поворачивается мордочкой к боковому залу.

Я замираю и тихо спрашиваю:

— Эй, что-то не так? Там опасность?

В оригинальной «Фаворитке герцога» на Эдана не покушались, он пострадал случайно из-за того, что оказался в момент нападения вместе с братом. Я была уверена, что дедушка контролирует ситуацию.

Но теперь события развиваются иначе...

— Уходим?

Азарт, предвкушение высот... От них во взгляде Эдана и следа не остаётся, Эдан полностью собран, сосредоточен, готов к удару с любой стороны. Не мальчишка, а юноша, которому можно смело довериться.

— Фр-рь, — оборачивается Врединка.

— Судя по его спокойствию, — я провожу пальцами по меху, — мы его поняли неправильно. Опасность не при чём, что-то иное.

Эдан согласно кивает, но не расслабляется, а Врединка... Или лучше Вредик? Точно, Вредик! Вредик выворачивается из моих рук, мягко спрыгивает на пол и, шмыгнув куда-то за портьеру, моментально исчезает.

Я смотрю ему вслед. Не знаю, что Вредик почувствовал... Ладно, потом разберёмся. Раз он не хватает меня за подол и не тянет за собой, значит, пока нет необходимости. Я перевожу взгляд на управляющего.

— Тали, позволь представить тебе Лена Вайтера, секретарь Дамира, именно Лен Вайтер помог нам организовать сегодняшней отбор.

То есть это не управляющий кафе, как я предположила, а кто-то из доверенных людей семьи. Значит, надо быть вдвойне приветливой, и я улыбаюсь:

— Рада знакомству с вами, Лен Вайтер. Спасибо за помощь.

— Что вы, синьорина, это мой долг.

Угу...

— Всё готово к началу отбора?

— Да, синьорина. Мы ждём прибытия синьоры Катц и гостей. Желаете пока взглянуть на претендентов?

Пролистать все анкеты я так и не успела.

— Они уже все здесь?

Кстати, сколько их?

— Двое пока не явились, синьорина. Поскольку час, к которому они должны были явиться, уже истёк, я не знаю, должны ли мы их допустить к участию, если они всё же появятся.

— Посмотрим, — неопределённо пожимаю я плечами, судить по одной оплошности неверно, тем более у претендента может оказаться уважительная причина. — Давайте взглянем.

— Претенденты в боковом зале.

Там, куда умчался Вредик?

Хм...

Я осторожно отвожу портьеру и заглядываю в зал под её прикрытием. Та-ак... Столы и стулья сдвинуты к дальней стене, чтобы освободить пространство. У стены с прихода за конторкой сидит невзрачный паренёк в наглухо застёгнутом сюртуке, на конторке выложены папки, отдельно лежат списки с именами. Претенденты толпятся у сдвинутых столов, молча ждут распоряжений. Я быстро пробегаю по лицам взглядом и не замечаю ни одного недовольного. А ведь они не только неизвестно сколько на ногах, но и вряд ли могли получить хоть глоток воды.

Впрочем, официантам и предстоит всю рабочую смену быть на ногах...

— Тали?

Я всё ещё не решаюсь показаться кандидатам на глаза. Что могло заинтересовать Вредика?

И тут один из претендентов резко поднимает голову.

Он не смотрит в сторону портьеры, наоборот, поворачивает голову боком, ухом к нам, он будто прислушивается к своему чутью, не доверяя глазам. Странно, ведь обычно люди предпочитают смотреть.

Я внимательнее всматриваюсь в его лицо...

Ян?!

Но теперь, когда я это поняла, это он! Без сомнения, он. Я не узнала его сразу лишь по одной единственной причине — его глаза. Его глаза должны светиться изумрудным сиянием, блёклым, полупрозрачным — когда Ян спокоен, и нестерпимо ярким — когда Ян испытывает острые эмоции.

Однако сейчас света нет. Вообще нет. Как это возможно?!

— Тали, что с тобой? Тебе плохо? Ты побледнела.

Да тише ты! А если Ян услышит?

Ну и что, что услышит?

Я отшатываюсь от портьеры, оборачиваюсь. Эдан искренне обеспокоен, и мне становится стыдно за свою мысленную резкость. Я выдавливаю улыбку, беру Эдана под руку, отвожу в сторону и шёпотом поясняю:

— Всё в порядке, но мне нужно отойти в дамскую комнату.

Эдан не сразу отпускает меня, внимательно всматривается в моё лицо, и, лишь убедившись, что падать в обморок я не собираюсь, кивает. Я замечаю, что он колеблется, проводить меня или нет. Я успокаивающе пожимаю его руку и ухожу одна.

Мне удалось взяться себя в руки, но как только я оказываюсь одна в дамской комнате, всё моё спокойствие разлетается вдребезги. Я тяжело опираюсь на мраморный край раковины, встречаю в зеркале испуганный взгляд своего бледного отражения.

Открыв холодную воду, я опускаю под струю обе ладони, а затем прикладываю пальцы к пылающим щекам.

Ну и что меня так взволновало?

Наверное, прежде всего неожиданность. И — с собой надо быть честной — встреча.

Интерлюдия 4 Господин Янер Феликс

— У синьорины всё благополучно, — докладывает Брайс, и в его ауре вспыхивает сочувствие.

Я морщусь. Нехорошо винить подчинённого за искреннее беспокойство обо мне, но неприятно выглядеть слабым. Вдвойне неприятно, что Брайс отчасти прав — я ранен. Внешний слой ауры зудит который день, чужеродная энергия тянется обратно к Асе.

Ничего, просто нужно перетерпеть, освободиться, и тогда мы с Асей встретимся по-настоящему.

И я терплю. За всё время моя выдержка подверглась испытанию лишь один раз. Энергия буквально

вскипела, обжигая и заставляя озираться в поисках Льдинки, моей Льдинки... Я едва не вызвал Брайса, чтобы вытрясти, где искать синьорину и как звучит её полное имя. Сдержался в последний момент, справился, потрянул головой, отгоняя желание хоть издали взглянуть, убедиться, что доклады правдивы. Нет, пока даже крупица информации соблазн — ничего принципиально спрашивать не буду. Я выдержу.

Труднее было в начале. То ли я к зуду притерпелся, то ли он стал меньше, то ли всё вместе, но постепенно давление магии слабело. А уж если сосредоточусь на деле, оно окончательно исчезнет. Я впервые обрадовался вызову в Департамент.

Мда...

По крайней мере я оказался прав. Услышав, куда именно мне предстоит отправиться, про Асю я временно забыл:

— Кайтер, капитан, вы шутите?

Капитан Лаор тяжело вздыхает, и в такт дыханию колеблется его дымчато-мутная энергия, вяло текущая по его ауре. Смотреть... противно. Особенно, когда в памяти искристо-чистая аура Льдинки.

Может, я зря упрямлюсь? Нет, не зря. Я хочу, чтобы решение было моим, а не навязанным мне инстинктами.

— Феликс, я предельно серьёзен.

Капитан не лжёт. Правда вспыхивает светлячком и тотчас растворяется в серой мути.

— Почему я?

— Вы хотите спросить, почему я не отправлю любую из дознавательниц?

— Капитан, вы не хуже меня знаете, что если в Кайтере заметят постороннюю женщину, худшее, что ей грозит — быть выставленной вон, в то время как любого мужчину, находящегося в Кайтере незаконно, старейшины имеют полное право убить.

Муть в ауре капитана сгущается, пара пятен темнеют почти до черноты.

— Всё так, Феликс. Однако у меня нет в подчинении женщин с примесью демонической крови. Вас, полукровок, сам знаешь, мало.

Ложь.

Не в словах, нет. Женщин-полукровок в Департаменте действительно нет. Ложь спрятана глубже. Капитан уважителен, но в своём сердце не считает меня кем-то особо ценным. Для него я, как и любой другой дознаватель, не больше, чем пешка. Справлюсь — хорошо. Погибну — пошлёт на моё место замену.

— Значит, я должен добраться до Кайтера, проникнуть на территорию, каким-то образом выживать, сохраняя своё присутствие в тайне и вести расследование?

— Да, Феликс, изначально план такой.

— Изначально?

— Синьор Катц, Феликс, вы слышали о нём?

— Пфф, а кто о нём не слышал? Успешный делец, выбравшийся из трущоб и ставший одним из богатейших синьоров.

— И детей своих он воспитывает такими же дельцами. Недавно синьорина Катц выкупила половину Кайтерской долины и оформила лицензию на предпринимательскую деятельность.

Что?

— Ерунда какая-то.

— Вы не верите в успех затеи, Феликс? — усмехается капитан. — Я, признаться, тоже. Больше половины адептов из аристократических и состоятельных семей, но, даже если они отдадут синьорине все свои деньги, я не думаю, что затраты окупятся. Но об этом пусть синьор Катц беспокоится. Вы хотите спросить, зачем я вам всё это рассказал? Синьорина открывает кафе и набирает официантов. Вы сможете находиться рядом с Кайтером совершенно законно.

— Главной проблемы это не решает, — право убить любого мужчину, незаконно проникшего на территорию академии, гарантировано старейшинам королём.

Капитан пожимает плечами, молчание затягивается, и капитан прерывает его безразличным:

— Феликс, уверен, вы справитесь.

Я усмехаюсь. Такая откровенная ложь...

— Капитан, есть ещё одна проблема. Мои глаза. Кто возьмёт в официанты демона?

Капитан достаёт из ящика стола металлический ларец, отпирает. Внутри ларца деревянная шкатулка. Предусмотрительно — из-за двойной преграды я бы не смог рассмотреть содержимое раньше времени.

В шкатулке оказывается флакон с розовой жидкостью.

— Это..., — выдыхаю я, отказываясь верить тому, что вижу.

— Вы всё правильно поняли, Феликс. Это зелье на время усыпит вашу магию.

— Но какой смысл? Без магии я не буду видеть энергетические структуры. Я буду видеть как обычный человек.

— Феликс, это не проблема. В нужный момент вы примете антидот.

Его аура ещё больше мутнеет, а моя собственная вспыхивает жаром, я чувствую жгучее раздражение, сменяющееся уверенностью, что это моё последнее задание. Я подам в отставку сразу после завершения расследования.

Что на меня нашло?

Но уверенность только крепнет...

Я поднимаюсь, забираю зелье, антидот и, кивнув капитану, выхожу, не утруждая себя прощанием.

Кафе? Что же, капитан прав, это действительно лучше, чем прятаться в Кайтере, урывками спать в заброшенных закутках, тайком пробираться в кладовки за едой, искать воду. Но усыпить магию... Я выпиваю зелье за час до начала отбора. Будто жидкий лёд в живот падает. Тело скручивает от острой боли, и я переживаю неприятные минуты. Д-демоны! Магия вспыхивает, но я делаю несколько глубоких вдохов и выдохов, расслабляюсь, усилием воли гашу чувство опасности и позволяю магии уснуть.

Вместе с магией уходит зрение. Я закрываю глаза, переживаю, пока магия окончательно уснёт, передёргиваю плечами. В животе узлом свернулась ледяная змея., морозит — ощущения отвратительные, и это лишь начало. Не ожидая ничего хорошего, я открываю глаза.

Значит, таким мир видят люди? Яркие цвета, чёткие контуры, резкие контрасты, ни малейшего движения текстур. Я медленно оглядываюсь, привыкая к бессмысленной какофонии, делаю на пробу несколько шагов, протягиваю руку и касаюсь стены. Пфф, человеческое зрение годится только, чтобы не наткнуться на оболочки.

Без возможности видеть подлинную сущность я чувствую себя слепым.

— Господин, как вы?

Я оборачиваюсь к Брайсу. Хм, мне придётся запоминать вид оболочек, чтобы отличать людей друг от друга.

Киваю:

— Пойдём, пройдемся по улице.

— Да, господин.

Брайс не спорит. Демоны, я могу лишь догадываться, какие эмоции он испытывает!

Постепенно я привыкаю отличать текстуры, соотношу новую картинку с привычной. По крайней мере, я могу отличить живых людей от неодушевлённых предметов... Я привыкаю к силуэтам, но детали внешности ускользают от внимания. Слишком много цветов, слишком непривычно. Слишком-слишком-слишком...

— Господин, начало отбора через четверть часа.

— Да.

— Господин, синьорина...

— У Аси проблемы?! — вздрагиваю я, а уснувшая магия отзывается, угрожая утопить «змею» в жидком огне.

— У синьорины всё в порядке, я всего лишь считаю, что должен предупредить, синьорина...

Прекратившийся было зуд, возвращается.

— Нет, Брайс. Я же сказал, ни слова подробностей.

Вдох-выход, не хватало только, чтобы магия проснулась в самый неподходящий момент.

Зуд постепенно успокаивается.

— Да, господин. Но не вините меня потом. Вам через дорогу. Возьмите, это ваши документы на имя Альяна Дорса.

— Да.

— Удачи, господин.

Я смутно представляю, как именно будет проходить отбор. Обычно по рекомендациям принимают на испытательный срок, но синьорина Катц распорядилась иначе. Что же, ничего удивительного. Синьорину во всём отличает неординарный подход.

— Претендент? — окликает меня... человек.

Ребёнка от взрослого можно отличить по высоте. А как отличить женщину от мужчины?

— Да, — соглашаюсь я.

— Налево.

Похоже, я недооценил разницу между зрением людей и демонов, следовало принять зелье чуть раньше, привыкнуть. Вход я всё же опознаю, прохожу, и попадаю... По логике это зал, только столики... сдвинуты в одну гору. Толпа впереди — претенденты?

— Доброе утро, — нейтрально здороваюсь я с человеком, сидящим за столом. Скорее всего, это подчинённый синьорины Катц.

— Официант? — уточняет он. Судя по голосу, мужчина.

— Да, — отвечаю я и кратко представляюсь. — Альян Дорс.

Протягиваю документы.

Служащий сперва находит меня в списке, затем тщательно проверяет документы и только затем отмечает, что я появился.

— Можешь пройти, — разрешает он.

— Спасибо.

Я нахожу место у стены. Похоже, ожидание затянется. Но это хорошо — больше времени привыкнуть к виду оболочек, хотя через два часа я уже не так уверен, что долгое ожидание меня радует, скорее неопределённость нервирует. Претенденты безропотно стоят, изредка переминаясь с ноги на ногу, служащий сидит и не поднимает головы от разложенных перед ним бумаг, будто ничего вокруг его не касается.

Наконец, синьорина Катц и молодой синьор Катц появляются. Демоны, не прошло и вечности! Раздражение отзывается привычным зудом, из-за действия зелья ощущения искажаются, и мне даже мерещится, что где-то рядом появляется Ася. Я невольно прислушиваюсь. Демоны... Синьорина Катц уж точно не может быть моей Льдинкой. Вдох-выход, я заставляю магию уснуть.

Глава 27

Подняв голову, я снова смотрю в глаза своему отражению в зеркале.

Да, появление господина Феликса стало огромной неожиданностью. В оригинальной «Фаворитке герцога» никакого кафе не было, и я не думала, что моя затея повлияет на сюжет задолго до начала

основных событий. Оператор не обманул, дал идеальную подсказку. Только расслабляться рано, наивно думать, что лишь одно моё появление спасёт Яна. Увы-увы.

А вот как реагировать? Ну, любой большой вопрос следует разбить на множество маленьких и отвечать на каждый — так легче.

Что с его глазами?

Не знаю, но, надо полагать, у Яна всё под контролем. Полукровку со светящимися глазами в официанты никто не возьмёт, он бы пугал гостей кафе, а следовательно, Ян нашёл способ погасить сияние. И получается, сейчас он видит мир как обычный человек? Занятно.

Хм, а ведь теперь он не сможет меня узнать! У «Аси» ничего общего с «Тали», разве что по голосу...

Подойти и сказать, кто я? А зачем? Раз Ян здесь, значит моё кафе ему полезно. Если я раскрою себя и тем самым дам понять, что и его личность больше не тайна, то Ян, возможно, откажется от кафе. Нет, спешить точно не следует. Постараюсь при Яне говорить как можно меньше и следить за голосом. Я ни разу не актриса, но чуть-чуть манерно тянуть гласные сумею. Учтывая, насколько сильно восприятие Яна сейчас изменилось, моя уловка вполне может сработать.

Выходит, самый главный вопрос — как помочь Яну пройти отбор? Впрочем, я в Яне не сомневаюсь.

Окончательно успокоившись, я растягиваю губы в вежливой, ничего не значащей улыбке и возвращаюсь к Эдану.

— Тали, как ты?

Искренняя забота трогает до глубины души. Надо же, в той, оставленной, жизни я мечтала о большой и дружной семье, и моя мечта внезапно исполнилась. Становится неловко, что я заставила волноваться:

— Я в порядке. Маленькая дамская неприятность, не бери в голову.

Эдан слегка краснеет и, убедившись, что я не вру и в оборок падать не собираюсь, меняет тему разговора:

— Мы уже не успеем посмотреть на претендентов, нам нужно проверить, всё ли готово в зале. Мы не можем ударить в грязь лицом перед маминими подругами. Ох, Тали! — Эдан хлопает себя по лбу и начинает судорожно проверять карманы.

— Что случилось?

— Как я мог забыть?! А-а-а...

— Эдан?

— Мама же сказала, что ты должна выглядеть как синьорина Катц, а я... Тали, вот!

Эдан вытаскивает из внутреннего кармана узкий футляр из лакированного дерева и передаёт мне. Кажется, поняла. Я открываю, и догадка подтверждается. Внутри футляра гарнитур. Довольно крупные полупрозрачные голубые камни в тонком серебре кажутся не то слезинками, не то каплями дождя, и несмотря на их размер, при взгляде на гарнитур не возникает ощущения тяжести, напротив, украшения выглядят воздушными и элегантными.

— Какая красота..., — хвалю я.

— Тебе нравится?

— Очень!

— Хорошо, а то я боялся, что не угадаю с подарком, — Эдан гордо выпячивает грудь.

Так это не просто «поносить»? Гарнитур станет моим? Слишком щедро. Но и отвергать подарок нельзя.

— Эдан, большое спасибо. Мне нравится твой выбор, но особенно мне приятно, что ты для меня выбирал. И, Эдан, я к зеркалу!

Как я иначе смогу одеть серьги?

— Тали, только поторопись!

— Обязательно.

Надеть серьги — минута, а вот с незнакомым замочком ожерелья приходится повозиться. Последними я надеваю браслет и кольцо. Рассматривать, как на мне смотрятся украшения уже некогда, но один взгляд в зеркало я всё же бросаю. Голубые капельки на ушах покачиваются при каждом движении головы.

Я тороплюсь к Эдану, но на полпути приходится сменить цель — у кафе останавливается первый экипаж. Прибыла синьора Катц, но это ничего не меняет, с синьорой я должна быть не менее вежлива, чем с её подругами, я выхожу лично подать ей руку, чтобы помочь спуститься на мостовую.

— О, Тали, ты одна?

— Синьора Либель, Эдан нырнул в дела с головой. Не сердитесь на его увлечённость. Я хочу поблагодарить вас. Гарнитур восхитительный. Я потрясена тонкостью работы.

— Хм? Тали, тебе на кажется, что выглядит..., — синьора щёлкает пальцами, будто пытается подманить нужно слово, которое никак не идёт на язык. Просто? Дёшево?

— Синьора, излишняя роскошь не к лицу девушке. Мне очень нравится подарок.

— Тали, не будь такой скромной, ты же Катц!

Призыв синьоры плохо сочетается со спрятанным в её глазах одобрением, поэтому я лишь улыбаюсь. Обсуждение ювелирных изделий лучше завершить, каждый следующий обмен репликами не в мою пользу.

К счастью, можно совершенно естественно отвлечься на экипаж, остановившийся напротив кафе. Извозчик спрыгивает на мостовую, торопливо распахивает дверцу, и в проёме появляется дама в тёмно-зелёном наряде. Кружевная накидка белым облаком лежит на плечах, и наряд уже не кажется мрачным. Дама неспешно спускается по подставленной извозчиком лесенке. Первая гостья? От дамы веет некоторой властностью, и взгляд у неё неприятно-острый. Хуже, если она не гостья, а какая-нибудь аристократка, возжелавшая выпить чашечку чая непременно в арендованном на день кафе. Кто с ней будет разбираться? И как? Дама не стесняется показать мне свою неприязнь.

— Мари, ты здесь! — синьора Катц делает шаг вперёд, и я оказываюсь за её плечом.

Отлично, всё-таки гостья.

— Либи, давно не виделись. Ты не представляешь, как я счастлива получить твоё приглашение. Ты обещала что-то интересное.

— Рада тебе видеть.

Синьоры обмениваются звонкими поцелуями в щёчку.

Я пользуюсь выпавшим мгновением, чтобы расслабиться, и когда гостья обращает на меня своё внимание, я исполняю идеальный реверанс. Надеюсь, что идеальный — я полностью доверяю мышечной памяти тела.

Гостье не удаётся найти во моём приветствии изъян.

— Хм...

— Мари, позволь представить тебе Тали. Наш дом празднует воссоединение семьи. Тали вернулась после долгого обучения.

Я с некоторым удивлением слушаю, как синьора интерпретирует моё появление.

— О? — озадачивается гостья.

Начинаю понимать. Как и синьора Катц, дама изначально посчитала меня охотницей за наследством и решила поддержать подругу, а синьора Катц не только не оценила стараний, но и вступилась за меня.

— Да-да, Мари, в нашем доме праздник. Ох, я всё ещё надеюсь устроить хотя бы чаепитие, но соблазнить Тали отвлечься от дел не так-то просто, истинная внучка своего дедушки.

Синьора, спасибо вам.

Взгляд гостьи теплеет.

— Тали, познакомься, моя хорошая подруга синьора Ларданли, супруга партнёра твоего дедушки.

— Синьора Ларданли, быть представленной вам честь для меня. Позвольте поблагодарить вас, я тронута, что вы приняли приглашение. Надеюсь, вы развлечётесь.

— Тали, о чём ты говоришь? Я рада любой возможности встретиться с Либи. И, конечно же, мне интересно встретиться с такой необычной девушкой. В твоём возрасте нужно не умножать суммы не счётах, а тратить, не считая, общаться не с давно замужними синьорами, а с синьоринами и молодыми синьорами. Юность — пора открытий и любви.

Э...? Вот не надо мне молодёжи, замуж я пока точно не собираюсь, а в какую сторону побежали мысли синьоры Ларданли даже гадать не надо, слишком прямой намёк, того и гляди предложит познакомиться с её сыном, деловые связи испокон веков укрепляли брачными.

— Синьора Ларданли, добрый день! — к нам наконец-то присоединяется Эдан.

Я перевожу дыхание — при нём гостя вряд ли станет продолжать щекотливую тему отношений.

Эдан подхватывает её под руку и уводит в кафе, а мы с синьорой Катц остаёмся встречать следующую гостью, очередной экипаж уже подъехал, и вскоре перед кафе образуется небольшая «пробка». К счастью, на помощь приходит Лен Вайтер, именно он провожает дам в зал, где всех прибывших развлекает Эдан, а нам с синьорой Катц остаётся лишь приветствовать гостей.

— Синьора Винтер задерживается, — на ухо шепчет синьора Катц. — Остальные уже здесь. О, а вот и она.

— Простите за опоздание! — синьора взмахивает руками, теряет равновесие и едва не выпадает на мостовую. Извозчик чудом успевает подставить ей своё предплечье для опоры.

— Тини, ничего подобного! Ты как раз вовремя!

— Либи, ты не обманываешь меня? Хорошо тогда! — синьоры звонко целуются, и гостя переводит взгляд на меня. — Должно быть ты и есть синьорина, предложившая это необычное веселье?

Я вежливо склоняю голову.

С отбором бы я справилась и сама, но почему бы не убить двух зайцев одним выстрелом? Не только найти будущих официантов в моё кафе, но и завязать полезные знакомства. Сегодня я познакомлюсь с жёнами крупных предпринимателей, завтра обо мне заговорят в их домах, а послезавтра уже сами предприниматели отнесутся ко мне серьёзно. Если мне удастся поставить в долине Кайтера арку, то, уверена, многие пожелают арендовать у меня землю...

И породниться. Мда... Ничего, как-нибудь отобьюсь.

Втроём мы проходим в зал.

Столики для гостей расставлены полукругом, как перед сценой, синьоры должны иметь возможность увидеть каждого претендента, но при этом достаточно далеко, чтобы синьоры не помешали друг другу, когда будут делать заказ.

Эдан быстро раздаёт кожаные папки с меню, напитки и десерты будут подаваться по-настоящему:

— Уважаемые синьоры, взгляните, пожалуйста, на предпоследнюю страницу. Поскольку мы проверяем способности претендентов, им определённо не должно быть легко справиться. Возможно, вам понравится один из способов вызвать у претендентов затруднения, а, возможно, у вас будут свои собственные идеи. Пожалуйста, развлекайтесь, и ни в чём себе не отказывайте.

Эдан задорно, с намёком, подмигивает. И не скажешь, что мальчик умеет быть стеснительным.

Синьоры переглядываются, читают, начинают посмеиваться, а потом и вовсе пересмеиваются между собой, фантазируют, дополняют список, обсуждают. Похоже, оказаться жюри на своеобразном конкурсе красоты, им нравится даже больше, чем я предполагала. Минут через пять-семь многоголосая беседа постепенно стихает, и ко мне обращается синьора Ларданли:

— Тали, что же мы ждём? Приглашай первую группу жер... хм, претендентов, конечно.

Ох, кому-то не повезёт попасть на зуб к этой хищнице.

Я даю знак Лену Вайтеру, и он вызывает первых жертв. Блондины, по одному на каждую из синьор.

На вскидку претендентам от восемнадцати до двадцати пяти, все более-менее приятны глазу. Второй справа — претенденты выстроились в линию — слегка прихрамывает, и меня смущает, сможет ли он продержаться всю смену на ногах, но отказывать из-за хромоты точно не стану, если он себя блестяще покажет. А вот третий слева — сразу на вылет, потому что жилет застёгнут криво, подобная небрежность неприемлема.

Лен Вайтер оглашает имена. Претендент, услышав своё имя, делает шаг вперёд и кланяется. Третий слева даже с такой простой задачей не справляется. Синьора, чей заказ он должен принять, досадливо кривится и останавливает на подходе:

— Сразу нет.

— Что?!

А вот и ответ, почему найму через биржу предпочитают принимать исключительно по рекомендациям.

Устроить некрасивую сцену парню не даёт Лен Вайтер. В мгновение подскочив, помощник, не такой высокий и не такой плечистый, как отвергнутый претендент, хватает его за руку. Я лишь догадываюсь, что Лен Вайтер умело нажимает на болевую точку. Парень бледнеет, сипло выдыхает, его глаза расширяются. Он позволяет себя увести.

Я перевожу взгляд на синьору, с энтузиазмом вцепившихся в своих... жертв. Кто же знал, что им так понравится! Хм, надо обдумать, как это обставить с точки зрения соответствия правилам этикета, но что-то вроде смеси конкурса красоты и реалити-шоу... Свежо, захватывающе. И всё прилично. Например, это будет «Идеальный дворецкий».

— Взбитые сливки с клубникой, — доносится до меня нарочито капризный голос одной из гостей. — Нет, с малиной. Или всё-таки с клубникой? Не стой же столбом, посоветуй!

Эх, не повезло блондинам быть первыми, синьоры полны энтузиазма.

Я похожу к Лену Вайтеру. Помощник понятиливо наклоняется.

— Русых предпоследними.

— Да, синьорина.

Лен Вайтер не выказывает ни намёка на удивление, не задаёт уточняющих вопросов — идеальный помощник. Эх, мне бы его к себе переманить, но не верю, что Дамир уступит.

— О, но я заказывала взбитые сливки с клубникой! — жертва принёс заказ. Увы, у него не было шансов принести верное блюдо.

— Синьора, вы же сами решили, что с клубникой!

Минус один, повышать на клиенток голос недопустимо.

С одной стороны я парням от души сочувствую, их сходу поставили перед крайне трудным испытанием, бьющим по выдержке и самообладанию. С другой стороны, впереди их ждут по-настоящему сложные клиентки — магини, магини-аристократки, и это уже будет не игра, всё будет по-настоящему.

Лен Вайтер выводит претендентов в отдельное помещение, чтобы они не пересеклись с теми, кто только ожидает и оставляет под присмотром своего подчинённого. Не думаю, что кто-то из них стал бы помогать конкурентам, но мало ли... Поэтому парням предстоит стоять и молча ожидать. Хм...

Я знаком подзываю Лена Вайтера.

— Да, синьорина?

— Пусть все претенденты, независимо от результатов, получают сытный обед. Их усилия не должны быть потрачены совсем впустую. И, пожалуй, нужно ещё добавить маленькую денежную награду, равную половине оплаты за один день работы.

Лен Вайтер позволяет себе сдержанно заметить:

— Синьорина щедра.

— И сурова, одно качество уравнивает другое. Вы так не считаете? Вам доверяют бабушка и Дамир, мне действительно интересно, какого мнения вы придерживаетесь?

— Синьорина, денежное вознаграждение излишне.

— Да.

Синьоры отпускают вторую «партию» блондинов, и в этот раз со свистом никто не вылетает.

Лен Вайтер приглашает рыжих.

Я не слишком внимательно слежу за происходящим, за всеми всё равно не усмотреть. Эдан ставит для меня стул, подаёт чашку чая, садится рядом, и мы негромко переговаривается. Я делюсь идеей устроить шоу «Идеальный дворецкий». Если проводить шоу в Кайтере, то у нас есть шанс привлечь к будущему городу внимание. Кто бы мог подумать, что именно Эдан ухмыльнётся и напомним, что двигаться надо шаг за шагом строго по плану.

Рыжих сменяют шатены, две полных группы и «хвост». Я довольно отмечаю, что синьоры подрастеряли энтузиазм, развлекаются, но уже без огонька, с ленцой. Может, стоило передвинуть русских вообще в самый конец?

Менять что-либо поздно, очередная группа уже входит в зал, и я стискиваю зубы, чтобы никак не выдать эмоций, потому что второй справа — Ян.

— Альян Дорс, — представляет его Лен Вайтер.

Ян, как все, делает шаг вперёд, склоняется в поклоне. Выправка сразу же бросается в глаза.

— Какой интересный, — задумчиво протягивает синьора Ларданли и хищно прищуривается.

К счастью, Ян попадёт не к ней, так что я не вмешиваюсь.

Лен Вайтер заканчивает представлять претендентов, и разрешает начинать. Парни направляются к «своим» клиенткам.

— Я хочу, чтобы меня обслужил он, — капризно, на весь зал, объявляет синьора Ларданли, и её указательный пальчик указывает чётко на Яна.

По крайней мере вкус у синьоры есть...

Желание клиентки закон. Ян снова кланяется, пропускает других претендентов вперёд и направляется к синьоре. «Отвергнутый» глупо замирает. Даже я понимаю, что он должен взять на себя «клиентку» Яна, а он зачем-то оглядывается на Лена Вайтера. Минус. А вот парнишке, который сориентировался и исхитрился взять в оборот сразу два заказа жирный плюс. Если не совершит критичной ошибке, то однозначно беру. Лен Вайтер кивком показывает, что отметил талант.

Я же сосредотачиваюсь на Яне и синьоре.

Ян приближается к её столику, останавливается в шаге, достаточно близко, но в то же время на расстоянии. Поклон уважительный, но преисполнен собственного достоинства. Чёрт, Ян слишком выделяется... Синьора подозрительно прищуривается.

— Добрый день, distinguished. С вашего позволения, я буду тем, кто примет ваш заказ. Позвольте предложить вам десерты и напитки или вы уже определились с пожеланиями?

— Красного вина.

Вина в меню нет, и в моём кафе алкоголя не будет, так что Ян должен вежливо отказать.

— Distinguished, сожалею, но могу предложить соки, морс или горячие напитки.

— Но я хочу вина. Поторопись, — синьора откидывается на спинку кресла и всем своим видом показывает, что разговор окончен.

Ян не дрогнул. Он снова уважительно склоняется:

— Distinguished, сожалею, но в этом кафе вино не подаётся. Я буду рад предложить вам что-то иное, — голос ровный, ни тени недовольства.

— Брусничный сок, — синьора взмахивает кистью, будто отмахивается от назойливой мухи.

— Да, distinguished, брусничный сок, — Ян снова склоняет голову, делает шаг от стола.

— Нет, вишнёвый.

Я восхищаюсь выдержкой Яна. Впрочем, он наверняка сообразил, что его нарочно выводят из себя, слышит, что происходит за соседними столиками.

— Да, достопочтенная, вишнёвый сок.

Синьора позволяет Яну уйти, и через минуту он возвращается с подносом, по центру которого высится тёмно-красный бокал. Ян шагает быстро, но без суеты, осанка идеальная, свободная рука безупречно заложена за спину.

Если бы я пристально не следила, я бы не заметила, как один из конкурентов выставляет ногу. Подножка — грязный трюк, но тому, кто заведомо провалился терять нечего. Ян, не дрогнув, каблуком наступает на мысок и подходит к синьоре как ни в чём ни бывало. Ха, я готова аплодировать.

Синьора Ларданли прищуривается:

— Но я заказывала брусничный.

— Да, достопочтенная. Ваш брусничный сок.

— А...

Ян ослепительно улыбается и с поклоном отступает, пока синьора хлопает глазами, а я от души восхищаюсь, как ловко он избежал её ловушки.

Вот только Эдан моего восхищения не разделяет и демонстрирует необычайную проницательность:

— Какой подозрительный, пожалуй, я бы не стал его принимать.

— Надо проверить, — пожимаю я плечами.

Уверена, с документами у Яна всё в порядке.

— Естественно, мы будем проверять перед подписанием контракта ещё раз более тщательно, но этого я предлагаю исключить сразу.

— Ещё раз? — улавливаю я.

— Конечно, Тали. Лен Вайтер проверил всех претендентов, прежде чем допустить на отбор.

Хм...

— Эдан, не будем спешить?

— Тали, я чего-то не знаю?

Вот же чутьё!

Глава 29

Лен Вайтер приглашает предпоследнюю группу — брюнеты.

— Эдан... Можно сказать, что у Альяна Дорса самые надёжные рекомендации. Мои.

— Тали?

Как много я могу сказать? Не объяснять, что Ян тот, ради кого я затеяла открытие кафе. Рассказывать про Систему и оператора я точно не собираюсь. Одно цепляется за другое... Я наклоняюсь и, осторожно подбирая слова, шёпотом поясню:

— Я видела его в доме барона.

— Тали?!

— У него был знак дознавателя. Понимаешь теперь? Нам лучше не препятствовать и притвориться слепыми.

— Погоди... Но если он был в доме барона, как он может, не зная, кто ты? И что ему могло понадобиться от нас?

— В доме барона он был неофициально, оказывал личную услугу. Насколько я понимаю, барон пригласил его внезапно, и Альян Дорс незамедлительно прибыл под видом гостя. Поскольку меня никакие подозрения не коснулись, Альян Дорс не уточнял детали моего происхождения. Что

касается причин его появления, то, уверена, они связаны с Кайтером.

— Откуда такая уверенность?

Я пожимаю плечами:

— Барон привёз его в дом и попросил помочь разобраться с проблемой. С чего бы Альяну Дорсу интересоваться мной? Если бы речь шла об официальном расследовании...

— Тали, я не о том.

— Кайтер?

— Да.

— А что ещё, Эдан? Не несуществующее же кафе. Академия, почти полностью свободная от королевской власти, но при этом обучающая аристократок. Закрытое сестринство с долгой и тайной историей. По-моему, ничего удивительного, что нами хотят воспользоваться, чтобы подобраться к логову поближе.

Эдан резко поднимается, разворачивается, закрывает меня собой от посторонних взглядов:

— Тали, подобные игры не то, во что стоит лезть.

— Разве мы лезем? Мы всего лишь открываем кафе.

— Тали, прости, но я скажу папе.

— Эдан, я понимаю, что в твоих глазах я совершаю большую ошибку, и ты хочешь уберечь меня от возможной опасности. Я благодарна тебе. Хотя я бы и не хотела, чтобы этот крошечный секрет дошёл до дедушки, я не обижусь, если ты расскажешь. Однако я прошу тебя дважды подумать.

— О чём?

Эдан никак не похож на мальчишку. Подросток? Пятнадцать лет? Он смотрит на меня умным проницательным взглядом состоявшегося мужчины, резко контрастирующим с лицом, не утратившим детской очаровательности.

— Дедушка будет напрасно волноваться, вот и всё, чего ты добьёшься. Ты думаешь, дознаватель — это тот, кому легко отказать? Если мы не примем Альяна Дорса, то нас навестят и попросят передумать. Понимаешь?

— Тали...

— Эдан, а в чём проблема? Мы на время получаем официанта, которому остальные претенденты в подмётки не годятся. То, что в свободное от работы время он будет посещать Кайтер, нас никак не касается.

Однако переубедить упёртого Эдана оказывается не так просто.

— Тали, мы можем затянуть и отложить открытие кафе, в этом не будет ничего подозрительного.

— Отложить?! Эдан, ты предлагаешь мне расписаться в собственной некомпетентности? Под ударом не только финансовые потери, их я компенсирую на аукционе. Под ударом деловая репутация. Какая я синьорина Катц, если начала и всё провалила?

— Глупости, — жёстко отмечает мои аргументы Эдан.

Я слегка теряюсь, потому что Эдан прав.

— Ты преувеличиваешь...

— Папе будешь объяснять, преувеличиваю я или нет.

— Хорошо.

Без сомнения, синьор Катц встанет на сторону Эдана.

Пока мы спорим, синьоры выпускают жертв, и нам с Эданом, как устроителям забавы, приходится временно оставить пререкания. Мы выслушиваем впечатления гостей, благодарим, смеёмся над шутками. Я осторожно уточняю, хотели бы синьоры развлечься таким образом как-нибудь в другой раз. Наконец, синьоры поднимаются из-за столиков одна за другой, и я от каждой без исключения получаю приглашение нанести визит. И ведь не откажешь! Хорошо, временно можно отделаться

расплывчатым согласиём. Может, вместо себя послать сувениры?

Синьора Катц уезжает последней, напоследок велел нам вернуться пораньше.

Ха, у нас столько дел, как я могу?

Мы и так уже выбиваемся из графика... Придётся скинуть на Лена Вайтера несколько больше, чем я планировала. Я вхожу в зал, где претенденты ожидают вердикта, окидываю взглядом, нахожу Яна, но быстро отвожу глаза, на Яна лучше не смотреть.

— Добрый день, вы все прекрасно себя показали, поэтому, чтобы принять взвешенное решение, потребуется некоторое время. Результат будет объявлен завтра, а пока приглашаю всех участников на обед.

Я отдаю последние распоряжения Лене Вайтеру и оборачиваюсь к Эдану:

— Как я выгляжу?

— Ты прекрасна, как небесная фея, Тали. Почему ты сомневаешься?

— Я забыла взять платье на смену. Вернуться домой мы уже не успеем.

— Ты прекрасна, — повторяет Эдан.

На поверхности причин лично следить за ходом аукциона нет, мне даже не придётся лично получать деньги. Сумма ожидается внушительная, и её переведут на банковский счёт. Однако, если смотреть глубже, мне будет полезно завести знакомства. Возможно, мне придётся выставить на торг ещё пару безделиц из каталога Системы...

Эдан не даёт мне погрузиться в размышления, меняет тему:

— Тали, ты хочешь, чтобы я сопровождал тебя к синьорам?

Пока что я не собираюсь идти, а планирую откупиться.

— Хм? О, неужели ты заинтересовался дочерью одной из синьор?

— Тали!

Эдан неожиданно резко хлопает ладонью по сидению экипажа. Извозчик, неправильно истолковав хлопок останавливает коней. Эдан медленно выдыхает, но смотреть продолжает с некоторым раздражением:

— Тали, не начинай! Мне всего пятнадцать.

— Самый расцвет юности, — серьёзно киваю я.

Эдан понимает, что я его дразню, и успокаивается, приказывает извозчику продолжить путь.

— Маме непременно хочется дочку. Я понятия не имею, как выкрутился Дамир, мама пыталась на совершеннолетие «подарить» ему жену. Теперь взялась за меня. Закон не разрешает мне жениться ещё три года, поэтому мама решила пока завести невесту. Тали, ты просто обязана меня спасти!

Я не сдерживаю смеха:

— Хорошо, Эдан, я постараюсь.

Напряжение постепенно отпускает, мысли о делах отходят на второй план, и когда экипаж останавливается перед боковым крыльцом аукционного дома, я выхожу на мостовую в приподнятом настроении. Эдан тоже задорно улыбается, крутит головой, откровенно глазееет. И я вдруг понимаю, что он нарочно ребячится, чтобы отвлечь внимание на себя на случай, если я допущу неловкую оплошность, всё же я впервые в подобном месте.

Стоит нам приблизиться ко входу, дверь открывается, и нас встречает клерк. Мужчина лет сорока, в каштановых волосах первые проблески седины. Поклонившись, клерк приглашает нас заходить.

— Синьорина Катц, синьор Катц, от имени господина Дигора благодарю вас, что выбрали Аукционный дом Дигор.

Пфф, Эдан объяснил, что аукционный дом единственный в своём роде, но виду я не подаю, улыбаюсь, вежливо отвечаю.

Клерк проводит нас на третий этаж и приглашает в небольшое помещение, поражающее

мрачностью тёмно-синего бархата, которым задрапированы стены и обтянута мягкая мебель. На столике нас уже ждёт чай и десерты, на которые, после сегодняшнего смотреть совсем не хочется.

— Пожалуйста, располагайтесь. Я могу быть вам чем-нибудь полезен? Пожалуйста, зовите, если вам что-нибудь потребуется.

— Благодарю.

Клерк кланяется и покидает нас.

Эдан дожидается, когда дверь закроется, и сдвигает портьеру, закрывающую, как я думала, дальнюю стену. Однако за портьерой оказывается проём. Мы будто в театральной ложе оказались. Я придвигаюсь ближе, с любопытством выглядываю. И впрямь театр! Внизу сцена, дальше располагаются ряды кресел, и некоторые уже заняты. Гости аукциона продолжают прибывать. Мы же наблюдаем с высоты, и широкий выступ закрывает нас от взглядов снизу.

Как интересно...

— Похоже, накопитель вызвал ажиотаж.

Эдан хмыкает:

— Тали, ты только подумай — браслет будет выставлен последним.

На слове «последним» Эдан делает особый акцент.

Между тем на сцену поднимается мужчина в белом костюме:

— Добро пожаловать в Аукционный дом Дигор! Уважаемые гости, от имени дома благодарю, что вы почтили нас своим визитом. Мы начинаем, — мужчина хлопает в ладоши. — Первый лот!

Из-за кулис появляется блондинка в ярко-красном платье, и хотя ткань скрывает всё, что должно быть скрыто, приличным вычурное платье не назвать. На вытянутых руках блондинка удерживает поднос с закрытым ларцом. Она останавливается у края сцены, распорядитель лично откидывает крышку и объявляет:

— Солнечный янтарь с цветком жой.

Зрители реагируют сдержано, лоты заранее известны, поэтому по реакции понять, насколько ценно сокровище, просто невозможно.

— Пфф, — Эдан откидывается назад и со своей стороны наполовину задёргивает штору. — Тали, позови, когда браслет объявят.

И прикрывает глаза.

А я поудобнее устраиваюсь. Лично мне понаблюдать интересно, тем более среди макушек я, кажется, разглядела макушку барона.

Глава 30

Драгоценности, антиквариат, произведения искусства... Я не считала лоты, а буклета с описанием у нас не было. Кажется, около десяти лотов. Гости аукциона сражались довольно вяло. Мне показалось, что многие поднимали ставки исключительно ради приличия и быстро уступали. Относительно серьёзная борьба случилась лишь за древнюю амфору, в которой на мой взгляд не было ничего примечательного, кроме, собственно, древности.

Эдан пренебрежительно фыркает:

— Аукционный дом порой выставляет по-настоящему заманчивые сокровища, но обычно — всякий хлам, который ты сейчас видишь.

— К заманчивым сокровищам ты относишь браслет?

— Ха, Тали, просто смотри.

Распорядитель объявляет финальный лот. Эдан резко оживляется. И не только Эдан. Сверху отлично видно, что мало кто в зале сумел сохранить безразличный вид, многое, подавшись вперёд, жадно всматриваются в пустоту сцены.

Повисает напряжённая тишина, а блондинка в красном платье не торопится вынести поднос.

Очевидно, что нарочно тянет, «разогревая» аппетит. Внезапно, поднос выносит не блондинка. По залу пронесется тихое «ах», будто зрители разом втянули воздух. Вперёд выходит молодой мужчина, облачённый в расшитый серебром тёмно-синий камзол. При виде его Эдан подсаживается ближе, даже немного теснит меня, и, нахмурившись, серьёзно говорит:

— Нам оказали честь. Это ни кто иной, как младший господни Дигор

Хочется спросить, в чём подвох, но я сдерживаюсь — и у стен есть уши. Глупо думать, что за нами не наблюдают. Отчасти я и сама способна угадать причину — Аукционному дому интересно, чтобы я стала постоянным поставщиком уникальных диковинок. Извините, ребята, нет.

Распорядителя сменяет...

— Старший господин Дигор? — уточняю я.

— Да, Тали, это владелец Аукциона.

Описание браслета я пропускаю мимо ушей, всё равно ёмкость накопителя ни о чём мне не говорит, а именно за накопитель будут сражаться лучшие кошельки столицы.

— Начальная стоимость — миллион золотых дублонов, — небрежно завершает речь старший господин Дигор

Учитывая, что «самый крутой» старт среди остальных сегодняшних лотов всего двести тысяч дублонов...

В зале становится тихо-тихо.

Минуту, длящуюся вечность, мне кажется, что браслет останется невостребованным.

Барон высоко поднимает руку.

— Первая ставка миллион сто.

Слова владельца не успевают отзвучать, как в зале происходит что-то странное. К потолку выстреливает сразу несколько рук. Чья ставка должна быть принята? Теряюсь я, но не владелец. Господин лениво повышает и повышает цену, и очень быстро миллион превращается в два.

Барон не выдерживает, поднимается и громко объявляет:

— Три миллиона.

— Пфф! — Эдан откровенно кривится. — Он думает, что может сэкономить таким жалким трюком?

— М-м-м, а в чём трюк?

Эдан оборачивается, и в его взгляде проглядывает лёгкая снисходительность:

— В пылу азарта многие поднимают и поднимают ставку, поскольку каждый шаг воспринимается как «чуть-чуть». Он попытался резким контрастом остудить пыл. Только не пройдёт. Не с твоим накопителем.

— Пять миллионов, — насмешливо отвечает мужчина, до сих пор в борьбе не участвовавший.

Да, нам хватит на чёртову арку!

— Пять миллионов сто тысяч, — владелец замечает скупое движение в первом ряду.

Ставки возрастают и медленно подползают к шести миллионам. Это мне не только на арку хватит...

А можно вместо арки построить собственный дворец, забить сокровищницу сундуками с золотом, нанять армию слуг и жить как в сказке. Я едва сдерживаю смех. Я уже в сказке. Что до денег... Легко пришли — легко ушли. Мы с Эданом замахнулись на целый город и отступать... трусливо. К тому же каталог Системы по-прежнему в моём распоряжении.

— Пять миллионов четыреста тысяч. Пять миллионов четыреста тысяч — раз. Пять миллионов четыреста тысяч — два. Пять миллионов четыреста тысяч — три. Продано!

Мы с Эданом одновременно выдыхаем.

Эдан рывком задёргивает штору, мы смотрим друг на друга, не торопясь ничего сказать. Хотя мы ожидали хорошую цену, мы не ожидали, что она взлетит настолько высоко. И меня начинают грызть сомнения. Да, если клиент желает сохранить инкогнито, Аукционный дом гарантирует

анонимность. У того же барона нет шансов узнать, что браслет продавала я. А у других?

Взмахом показав, что нужно успокоиться, Эдан разливает по чашкам остывший чай.

Ожидание не затягивается, и вскоре раздаётся стук в дверь.

— Да? — отзывается Эдан.

Дверь открывается, на пороге появляется клерк:

— Синьорина Катц, синьор Катц, к вас господин Дигор.

Клерк отступает в сторону, и к нам входит владелец Аукционного дома. Я неспешно поднимаюсь, делаю шаг из-за кресла, чтобы господин Дигор видел меня в полный рост и исполняю реверанс. Эдан не отстаёт, учтиво кланяется.

— Добрый вечер, синьорина, синьор. Рад принимать вас в своём доме.

Звучит слегка двусмысленно.

— Добрый вечер, господин Дигор. Благодарю за оказанную нам честь. Увидеть вас лично для нас с Эданом много значит.

Господин Дигор радушно улыбается, усаживается в кресло, жестом приглашает сесть нас. Правильно, мы сейчас не столько клиенты, сколько гости, а господин Дигор человек состоятельный и внимательный, с ним следует быть особенно осторожными.

— Поздравляю с результатами, синьорина, — господин закидывает ногу на ногу, напроочь ломая официальную атмосферу. — Надеюсь, вы не разочарованы?

— Господин Дигор, должно быть шутит? Я искренне восхищена вашим мастерством. Говоря откровенно, в моих самых смелых предположениях итоговая ставка не превышала трёх миллионов.

— Напрасно, синьорина, ведь предложенный вами накопитель уникален. Я тоже буду откровенен, накопитель стоит гораздо больше, чем нам удалось выручить, но нет никого, кто был бы способен заплатить истинную стоимость.

— Это не проблема.

Господин Дигор наклоняет голову к плечу:

— Синьорина, я осознаю, что мой вопрос будет несколько неуместен и уверяю, что понимаю, если вы не пожелаете ответить.

— Вы хотите узнать, откуда у меня браслет?

— Синьорина, вы невероятно проницательны.

То грубая лесть, то ли тонкая издёвка.

— Я благодарю вас за понимание, господин Дигор.

Мужчина медленно кивает, поднимается:

— Что же, я был рад познакомиться с молодым поколением Катц. Синьорина, вся сумма за вычетом доли Аукционного дома поступит на ваш счёт в течение часа после полудня завтрашнего дня.

— Благодарю.

Господин Дигор уходит первым, нельзя понять, насколько он разочарован, он от начала до конца выдерживает стиль отстранённой вежливости. Клерк провожает нас с Эданом к боковому выходу, спускается вместе с нами и почтительно стоит на тротуаре, пока наш экипаж не отъезжает. Наверное, наш визит в Аукционный дом всё-таки можно считать успешным. Я перевожу вопросительный взгляд на Эдана. Его оценкам и суждениям я привыкла доверять.

— По-моему, мы произвели хорошее впечатление, — правильно понимает Эдан мой молчаливый вопрос.

— Ты понял, кто стал покупателем?

Далеко не все участники аукциона скрывали свою личность. В масках было всего двое или трое. Барон не скрывал. Он, как и большинство, прибыл ради браслета. Вспомнив, как он «отвалился» сразу после скачка ставок до трёх миллионов, я кривлю губы. Стоило ли утруждаться приходиться? У

барона изначально не было шансов. Он хоть за последние годы и поднялся в финансовом смысле, богачом его не назвать.

— Угу. Герцог Анкер.

Я спрашивала из чистого любопытства, но услышав ответ, я не сдерживаю изумления:

— Анкер?!

— Ты его знаешь? — Эдан моментально отмечает мою излишне эмоциональную реакцию.

— Не лично. Леди Саманта-Эшли... Эдан, у меня нет доказательств, поэтому говорить об этом свободно мы не можем. Так вот, леди познакомилась с герцогом и даже собиралась встретиться с ним ночью. Мне известно, что та встреча не состоялась. Я её сорвала. А вот что было дальше, понятия не имею.

— Тали... тебя беспокоит герцог?

«Тали, ты влюблена в герцога?»

— Нет, — смеюсь я.

Просто не ожидала пересечься с главным героем «Фаворитки герцога», до основной сюжетной линии мне нет никакого дела.

Когда мы возвращается в дом синьора Катца, над столицей сгущаются сумерки. Эдан помогает мне выйти на мостовую, и мы чинно направляемся к крыльцу, и с каждым шагом молчание между нами становится всё напряжённее. Мы не возвращаемся к разговору о кафе, но ни я, ни Эдан не забыли спора. И можно не сомневаться, синьор Катц поддержит сына, с безопасностью не шутят.

С ветки дерева раздаётся протяжное:

— Мяу!

Мы с Эданом, не сговариваясь, останавливаемся, поднимаем голову.

В развилке между довольно толстой веткой и стволом сидит Вредик и таращится на нас глазами-плошками.

— Привет! — улыбаюсь я. — Ты вернулся?

Я почти не волновалась за фамильяра. Уж что-что, а о себе позаботиться он точно сумеет, тем более в арендованном кафе, когда мы уезжали, оставался Лен Вайте.

— Мяу! — повторяет Вредик и подгибает переднюю лапку.

Я вздыхаю:

— Кажется, он хочет сказать, что не может слезть.

— Не веришь? — хмыкает Эдан.

— В желание вызвать суету — охотно верю.

— Мр-р-ря, — отвечает Вредик с интонацией незаслуженно обиженного и таращится на нас с укором.

Глава 31

Покачав головой, я вздыхаю, подхожу ближе и протягиваю руки, предлагая спрыгнуть, но Вредик полностью оправдывает своё имя и прыгать категорически отказывается, а на все уговоры лишь жалобно мяукает.

— Почему бы тебе не пройти по ветке и не перепрыгнуть на подоконник?

— Мря! — возмущается Вредик.

— Ладно, жди. Я попрошу принести лестницу.

Если дивному духу непременно хочется, чтобы я поупражнялась в древолазании, так и быть, мне не трудно, а вредному Вредикку приятно.

Эдан останавливает меня лёгким прикосновением к запястью, уверенно подходит к стволу, смотрит

на фамильяра снизу вверх, причём умудряется изобразить обиду и укор не хуже, чем до этого Вредик.

— Мря?

Не обращая больше на Вредика внимания, Эдан засучивает рукава, обхватывает ствол и начинает взбираться. Я выразительно выгибаю бровь. Сын дельца ещё и сорванец? Эдан взбирается быстро, ловко, и чувствуется богатый опыт. Я хмыкаю.

Эдан добирается до ветки, протягивает руку.

— Фр, — обиженно отвечает Вредик.

И, поганец, спрыгивает мне на плечо. Я получаю бирюзовым хвостом по носу. Вредик перебирает лапками и устраивается у меня на шее меховым воротником. Я невольно потираю плечо. Не сказать, что больно. Будто яблоко стукнуло. Но всё же ощутимо.

— Мр-р..., — Вредик, сама невинность, мурлычет, и его мурлыканье отдаётся в шею приятной вибрацией.

Эдан скатывается по стволу вниз.

— Мда, я так и знал, — беззлобно хмыкает Эдан и запускает пальцы в бирюзовый мех.

От неожиданности Вредик замирает. Я же легонько прихватываю его за кончик хвоста. Приятно, что Вредика застали врасплох, не всё же ему проказничать. Впрочем, очень быстро Вредик оттаивает и, видимо, приходит к очевидному выводу, что не так уж и важно, кто чешет, лишь бы чесали старательно и за ухом, снова раздаётся блаженное мурлыканье.

Эдан распахивает дверь, пропускает меня вперёд.

Хорошее настроение испаряется, как упавшая на руку снежинка.

— Я к папе, — бросает Эдан.

— Да.

Если вдуматься... Благодаря Системе, я уже хозяйка целого состояния, мне больше не нужно ничьё одобрение. Я в праве купить арку, открыть кафе, проигнорировать беспокойство Эдана и дедушки. Стоит мне так поступить, они, безусловно, примут. И перестанут считать меня семьёй, ведь это я первая, отвергну их искреннюю заботу, тем самым поставлю между нами стену. Нет, я слишком полюбила эту семью, чтобы портить отношения.

Ждать приходится недолго, Эдан возвращается:

— Тали, папа ждёт тебя в своём кабинете.

— Спасибо, — улыбаюсь я.

Где кабинет, я уже знаю. Я быстро поднимаюсь по лестнице, стучусь и, получив разрешение, немедленно вхожу.

Синьор Катц к моему приходу успел отложить все документы и из-за рабочего стала перебраться на угловой диван, перед которым на столике уже выставлены шахматы. Сперва партия?

— Добрый вечер, дедушка.

Я присаживаюсь в кресло и поддвигаюсь ближе к столику так, чтобы столешница скрыла мобильник.

— Тали.

Мои белые. Я запускаю «шахматы-онлайн» и повторяю ход вслед за умной программой.

Синьор Катц делает свой ход.

— Эдан сказал, что ты хочешь принять на работу дознавателя. Это так? — синьор задумчиво поднимает с доски фигуру и крутит в пальцах.

— Очевидно, что дознаватель интересуется Кайтером. Что плохого, что он будет ночевать в кафе, завтракать, обедать и ужинать, и время от времени мелькать в зале официантом?

— Он будет возвращаться из Кайтера к тебе, Тали?

— Полагаю.

— И ты спрашиваешь, что плохого? Я не знаю и не могу знать нюансов, но в одном уверен. Дознатель найдёт в Кайтере беду. И я очень не хочу, чтобы он притащил её с собой в твоё кафе. Тали, ты мне казалась благоразумной. Я тебя сейчас не понимаю.

Я делаю следующий ход. Синьор Катц передвигает чёрную пешку. Я снова делаю ход. Четверть часа мы играем в полнейшей тишине. Со стороны может показаться, что я игнорирую вопрос, но это не так. И как только игра становится серьёзной, я заговариваю:

— Дедушка, тебе не кажется странным, что граница двух провинций проходит через долину по тонюсенькому ручейку. Вроде бы по природным преградам часто проводят границы, в этом нет ничего особенного. Но разве не логичнее, чтобы академии принадлежала вся долина?

— Что ты хочешь сказать?

— Земля вокруг академии имеет статус неприкосновенной. Разве, проведя границу по ручью, чиновники не создали условие, чтобы подобраться к Кайтеру? Иными словами, разрушить самоизоляцию Кайтера — разве не цель короля?

— Тали...

— Дедушка, почему ты с утра до вечера в рабочем кабинете? Прости за прямоту, у тебя столько денег, что хватит на десять беззаботных жизней, но ты продолжаешь преумножать своё состояние.

— Ты знаешь почему, — взгляд синьора тяжелеет.

Я невольно вспоминаю, как мы навещали его первую супругу.

— Когда бабушка была жива, разве ты проводил дни в праздности?

Взгляд синьора становится капельку мягче.

— Тали, не заговаривай мне зубы. Безмозглая кукла не может быть синьориной Катц, но есть здравомыслие, осторожность и взвешенные риски. Ты осознаёшь значение этих слов?

— Если я открою кафе, то это уже не понравится Кайтеру. Какой смысл останавливаться?

— Вот именно! Пока я не поднял карты провинций и историю попыток нарушить уединение Кайтера, я не возражал. Но теперь...

— Дедушка...

Игра продолжается, умная программа разменивает ладью на коня. Синьор Катц хмурится, похоже, этот ход программы его озадачивает. Синьор Катц протягивает над доской руку, но в последний момент останавливает движение, задумывается. Я не нарушаю его размышлений, однако едва он определяется и продвигает вперёд пешку, возобновляю стихший разговор.

— Дедушка, я уже упоминал, что не могу раскрыть Источник, из которого узнала о покушении, но у вас ведь есть собственные мысли по этому поводу, верно?

— Источник, якобы подаривший тебе бесценный артефакт? Когда ты упоминала накопитель, я и подумать не мог, что его оценят настолько высоко.

— Можно сказать, Источник обеспечил меня финансами, достаточными, для воплощения моих смелых планов.

— Значит...

Моё объяснение звучит слишком двусмысленно. Я не солгала, но я подразумеваю Систему, о которой синьор Катц знать не может. Наверняка, в его понимании Источник превращается в некую тайную королевскую службу, понятия не имею, как она тут называется.

— Я намерена помочь дознавателю, я не могу отступить, — пожимаю я плечами.

Ход конём.

— Ты влезла во что-то нехорошее, Тали.

Осуждение из взгляда синьора исчезает, сменяется настороженностью, беспокойством.

Чёрт, вот только понапрасну волновать не хватало!

— Дедушка, я слишком далеко зашла, отступить поздно. Давайте подумаем, как сделать так, чтобы моё решение не навредило семье? Полагаю, Эдан точно остаётся в городе и помогает мне отсюда, в Кайтере ему делать нечего.

— Ох, Тали...

— Дедушка, со мной всё будет в порядке. Я обещаю. Я доверяю Источнику.

Вряд ли оператору выгодно, чтобы я, ничего толком не добившись, отправилась на новое перерождение.

Финальные ходы. Шах и мат. Победа за мной.

Синьор Катц вздыхает, я быстро, пока он не заметил, развеиваю мобильник.

— Спасибо за игру, дедушка.

Ответа я не получаю. Синьор Катц ударяет пальцем своего короля, и фигура падает на доску. Синьор некоторое время смотрит на поверженную фигуру. Я прикусываю губу. Может, следующий раз снизить режим хардкорности? Но синьор может понять, что я поддаюсь...

Пока я размышляю, синьор Катц поднимается из-за столика и протягивает мне руку:

— Пойдём, внучка. Не будем заставлять нас ждать.

Ушам своим не верю!

До сих пор синьор Катц обращался ко мне «домашним» именем. Но это первый раз, когда он признаёт меня не просто синьориной Катц, родственницей. А внучкой.

— Дедушка...

Я не успеваю разобрать эмоции, вихрем промелькнувшие в его взгляде. Синьор Катц возвращает полную невозмутимость, величественно поднимается и протягивает мне сухую крепкую ладонь. Я встаю подле него, и мы вместе выходим из кабинета, вместе спускаемся на первый этаж, вместе входим в столовую. Синьор Катц был прав — семья в сборе, все ждут только нас.

Глава 32

Рано утром, выспавшись, я просыпаюсь, когда солнце ещё не встало, и восток лишь начинает розоветь. Потянувшись, я обнаруживаю, что под головой нет подушки. То-то мне было неудобно. Повернувшись на бок, вздыхаю. Подушки отобрал Вредик, притащил откуда-то покрывало и соорудил себе настоящее гнездо.

— Пфф! — хмыкаю я.

— Фр-р, — Вредик не открывает глаз.

Звать Мию? Идти умываться?

Я сажусь, подтягиваю повыше одеяло и вызываю мобильник. Итак... Я настолько погрузилась в дела, что о магии не вспоминала, однако на моём счету стараниями Вредика прибавилось два карата. Не знаю, осознанно или нет, но, находясь рядом он стягивает ко из окружающего пространства магию и насыщает мою душу энергией.

— Вредик.

— Мр-р?

— Иди ко мне? Я тебя потискаю...

Идея приходится Вредикю по вкусу, он приподнимается в своём гнезде и позволяет подхватить себя. Я пересаживаю Вредика к себе на колени, провожу по мягкому меху.

— Фр...

— Потискаю, поэксплуатирую, — заканчиваю я фразу.

Вредик вскидывается, а я, не сдержавшись, давлюсь смехом, чтобы не привлечь горничную хохотом.

— Фыр-рь?

— Угу.

Я ни на секунду не прекращаю гладить, и постепенно Вредик успокаивается, устраивается удобнее, утыкается мордочкой мне в живот. Я выжидаю пару минут, а затем прикрываю глаза, вспоминая ощущения. Выдох... Я задерживаю дыхание до тех пор, пока не возникает ощущение, что грудь сдавил железный обруч. Концентрируюсь на мыслях, что мне нужна магия, я вдыхаю.

— Мря? — в восклицании Вредика слышится обида.

А я между прочим честно сказала, что приманила его, чтобы поэксплуатировать. Магия мощным потоком разливается по телу, но в этот раз мне гораздо легче. Я чувствую, что кто-то направляет и сдерживает поток. Хотя почему кто-то? Вредик, конечно! Я ни на секунду не прекращаю его гладить, моё чудо бирюзовое.

Вдох-выдох...

Я сосредотачиваюсь на ощущениях. То, что у меня получается хоть что-то уже хорошо, но мне нужно больше. Мне нужно научиться чувствовать магию саму по себе и перестать зависеть от костыля дыхательной гимнастики.

Вдох-выдох...

Увлёкшись, я не замечаю бег времени. За окном рассветает, поднимается солнце, и золотые лучи пронизывают комнату. Вредик встряхивается и шлёпает меня по руке передней лапкой. Я не сразу реагирую, и Вредик повторяет удар, добавляя силы.

— Хочешь сказать, что пока достаточно?

— Мря, — соглашается Вредик.

— Спасибо.

Я беру мобильник, проверяю. За час с лишним я заработала четыре карата, и на счету теперь пятьсот одиннадцать карат. Мда, к миллионам, чтобы проплатить билет на выход, ползти вечность, однако сейчас меня интересуют разовые амулеты переноса грузов. Приобняв Вредика, я утыкаюсь в каталог.

Время летит незаметно.

Про завтрак я не вспоминаю, о нём осторожным стуком в дверь напоминает Мия. Я прячу мобильник под одеяло.

— Да?

— Доброе утро, синьорина. Вы уже проснулись? Вы долго не вставали. Я начала беспокоиться, что вы переутомились и приболели. Как вы себя чувствуете?

— Доброе утро, Мия. Я заставила волноваться? Со мной всё хорошо, просто... немного ленюсь.

— Мря! — возмущается Вредик.

Фамильяр, задрав хвост, спрыгивает на пол, важно подходит к Мие. Можно не сомневаться, горничная давно покорена бирюзовым поганцем. Убедившись, что я не возражаю, она присаживается на корточки, чешет Вредика за ухом.

Я соскакиваю с кровати и проскакиваю мимо парочки в ванную.

— Мря? — грустно раздаётся мне вслед.

Пфф! А то я не догадалась, что Вредик собрался заманить Мию в ванную и оставить меня без возможности нормально умыться.

Посвежев, я возвращаюсь в спальню, при этом нарочно оставляю кран открытым. В ванне набирается вода, её шум действует на Вредика, как валериана на кота. Вредик выворачивается из рук Мии, пронесется мимо меня, и миг спустя раздаётся смачный всплеск. Мия торопится за Вредиком, а я спокойно одеваюсь в светло-голубое, довольно простое платье, затягиваю широкий пояс, затем собираю волосы в низкий пучок, смотрю на себя в зеркало. Вроде бы получилось мило и по-домашнему. Не дожидаясь Мию, я выхожу.

Сперва следует поздороваться с бабушкой, но первая же попавшаяся горничная сообщает, что хозяин уехал по делам, а хозяйка остаётся у себя. Эдан? Младший синьор тоже убыл. Хм, значит, начну я с завтрака, а заодно...

Я спускаюсь на первый этаж, ориентируюсь на запахи, от которых слюнки текут, нахожу кухню.

Помещение гораздо меньше, чем в доме барона, стол для слуг относительно небольшой. Я быстро прохожусь взглядом по кухне, уважительно киваю главной кухарке. Повара-мужчины я не замечаю.

— Доброе утро, — здороваюсь я.

Кухарка делает шаг вперёд:

— Доброе утро, синьорина. Могу я узнать, что вас сюда привело?

Женщина не терпит, когда на её территорию вторгаются? Я присматриваюсь к ней внимательнее. Рослая, крепкок сбитая, но не полная. Стоит с прямой спиной, смотрит уверенно.

— Простите за вторжение, — улыбкой я смягчаю фразу. — Я зашла узнать, были ли доставлены зёрна? И, раз уж я всё равно здесь, надеюсь, мне не позволят уйти голодной.

Не слишком тщательно скрываемое раздражение главной кухарки сменяется чистым удивлением:

— Синьорина, как мы можем накрыть для вас среди слуг?

Должна ли я настаивать?

— Говоря откровенно, это не проблема. В доме барона мне накрывали как раз на кухне, и я давно привыкла. Зёрна доставили?

— Да, синьорина.

Помощница главной кухарки ненадолго исчезает с глаз и возвращается, держа в руках плотный тканевый мешочек. Я нетерпеливо забираю, развязываю тесёмки, вытряхиваю несколько зёрен на ладонь... Губы сами по себе расплзаются в широченную улыбку.

— Синьорина?

— Да.

Кофе, любовь моя, наконец-то мы снова вместе!

Я глубоко вдыхаю аромат, краем глаза наблюдают за главной кухаркой. Она наблюдает за мной с непониманием и лёгкой ноткой осуждения. Кофе в Эспарте считается сугубо мужским напитком, причём популярен среди клерков среднего звена.

— Ручная мельница найдётся? — уточняю я.

— Позвольте, синьорина.

Кухарка берётся лично смолоть для меня зерно, и я не отказываюсь, наоборот, пользуясь её занятостью, прошу помощницу накормить меня и соглашаюсь на самую обычную кашу. Главная кухарка спохватывается слишком поздно, чтобы помешать. Я одариваю её улыбкой и устраиваюсь за столом для слуг.

— Мне понадобятся взбитые сливки. И... обычные сливки.

— Да, синьорина, — главная кухарка выглядит всё более и более недовольной, но я не слишком беспокоюсь.

Изначально я хотела найти для кафе повара, но почему бы не сманить у дедушки надёжного человека?

Я быстро съедаю щедро посыпанную изюмом кашу, благодарю.

Главная кухарка ещё больше настораживается. Я же, забрав из её рук смолотый кофе, благодарю и демонстративно обхожу её и останавливаюсь у плиты.

— Мне понадобится джезва.

— Синьорина, если вы хотите кофе..., - с нажимом произносит главная кухарка.

Я небрежно перебиваю.

— О, ты знаешь рецепт благородного кофе?

— Благородного?

— Кофе, который готовят обычным способом, получается слишком крепким.

Раздражение во взгляде главной кухарки сменяется задумчивостью, ей явно любопытно. Я отворачиваюсь, чтобы скрыть лёгкую улыбку. Кухарку оказалось так легко поймать. Я насыпаю в джеззу кофе, наливаю воду, ставлю на огонь.

В Эспарте кофе пьют «чистым», не добавляют ни молока, ни сахара, не говоря уже о более сложных рецептах. Почему бы не устроить маленькую революцию в мире горячих напитков? Определённо, в кафе я буду предлагать не только чай и горячий шоколад, но и напитки на основе кофе. Уверена, «диковинка» привлечёт внимание, столичные модницы, узнав о новинке от адептов Кайтера, обязательно заглянут попробовать необычный напиток.

Я добавляю в кофе сливки, а затем на поверхности выкладываю шапку взбитых сливок.

— Ваниль, корица или другие специи?

— Есть ваниль.

Но я выбираю тёртый шоколад.

Доверив служанкам поставить две чашки на поднос, я благодарю главную кухарку за помощь и покидаю её владения. Я не рискую нести поднос сама, у меня просто нет нужных навыков.

Мы со служанкой поднимаемся на второй этаж. Я останавливаюсь, смутно представляя, где искать синьору Катц. В отличии от меня служанка уверенно указывает в сторону жилых покоев. Мы доходим до дверей в покои синьоры.

— Входите, — отвечает синьора на мой лёгкий стук.

— Доброе утро, синьора Либель, — я ограничиваюсь книксеном. — Простите, я припозднилась. Я поздно встала.

— Доброе утро, Тали. Ты выспалась? Я рада, что ты прислушалась к моему совету. Проходи, пожалуйста.

— Синьора Либель, я хотела бы предложить вам напиток, который, уверена, вы никогда не пробовали.

Служанка выходит из-за моей спины, опускает поднос на столик, низко кланяется и поспешно уходит, мы остаёмся с синьорой Катц наедине. А, нет, я не сразу заметила не привлекающую к себе внимания личную горничную синьоры.

— Хм? Тали, как интересно. Что же это?

Благодаря добавленным сливкам кофе получился светлым, белизны добавляет шапка взбитых сливок.

— Кофе, синьора.

— Кофе?

— На самом деле это маленький секрет. Напиток будет называться «Горячий снег» или что-нибудь в этом духе, пафосно и непонятно. Надо узнать, можно ли защитить рецепт патентом...

— Тали! — синьора заливается смехом.

Я пожимаю плечами.

Синьора переводит взгляд на поднос, рассматривает одинаковые чашки и выбирает правую, подносит к губам, делает осторожный глоток, прислушивается к вкусу, делает ещё один глоток. Я отпиваю из своей чашки, чтобы не отставать. По-моему, получилось неплохо. Но я люблю кофе и готова пить его, практически, в любом виде.

— Тали, необычно, непривычно, мягко. Не уступает горячему шоколаду. Полагаю, напиток будет пользоваться успехом.

— Спасибо за похвалу, синьора.

— М?

Скорее всего, синьора узнает и без меня. Да и зачем скромничать?

— Я лично готовила.

— Тали, это так мило с твоей стороны!

— Синьора Либель, я рада, если вам действительно понравилось.

Мы болтаем ещё какое-то время.

Беседа затягивается до полудня, и ровно в полдень в дверь раздаётся стук.

— Да, — с лёгким удивлением откликается синьора.

Дверь открывается.

Первым в гостиную прошмыгивает Вредик. За ним входит Эдан.

— Матушка, Тали. Тали, ты не забыла? Деньги поступят в течение часа. Нам пора ехать выкупать арку.

Синьора Катц широко раскрывает глаза:

— Сынок, я не ослышалась?

— Нет, матушка, не ослышалась. Мы с Тали свяжем Кайтер и столицу стационарным порталом.

— Эдан, демоны, что вы там строить собрались?!

Глава 33

Едва мы выходим из гостиной синьоры, Эдан резко забывает про манеры, хватая меня за руку, тянет за собой, и нас закручивает водоворот дел.

Купить арку? Да! Мы выбираем довольно широкую арку, годную для переброса крупных грузов. Контрольная проверка перечня закупок? Да! А также оплата заказов, оплата доставки на семейные склады. Я нахожу в Системе кофемашину, и счастью моему нет предела. Артефакт стоит всего девятнадцать карат, работает на магии, которой его может напитывать любой маг, то есть мне не придётся разоряться на «батарейка». Сманить помощницу кухарки, сообразительную очаровашку с каштановыми кудряшками? Да! Заказать у каллиграфа оформление меню? Да! Утвердить дизайн интерьера кафе? Да! Подписать контракты с будущими официантами? Да! Набросать план праздничного открытия кафе? Да!

Мы с Эданом крутимся по столице в бешеном ритме. Лен Вайтер успевает, кажется, ещё больше нас. И, судя по его бледному загнанному виду, он мечтает о шансе вернуться под начало неторопливого Дамира. Бедняга... Признаться, я не собираюсь его отпускать.

Проходят два дня.

Как ни странно, устать я не успеваю, более того, я дважды выкраивала время попрактиковаться в магии. Задумавшись, я очень быстро нахожу объяснение: похоже, синьора сделала Эдану внушение. Сколько бы дел у нас ни было, в отличии от прошлого раза, Эдан не только не забывал прерваться на обед, но и возвращал меня домой не меньше, чем за полчаса до ужина.

— Фр-р?

Утреннее солнце заливает спальню.

Я запускаю пальцы в бирюзовый мех.

— Сегодня особенный день. Составишь мне компанию?

— Мр-рь, — соглашается Вредик.

Глубоко вздохнув, я торопливо встаю. Нельзя позволить сомнениям сбить меня с пути перед решительным шагом. Сказать что мне не страшно бросать вызов Кайтеру? Ещё как страшно. Но чем я рискую? Худшее, что мне грозит — ещё одно перерождение. Главное — не навлечь беду на семью Катц.

В Кайтер я отправлюсь одна. Впрочем, мужчин через свою арку академия всё равно бы не пропустила...

— Фыр-рь, — утешает меня Вредик.

— Ты не дашь меня в обиду? — с улыбкой спрашиваю я.

— Фр-рь...

Мия показывает мне три платья на выбор, и я указываю на строгое тёмно-зелёное. Оно идеально

подчеркнёт мой статус — состоятельная синьорина, прибывшая с серьёзными намерениями. Мия закалывает мне волосы зелёной, в тон платья сеткой. От излишних украшений я отказываюсь, оставляю лишь простенькие серёжки-гвоздики в ушах.

— Ну что, похожа я на хозяйку кафе?

Спрашиваю я Мию, но отвечает мне Вредик.

— Фыр-рь, — и в его «фырь» звучит явное одобрение.

Мне становится легче. Я улыбаюсь своему отражению, улыбаюсь Мие, подхватываю Вредика на руки и спускаюсь к завтраку.

В столовой меня уже ждёт вся семья. Во главе стола сидит синьор Катц. Подле него синьора Катц. Дамир, Эдан.

— Доброе утро. Я заставила вас ждать.

— Доброе, Тали. Не говори глупостей, скорее садись.

Я невольно вспоминаю свой первый ужин в этом доме. Тогда и дедушка, и синьора, и их сыновья казались отчуждёнными. Не скажу, что я чувствовала себя лишней, скорее посторонней. А сейчас... С одной стороны, я стала своей. Меня признали синьор и синьора, с Эданом, можно сказать, мы лучшие друзья и родственные души. Не наладились отношения только с Дамиром, да и то, потому что мы с ним почти не общались. С другой стороны, сейчас я особенно остро ощущаю, что сердце дедушки сковывает лёд. Он любит сыновей, уважает и ценит супругу, но его от семьи отделяет холодная непроницаемая стена. И я не могу не чувствовать горечь.

Эдан помогает мне сесть.

— Тали, что-то не так?

Я же следила за выражением своего лица. Когда Эдан стал так хорошо меня чувствовать? Я отмахиваюсь от грустных мыслей, и улыбка получается вполне искренней.

— Всё в порядке, я просто немного нервничаю.

Я сталкиваюсь с внимательным взглядом синьора Катца. Дедушка волнуется больше, чем показывает? Тогда я точно не должна его подвести. Я выдерживаю его взгляд.

— Удачи, Тали.

После завтрака вся семья провожает меня до экипажа, и все по очереди желают мне успеха. Невероятная забота трогает до глубины души, потому что я понимаю, что дедушка, синьора Катц, даже Дамир делают это от чистого сердца. Про Эдана можно не говорить. Он забирается в экипаж, чтобы проводить меня до самого портала.

Грузы мы планируем поставлять через арку, принадлежащую дедушке, но первый раз придётся воспользоваться государственной аркой — иначе Кайтер может не пропустить меня на свою территорию. А так отказать не получится, тем более я иду под предлогом, что хочу стать вольнослушательницей и заинтересована в поиске личной наставницы. Между прочим, чистая правда.

Как объяснил Эдан, государственных стационарных порталов в столице два. Точнее, один расположен в пригороде, там что-то вроде гигантского портового комплекса, только кораблей нет. Второй портал относительно небольшой, можно сравнить со станцией пригородных поездов: всего три узких арки, грузы, даже малогабаритные, не пропускают, арки рассчитаны исключительно на путешественников, причём состоятельных, ведь стоимость прохода зависит не только от точки выхода, но и от класса арки. Я так и не уловила, чем «комфорт», отличается от «эконома» технически, вроде как арки одни и те же, просто, чем дешевле билет, тем длиннее очередь. Естественно, стоять полдня я не собиралась.

Экипаж останавливается перед высоким зданием. Эдан подаёт мне руку, помогает спуститься, забирает мой багаж — жёсткий чемоданчик с вычурной ручкой. Добавить чемодану колёсиков изготовитель не догадался, но это и понятно: предполагается, что тяжесть понесут слуги. Я подхватываю Вредика, и мы входим в здание.

Вестибюль, пожалуй, не отличается от вестибюля обычного вокзала, разве что с поправкой на роскошь, всё же порталом преимущественно пользуются аристократы, купцы, дельцы. У стены ряд пустых кресел. За стойкой сидит мужчина, но при нашем появлении моментально встаёт. Наши шаги гулко отдаются в безлюдном помещении.

— Добрый день, уважаемые, — приветствует нас... кассир. Пусть будет кассиром.

— Здравствуйте, — Эдан отгесняет меня в сторону. — Кайтерская академия для синьорины, пожалуйста.

Кассир слегка удивляется, но кивает:

— Да, это возможно, но я обязан предупредить, что арка со стороны Кайтера является частной и принадлежит академии. Мы не можем гарантировать, что с возвращением не возникнет проблем. Учитывая особенности положения Кайтера...

— Я осознаю риск, — киваю я.

Кассир называет цену. Кусачую, надо признать.

Эдан невозмутимо расплачивается — мы с моего счёта специально сняли тысячу дублонов и поделили между собой, мало ли что понадобится оплатить срочно и именно наличными. На том же рынке ни один торговец банковский чек не примет.

Прежде, чем принять деньги, кассир проверяет мои документы, затем вписывает моё имя в журнал, и только после этого возвращает мне карточку.

— Благодарю. Синьорина, синьор, пожалуйста, ожидайте.

— Как долго? — уточняю я.

— Около четверти часа.

Мы с Эданом отходим креслам.

— Разве он не должен был выдать нам билет? — удивляюсь я.

— Нет. А зачем?

— Если по какой-то причине услугу не окажут, как доказать, что ты действительно платил?

Эдан пожимает плечами:

— Достаточно подать претензию, разберутся. Арки под особым контролем, — Эдан замолкает и поворачивается к спешащему к нам кассиру. А ведь и пяти минут не прошло.

Кассир, не дойдя до нас нескольких шагов, останавливается, уважительно кланяется:

— Синьорина, рад сообщить, что всё готово. Прошу за мной.

Эдан шумно втягивает воздух, и вдруг резко притягивает меня к себе, стискивает в объятиях:

— Тали, береги себя.

— Ты тоже, Эдан.

— Мя-а! — дёргается расплющенный между нами Вредик и рушит сентиментальный порыв на корню.

Эдан отстраняется, смущённо отворачивается.

— Удачи, Тали.

Я протягиваю руку и легко провожу по его волосам. Эдан вскидывается. Я смеюсь над его покрасневшей физиономией.

Кассир притворяется, что ничего не видел и не слышал, невозмутимо отступает в сторону, подхватывает мой чемоданчик и приглашает во внутренний зал, где установлена арка. Поскольку Эдан провожающий, ему туда ходу нет. Я улыбаюсь на прощание, подмигиваю:

— Эдан, не забудь, что я жду.

— Да! — в его глазах снова вспыхивает азарт, но Эдан остаётся на месте, и я понимаю, что он не уйдёт, пока не убедится, что я благополучно отправилась в Кайтер.

Кассир проводит меня через небольшой «тамбур» и мы попадаем не то в вытянутый зал, не то в очень широкий коридор-тупик. В конце на платформе стоит невысокая арка шириной около метра.

— Хм, я слышала, что арок три.

— Синьорина, каждая арка в отдельном помещении.

— Ясно.

— Добрый день, синьорина, — приветствует меня... Я не знаю, как правильно называется должность настройщика. Не водитель же.

— Добрый.

— Арка стационарного портала настроена для вас. Точкой вашего выхода станет арка в Кайтерской академии магии.

— Верно, благодарю.

Что сделал мужчина, я не поняла. Столбы арки начинают ярко светиться. Внезапный порыв ветра бьёт в спину, и кажется, будто неведомая сила выдавливает из помещения воздух. Между столбами возникает мутное марево.

Кассир передаёт мне мой чемодан — похоже, к арке я должна идти одна.

— Синьорина? — торопит второй мужчина, «водитель».

— Да.

Я глубоко вдыхаю. Раз Вредик спокоен, всё в порядке?

Прикинув расстояние, я зажмуриваюсь, отсчитываю десять шагов вперёд.

Новый порыв ветра толкает в спину, что-то сдавливает меня со всех сторон.

— Мря!

Давление моментально пропадает. Испугаться я не успеваю, открываю глаза и обнаруживаю, что стою в незнакомом помещении: круглая комната, скромная отделка розовато-бежевой плиткой, затухающая арка не у стены, а в самом центре. И по размеру арка грузовая, хоть и не самая большая.

— Достопочтенная?

Из-за стола у двери поднимается немолодая женщина в длинном платье, на белоснежном фоне россыпь вышитых цветов. Женщина могла бы выглядеть феей, но волшебство полностью перечёркивает её недовольный вид.

Она переводит взгляд с моего лица на Вредика, и её глаза расширяются.

Глава 34

Вредик спрыгивает на пол, важно распушается и презрительно фыркает. Магиня же никак не реагирует на пренебрежение, смотрит во все глаза, как на настоящее чудо. По-моему, она даже дышать забыла и вообще вряд ли осознала, что Вредик ей не слишком рад, настолько она потрясена. Оружие мимишного поражения в действии.

Я подхожу ближе.

— Добрый день.

Женщина вздрагивает, переводит взгляд на меня, но тотчас переключается обратно на Вредика.

— Э-это ваш фамильяр?

А где хотя бы «здравствуйте»?

— Да.

— Высший воплощённый дух! — восклицание звучит с не понятно откуда взявшимися нотками обвинения.

— Возможно. Я не слишком разбираюсь.

— Но я точно вижу!

Только сейчас я замечаю, что её глаза едва заметно светятся, то есть она перешла с обычного на магическое зрение. Надолго магини не хватает, она несколько раз моргает, и свет гаснет.

— Скорее всего, вы правы. Я действительно не знаю, — сомневаюсь, что в Кайтере принята те же терминология, что и в гримуаре от Системы.

— Поймать высшего духа и воплотить...

То есть отсутствие подчиняющего «поводка» она не заметила? Мне же лучше.

Вредик переступает с лапки на лапку и отгораживается от магини моей юбкой. Она с заметным сожалением поднимает взгляд и, наконец, вспоминает о своих прямых обязанностях:

— Достопочтенная?

— Я бы хотела обучаться в Кайтере.

— Хм... Достопочтенная, но сейчас нет набора.

— Разумеется. Я знаю. Более того, мой нынешний уровень не позволяет претендовать на звание адепки. Я бы хотела стать вольнослушательницей. Возможно, кто-то из наставниц согласится позаниматься со мной индивидуально. Также мне бы хотелось получить доступ в библиотеку Кайтера.

— Ясно. Пожалуйста, представьтесь.

Магиня возвращается за стол, открывает журнал.

Я кладу перед ней карточку:

— Талиася Катц, синьорина.

Магиня делает запись. Судя по тому, что на мою фамилию она никак не реагирует, о том, что я не просто гостья, а соседка, она не в курсе. Ну и хорошо — не создаст на ровном месте проблем.

— Синьорина, мы с сёстрами верим, что обучаться магии — неотъемлемое право каждой женщины, однако вы всё равно должны получить одобрение старейшины. Одна из них обязательно вас примет.

— Благодарю.

Интересно, их старейшины уже знают, что я купила землю?

Магиня щёлкает пальцами, и с её ладони вспархивает ярко-жёлтая птичка с синим хохолком и синими же хвостовыми перьями. Вредик моментально высовывается из-за моей ноги.

— Эй, нет, ты не можешь её поймать.

— Мр-ря?

— Нет.

— Фр.

Между тем птичка описывает небольшой кружок и устремляется к двери.

— Следуй за ней, — подсказывает магиня.

— Спасибо.

Я ожидала, что мне навяжут сопровождающего, однако магиня легко отпускает меня без присмотра, если не считать посланную вперёд волшебную птичку. Я выхожу в коридор. Вредик убегает вперёд, но из виду не пропадает, время от времени останавливается и дожидается, когда я приближусь. Птичка порхает от стены к стене, тоже из вида не исчезает.

А если нырну в боковой коридор? Естественно, проверять, что будет, я не стану.

Коридоры безлюдны. То ли я иду по той части академии, где мало кто бывает, то ли все на занятиях. Мне так никто и не попадается по пути. Я поднимаюсь по лестнице на этаж выше, прохожу ещё один коридор.

Птичка резко ускоряется и, словно привидение, проходит сквозь двустворчатые двери. Вредик разочарованно фыркает. Я же напрягаюсь. Исчезновение проводника мне категорически не нравится. Впрочем, беспокойство оказывается напрасным. Я ещё не успеваю дойти, как двери

открываются и навстречу мне выходит ещё одна магиня в точно таком же как у первой платье — россыпь вышитых цветов по белому фону. На взгляд женщине лет сорок, но сколько ей на самом деле я могу только гадать.

— Добрый день, — я приседаю в книксене.

Вредик выходит вперёд и, подражая мне, подгибает лапку:

— Фыр-рь.

— Добрый день, синьорина Катц.

О, то есть птичка ещё и почтальон?

Я выпрямляюсь.

— Добро пожаловать в Кайтер, синьорина. Пожалуйста, проходите, — магиня поворачивается ко мне спиной, но продолжает говорить. — Я одна из старейшин Кайтерского сестринства. Я буду рада, если смогу помочь вам в вашем деле.

Угу, радостью так и прёт.

— Благодарю, старейшина. Мне следует обращаться к вам именно так? Простите моё невежество.

Магиня оборачивается, окидывает меня взглядом с головы до ног, отворачивается, продолжает шагать, но на вопрос всё же отвечает:

— Да, можете обращаться так.

Комната, куда я попадаю, не имеет ничего общего с рабочим кабинетом и выглядит как обычная гостиная.

Старейшина опускается в кресло. Второе будто специально оставлено для меня. По ошибке можно сесть, но ведь меня не приглашали... Я остаюсь на ногах, а вот Вредик не считает, что ему нужны чьи-то там приглашения. Запрыгивает на подлокотник, перебирается на спинку, усаживается, и, не мигая, вытаращивается на старейшину сверху вниз.

Я мысленно хмыкаю, а ещё мне становится на порядок спокойнее.

— Фыр-рь, — Вредик обвивается пушистым хвостом и превращается в глазастый шар.

— Старейшина, я рада нашему знакомству, — я делаю шаг к креслу и опираюсь запястьем о спинку рядом с Вредином.

— Хм...

Старейшина по-прежнему расслаблена, но былого преимущества в положении у неё нет.

Я вежливо улыбаюсь и склоняю голову к плечу, смотрю заинтересованно.

— Значит, вы, синьорина, хотите стать вольнослушательницей?

— Не только. В дальнейшем я рассчитываю поступить в академию. Прежде я не обучалась магии, и для начала мне следует освоить азы, почитать книги, и только после этого можно задумываться о серьёзном обучении.

— Синьорина Катц, недавно до меня дошли сведения, что в наших краях появилась землевладелица. Какое совпадение, ваша однофамилица.

— О? Нет, старейшина, сожалею, но ваши сведения неточны. Не однофамилица. Я и есть владелица второй половины долины.

Старейшина превращается в статую, любой намёк на эмоции исчезает, её лицо стягивает маска вселенской безучастности.

— Сколько лет живём, и вдруг такое событие... Я и подумать не могла, что пустырь кого-то заинтересует.

— Старейшина, если бы меня смущало появление соседа, я бы позаботилась выкупить землю первой, — хотя говорю я о себе, не понять, в чей огород камень невозможно.

Кажется, мира не будет.

Жаль.

— Да, — легко кивает старейшина, и голос её неожиданно теплеет. — Я бы тоже... Позаботилась. Вам, синьорина, интересно, почему я этого не сделала? Потому что когда-то граница провинций проходила не по ручью, а по реке, и вся долина относилась к одной провинции. Как вы можете догадаться, Корона не уведомляла нас об изменениях.

Ох, во что я влезла.

— Значит, сегодняшний исход был неизбежен, — пожимаю я плечами. — Когда-то Кайтерское сестринство не смогло полностью уйти от цивилизации и приняло условия короля, согласившись открыть академию магии для девушек.

— Ха, что вы о нас знаете.

— Скорее всего, почти ничего, однако понять направление изменений нетрудно. На моём месте мог быть кто-то другой, но как бы то ни было, отсидеться за горами, лесами и реками у сестринства вряд ли получится.

— Возможно, синьорина. Вы сказали, что пришли учиться, что хотели бы найти линчю наставницу? Кстати, позвольте полюбопытствовать, с какой целью вы выкупили пустырь?

— Да, пришла узнать о возможности начать в Кайтере обучение. Что до цели, то я Катц. Неужели кто-то не слышал о моей семье? Конечно же, я собираюсь заняться на своей земле предпринимательством.

— Фр-рь.

Старейшина переводит взгляд на Вредика, и некоторое время они играют в гляделки. У старейшины просто нет шансов, она смаргивает первой, но не сдаётся. Её глаза вспыхивают зеленовато-голубым светом.

— Высший дух?! Д-добровольная связь?!

Старейшина закрывает глаза, откидывает голову на спинку кресла. Можно подумать, что она обессилила или заснула, но пальцы, впивающиеся в подлокотник, выдают её напряжение. Не открывая глаз, она вскидывает руку, и с её пальцев срывается малиновая пичуга, чтобы тотчас исчезнуть за стеной.

Ожидание длится минут пять. Я продолжаю ровно стоять, опираясь лишь на запястье. В комнату врывается красная птичка с белой окантовкой на крыльях и хвосте. Птичка пикирует на руку старейшине и исчезает в кулаке. Впитывается в кожу? Не понять...

Проходит ещё минута.

Старейшина заговаривает, не открывая глаз.

— Синьорина Катц, раз вы пришли обучаться, вы, естественно, получите желаемое. Я принимаю вас, как личную ученицу.

А?! И как к этому относиться?

— Фыр-рь, — успокаивающе фыркает Вредик и спрыгивает со спинки на подлокотник, устраивается поудобнее, прекращает тарачиться впрямую, продолжает наблюдать за старейшиной краем глаза.

— Считаешь, хорошая идея? — я подхожу ближе и запускаю пальцы в бирюзовый мех.

— Фыр, — одобряет Вредик.

— Я согласна... попробовать.

Старейшина, наконец, открывает глаза. Она по-прежнему выглядит спокойной, ни рассерженной, ни разочарованной, наоборот, она одаривает меня сдержанной улыбкой:

— Какая осторожная...

— Да.

— Расскажи мне, ученица, что ты уже умеешь? — старейшина жестом приглашает меня в кресло.

Секунду я медлю, затем принимаю приглашение, присаживаюсь, расправляю складки на юбки.

— Старейшина...

— Обращайся ко мне «наставница», ученица.

— Благодарю за подсказку, наставница. Говоря откровенно, я не умею ничего.

— О?

В ответ я лишь чуть виновато улыбаюсь, а Вредик демонстративно тяжело вздыхает.

— Тогда нам придётся начать с самых азов.

Глава 35

Я не знаю, почему старейшина согласилась взять меня под крыло, ведь я пришла как... враг. Я та, кто покушается на изоляцию Кайтера. Может быть, сработал принцип «держи друзей близко, а врагов — ещё ближе»? Не знаю... Но я доверяю Вреднику, и я верю, что он не позволит магиням мне навредить, не зря же он устроился между мной и старейшиной. Я всё же рассказываю про «дыхание магией» — глупо делать из простенького упражнения большой секрет. Лучше выяснить, не ошиблась ли я.

Старейшина жестом прости меня подняться, переходит на магическое зрение:

— Покажи мне.

Я выдыхаю, задерживаю дыхание, и делаю вдох. Магия разливается по телу.

— Хм... Плохо, — она небрежным взмахом руки разрешает мне сесть, свечение её глаз гаснет.

— Наставница?

— Неужели сама не догадалась? Представь, что у тебя появится... собака. Каждый раз, прежде чем её накормить, ты будешь ставить рядом с миской горящий светильник. Со временем собака привыкнет к связке «свет-пища», однако в очередной раз ты поставишь светильник, но не положишь в миску мяса. Знаешь, что будет?

Да, тему условных и безусловных рефлексов в школе на биологии проходят.

— У собаки потечёт слюна.

— Верно, ученица. А теперь скажи, зачем ты создаёшь связку «удушение-магия»? Ты осознаёшь, насколько опасная эта связка?

Эх, а мне казалось, что идея стоящая.

— Я поняла.

— Как твоя наставница, ученица, я запрещаю тебе заниматься подобным вредительством самой себе. Твоя задача научиться чувствовать магию напрямую. Будешь заниматься в Хрустальной комнате, — с руки старейшины срывается ещё одна птичка-вестник. — Сообщение я передала. Теперь..., — с её руки срывается ещё одна птица. — Получи в библиотеке книги, их к твоему приходу подготовят. Ну и... пока всё. Завтра обсудим твои успехи, а пока можешь идти устраиваться.

— Спасибо. Наставница, я могу узнать...

Ответом мне становится хлопок двери.

Старейшина не потрудилась даже дослушать вопрос. Ну и где мне взять проводника? Интересно, в путеводителе от Системы есть план Кайтерской академии?

— Фр-рь.

— Ты покажешь куда идти?

Вредик всем своим видом демонстрирует сомнения в моих умственных способностях, спрыгивает на пол, подходит к двери и выжидательно оборачивается.

Я ненадолго задумываюсь. Увязнуть в хозяйственных хлопотах я всегда успею, чувствую, что как нырну, так до позднего вечера и не вынырну. Наставница же мимоходом упомянула, что завтра хочет услышать о моих успехах. То есть начать надо с практики:

— Вредик, сможешь найти Хрустальную комнату?

— Мур-рь.

Мы выходим в коридор. Вредик ведёт уверенно. Я удивляюсь, как Вредик ориентируется в гигантском незнакомом здании. Впрочем, я не знаю возможностей своего фамильяра, не зря магини называют его высшим духом, а Система — дивным.

Поворот, из бокового зала раздаются голоса, и Вредик устремляется вперёд, я немного отстаю, и когда я догоняю Вредика, вижу лишь девичьи спины. Адепки собрались тесным кольцом:

— Это чей-то фамильяр? Я хочу такого же!

— Какая прелесть!

— Чей ты? Можно я тебя поглажу?

— Мр-р-рь.

— Милаха!

Мда, Вредик может проводить мастер-классы «Как обзавестись фан-клубом меньше, чем за минуту».

От протянутых рук Вредик ловко уворачивается, проскакивает между юбок и с разбега запрыгивает мне на руки, вид у него самый невинный. Обфырчав мне ладонь, Вредик вскарабкивается мне на плечо, обдаёт тёплым дыханием.

Девочки запоздало оборачиваются. Взгляды приклеены к Вредик. Девочки будто зачарованный делают шаг вперёд. Я невольно делаю шаг назад — сейчас затопчут.

— Ур-р? — Вредик отказывается понимать мои затруднения и растекается по плечу бирюзовой лужицей.

— Ой, он ваш?

Вопрос я игнорирую. Вредик ведь не мой, он свой собственный, а со мной он по собственной воли.

— Добрый день, достопочтенные, — здороваюсь я. — Простите за переполох. Позвольте представиться, я..., — хотела ляпнуть, что я Тали, но вовремя спохватилась, что здесь подобная фамильярность не принята, тем более среди адепток аристократки, — Талиася Катц, синьорина.

— Очень приятно!

Девочки окружают меня, называют свои имена. Запомнить я не пытаюсь, это невозможно. Или возможно для обладателя идеальной памяти.

— Я новенькая, — поясняю я. — Пока что буду вольнослушательницей.

Про ученичество у одной из наставниц я молчу, потому что возникнет закономерный вопрос у кого именно, а я даже имени не знаю — стыдно.

Адепки охотно вызываются меня проводить, всё показать, всё рассказать — ведь чтобы потискать прелесть, нужно подружиться с подставкой, не зря же Вредик на моём плече угнездился, ещё и хвостом помахивает, поганец, специально мехом мне нос щекочет. И не скинуть...

— Ой, синьорина Катц, а можно спросить?

— Можно, — со смехом отвечаю я. — Спрашивайте смело. Если смогу — отвечу.

Девочка застенчиво краснеет:

— Синьорина, у меня тоже есть фамильяр, кошка. Поэтому я бы хотела узнать... а где вы купили краску? Я обещаю, не буду выбирать бирюзовый цвет? Я бы кошку в розовый покрасила. С фиолетовыми полосами. М-м-м...

Сложно сказать, кто из нас больше удивляется — я или Вредик.

Дух приподнимается на лапках, смотрит на девушку с искренней обидой:

— Мря?!

— Видите ли, — хмыкаю я, — это не краска, это родной цвет. Вредик — воплощённый дух.

Хоровой вздох и ошарашенные лица стали мне ответом. Судя по реакции девочек последнюю фразу

я добавила совершенно напрасно. Как будто я в стайке обладательниц копеечной бижутерии призналась, что на мне не стекло, а бриллиантовое кольцо. Мдя. Но градус всеобщего восторга подскочил.

Девочки щебечут, вываливают на меня тонны сведений. Много важного проходит мимо, но приходится отсеивать, иначе рискую вообще ничего не запомнить.

Я выбираю одну, самую тихую. Надеюсь, девочка не откажет, если я лично попрошу её мне помочь. С меня для начала кофе и десерт.

Девочки предлагают сперва устроиться, но я отказываюсь и, наконец, сбегая от них в Хрустальную комнату. Фуф, трещотки. И, к гадалке не ходи, мои будущие постоянные клиентки. Кажется, официантам не соперничать в популярности с Вредиком.

Хрустальная комната встречает меня полумраком и россыпью полупрозрачных кристаллов. Не знаю, хрусталь это или что-то ещё, но комната выглядит как пещера сокровищ. На небольшом расстоянии друг от друга расставлены небольшие столики, похожие на парты, но в столешницах сделаны странные прямоугольные углубления, будто края столешницы — это бортики бассейна.

— Хм, — раздаётся почти над ухом. — Ученица старейшины Вивали? Твоя наставница предупредила о твоём приходе. Знаешь, что тебе делать?

— Добрый день, наставница. К сожалению, нет.

Глядя на женщину, я окончательно убеждаюсь, что расшитые цветами белые платья в академии что-то вроде преподавательской формы, в отличие от адептов, для которых форма одежды свободная, с поправкой на то, что в Эспарте дамы брюк не носят, ни разу не видела.

Магиня указывает мне на ближайшую парту, отходит к стеллажу и возвращается с небольшой коробочкой, которую, не заботясь о целостности содержимого, опрокидывает над партой. Высыпаются около десяти кристаллов, каждый размером с абрикос.

— Часть из них заряжены и излучают магию, часть — пустышки. Твоя задача научиться чувствовать разницу.

— Хм...

— Чувствительность к магии сродни слуху. Если ты глуха, то научить тебя слышать никто не сможет. Но, выполняя это упражнение, ты можешь попробовать развить свой слух. Давай, попробуй.

— Просто почувствовать?

— Да.

— Ур-р, — подбадривает Вредик, перебравшийся на свободную парту.

Я выставляю ладонь над предложенными камнями.

Глава 36

Что я должна почувствовать? Из того, что я успела узнать и понять — магия разлита в окружающем пространстве, и её сравнение с воздухом не такое уж и неверное. Получается, некоторые кристаллы похожи на... работающий фен? По крайней мере именно так сказала наставница: некоторые кристаллы излучают магию. Покосившись на магиню, я понимаю, что она начинает терять терпение, поэтому я торопливо вытягиваю над кристаллами открытую ладонь, медленно провожу справа налево. И ничего. Ни интуитивных озарений, ни тепла, ни покалываний в кончиках пальцев.

Я провожу рукой ещё раз — бесполезно.

— Хм, можно попробовать иначе, — наставница жестом подзывает меня к себе. — Закрой глаза и не подглядывай.

— Да.

— Теперь поворачивайся вокруг себя, пока не начнёшь чувствовать головокружение. Не пытайся считать повороты или следить, в каком направлении ты стоишь лицом.

Не очень понятно, но я честно выполняю указания, и на последнем шаге меня даже ведёт в сторону. Наставница ловит меня за запястье, не даёт потерять равновесие. Я выпрямляюсь.

— Хорошо. Теперь, не открывая глаз, скажи мне, в какой стороне твой фамилляр.

Ох...

Между мной и Вредиком связь, Вредик — воплощённый высший дух. Я должна почувствовать.

Но меня вновь постигает неудача.

— Не знаю, — разочарованно вздыхаю я.

— Не бойся ошибиться. Укажи сторону.

Я взмахиваю рукой, открываю глаза и опускаю руку. Я показала влево, а Вредик сидит напротив.

— Попробуй ещё раз.

Если вспомнить, как у меня получилось с дыханием... Может, попробовать меньше заикливаться на телесных ощущениях?

Я закрываю глаза, делаю несколько поворотов вокруг себя, останавливаюсь.

— Твой фамильяр...?

Я поворачиваю голову, указываю направление, которое мне кажется верным, открываю глаза. Снова ошибка.

— Не все рождаются с музыкальным слухом, — я с лёгким опасением смотрю на наставницу.

Вдруг меня сочтут необучаемой и погонят прочь? С одной стороны, ничего непоправимого, денег на моём счету хватит нанять целую армию преподавателей. С другой стороны, у меня были на Кайтер далеко идущие планы. Чёрт, я хочу здесь учиться!

— Да, бывает, что люди рождаются абсолютно глухими, но не бывает людей, неспособных дышать. Ну-ка, закрой глаза и вытяни руку.

Я выполняю указание. Стою минуту, другую. Вытянутая рука начинает подрагивать. Видимо, я от усердия излишне напрягла мышцы.

— Ученица, ты хоть что-нибудь почувствовала?

— Нет, наставница.

— Хм... Похоже, у тебя крайне низкая чувствительность. Такое бывает, и обычно люди находят себя в чём-то другом.

— Я хочу стать магинею.

— Похвальное стремление. Я расскажу старейшине Вивали о твоих затруднениях. И, ученица, нет смысла продолжать с кристаллами, если ты не способна почувствовать даже своего фамильяра.

Звучит как приговор.

— Фр-рь, — подаёт голос Вредик.

— Предлагаешь попробовать ещё раз?

Наставница не возражает, но по жалостливому выражению лица можно догадаться, что в мой успех она не верит.

Я закрываю глаза, делаю несколько поворотов, останавливаюсь. Ткнуть пальцем наугад я не успеваю, спину обжигает жаром. Я, вскрикнув, резко оборачиваюсь. Когда я успела открыть глаза? Наверное, от испуга.

— Фр.

— Любопытно, — хмыкает наставница.

— Простите?

— Ты не поняла, что сейчас произошло? Твой фамильяр стянул из окружающего пространства магию и передал тебе. Передал несколько больше, чем ты могла легко принять. И ты всё-таки ощутила силу.

— Вредик...

— Фр-р.

— Рано радуешься. Проглотить кашу, которую положили тебя прямо в рот не то же самое, что приготовить обед из пяти блюд. Тебе придётся много работать.

— Да, наставница.

— Продолжай практиковаться, пока не начнёшь чувствовать своего фамильяра без его подсказок. Только после этого будет смысл вернуться к кристаллам. Убери их и можешь идти.

Наставница теряет ко мне всякий интерес, отворачивается и возвращается дремать на своё место. Я послушно убираю кристаллы, но вот уходить не спешу, сажусь за парту. Вредик перепрыгивает ко мне, и я зарываюсь пальцами в мех, чешу Вредика за ухом, глажу. Вредик тихо фыркает, я улавливаю в его тоне снисходительность, но она совсем не злая. Вредик ласково тюкает носом меня в щёку, отскакивает. Мы поняли друг друга без слов.

Я закрываю глаза. Как ни напрягаюсь, не могу услышать, куда на мягких лапках перебрался Вредик. Приходит обжигающе-горячая волна магии. Направление я ощущаю очень точно.

Мы повторяем упражнение несколько раз, и, наконец, мне удаётся «распробовать» неповторимый вкус магии. Жестом остановив Вредика, я подхожу обратно к полке, забираю кристаллы, высыпаю в углубление парты, провожу рукой.

— Этот, этот и этот, — указываю я.

— Ур-р, — Вредик тыкает лапкой.

Два кристалла я указала верно, а с одним промахнулась — выбрала не заряженный, а близко лежащую к нему «пустышку».

Быстро перемешав кристаллы, я повторяю движение ладонью.

— Этот, этот и... этот.

— Ур-рья!

Вредик аж подпрыгивает от восторга. Мой успех радует его даже больше, чем меня. Я быстро провожу по бирюзовому меху, наклоняюсь и выдыхаю в треугольное ухо:

— Спасибо, друг. Если бы не ты...

— Мр-ря, — снисходительно отмахивается Вредик и задирает мордочку, ясно показывая, что и сам знает, что если бы не он...

Повезло мне с фамильяром. Да и с перерождением... повезло.

Судя по хитрому взгляду, благодарность Вредик возьмёт безудержным весельем. Ну и ладно, пусть безобразничает, я верю, что Вредик не перейдёт черту.

Когда наставница снова подошла ко мне, я не заметила. В углубление парты с дробным стуком высыпаются кристаллы. Вздвогнув, я оборачиваюсь. Наставница же жестом предлагает продолжать. Задача усложнилась, причём намного.

Я провожу рукой, ненадолго задерживаясь над каждым камнем:

— Да. Нет. Нет. Да...

— Хм, безошибочно. Думаю, ты можешь поработать ещё немного. Что касается завтрашнего дня, не приходи, пока не прочитаешь «Лёгкость магии».

— Да, наставница.

— Твоя следующая задача научиться чувствовать магию, разлитую в воздухе. Не жди, что у тебя получится сразу, но пробуй несколько раз в день.

— Да, наставница.

— Урок окончен.

Полностью согласна, для первого раза более, чем достаточно. Я могу ошибаться, но самые основы — это то, что следует изучать медленно и тщательно, не зря же в школе в первом классе мучают букварь, а в старших классах довольно сложные темы проходят за урок-два.

Наставница оставляет меня прибираться, и через пять минут я покидаю Хрустальную комнату.

Я ожидаю увидеть безлюдный коридор. Тон в Кайтере задают аристократки. И даже неотёсанная дочь крестьянина, чудом принятая на обучение, очень быстро научится держаться с достоинством, у неё просто не будет иного выбора. Поэтому я не могу представить, чтобы кто-то караулил меня под дверью.

Именно под дверью меня и не ждут.

Я поворачиваю направо, и из бокового коридора появляется девушка в пышном платье. Многослойную юбку уродуют вычурные банты, а на плечах девушки лежит кружевная накидка, совершенно не соответствующая наряду по стилю. Выглядит незнакомка... не только вульгарно, но и неуместно, слишком вычурно для академии.

При виде меня глаза незнакомки расширяются, она смотрит на меня с неясной жадностью, откровенно рассматривает.

— Простите, — я делаю шаг к стене, чтобы обойти незнакомку.

— Ох, это ваш фамильяр? Какая прелесть!

Вредик прелесть, но смотрит незнакомка почему-то не на него, а на меня.

Я отвечаю сдержанной улыбкой, совершенно не собираюсь помогать девице с неясными намерениями.

— Синьорина, кажется, я повела себя грубо, но я не могла остаться равнодушной.

— Всё в порядке.

— Вы синьорина Ася Катц?

Что?

Моя фамилия, действительно, не тайна. Нет ничего особенного в том, что новость о моём появлении разошлась, и адепки знают, что я синьорина Катц. Но как незнакомка могла назвать меня Асей?! Я представилась полным именем. Сократить его до домашнего — непозволительно панибратство, я уверена, что адепки между собой называли меня Талиасей. Так откуда вынырнула «Ася»?

Самое логичное — оригинальная Ася была знакома с этой девушкой. Но тогда к чему вопрос?

— Кажется, я стала главной героиней сплетен, — улыбаюсь я.

— А я Дана-Филиса Жой.

— Приятно познакомиться, леди.

Я приседаю в реверансе.

— Взаимно! — энтузиазм леди выглядит искренним и от того ещё более необъяснимым.

Дана-Филиса...

В «Фаворитке герцога» не было персонажа с таким именем, в этом я уверена, однако сложное имя мне всё же знакомо, будто раз или два всё же упоминалось на страницах романа. Но в связи с чем? Дана...

Ха!

— Синьорина?

Удивляться столь явственно недопустимо, но я смотрю на леди во все глаза и ничего не могу понять. Я вспомнила. В оригинальной истории Эшли через день или два после сорванного свидания получила письмо от подруги, обучающейся в Кайтере. В письме подруга упоминала, что академию сотряс небывалый скандал: некая леди Дана-Фелиса покончила с собой.

До сегодняшнего дня я не вмешивалась в сюжетную линию Кайтера. По хронологии событий Дана-Фелиса должна быть давно мертва.

Не то чтобы я не рада, но... Как она может быть жива?!

Мало того, что Дана-Фелиса жива, так ещё и пришла искать меня, когда услышала, что я Талиаса Катц. И смотрела на меня как-то странно... Ничего не понимаю.

Вредик нахохлился и молчит.

— Леди, кажется, я отвлекла вас. Простите, — вторая попытка расстаться.

— Нет, синьорина, ни в коем случае. Кажется, это я вас задержала. Вы идёте получать комнату? Вы же, я слышала, будете учиться в Кайтере? Я вас провожу.

Что?

Я готова поверить, что аристократка из жгучего любопытства караулила меня за углом, а потом «случайно» со мной столкнулась. Но поверить, что аристократка предлагает побыть на побегушках у синьорины?!

Да что с ней не так?

— Спасибо, я бесконечно тронута. Однако нет нужды беспокоиться, я знаю, как пройти. Вы слишком добры.

— Признаться, синьорина, я хотела расспросить вас о вашей сестре. Я давно не получала от леди Эшли-Саманты писем.

В оригинальной истории, насколько я помню, главная героиня и леди Дана-Фелиса не переписывались, именно такое впечатление сложилось после письма общей знакомой, рассказавшей Эшли о скандальном самоубийстве.

— Леди, сожалею, но я не смогу удовлетворить вашего любопытства. Так сложилось, что я больше не имею к дому барона никакого отношения.

— Как это возможно?!

Хм, почему её так взволновала столь незначительная новость?

Я пожимаю плечами:

— Так сложилось, леди.

— Что же, синьорина, я рада с вами познакомиться, — обычная фраза, вежливая, ничего не примечательная, но произнесена с такой интонацией, будто леди мне откровенно угрожает.

Наконец, мне удаётся избавиться от неприятной собеседницы.

Я сбегая по лестнице и выхожу во внешний двор академии. Пятиэтажное массивное здание едва ли похоже на учебное заведение. Сложенное из тёмно-серых каменных блоков, оно похоже на бастион, даже смотровая башня в наличии. Учитывая, что до границы далеко, а сама Кайтерская долина надёжно защищена природными преградами, архитектурное решение трудно понять. Ещё одна загадка... Может быть, сестринство готовилось обороняться от королевской армии? Ничего иного в голову не приходит.

Ворота закрыты, и я задумываюсь, зачем вообще Кайтеру ворота. Не удивлюсь, если их ни разу не открывали. Калитка нараспашку, наблюдателей нет, проход свободный. Похоже, прогулки до ручья здесь единственное развлечение на свежем воздухе.

Меня никто не останавливает, когда я прохожу под аркой.

Я делаю несколько шагов вперёд и останавливаюсь. Я ожидала, что Кайтер безжизненный, но оказалась не готова увидеть серый пустырь. Под ногами крошево камней, будто несколько десятков самосвалов выгрузили щебень, а затем каток небрежно разровнял кучи. Поблёскивает ручей, внося капельку разнообразия. Ещё дальше река, и только за ней начинается лес. В противоположной стороне к небу вздымаются вершины неприступных гор.

Заметив, что на меня начинают обращать внимание, не столько на меня, сколько на Вредика, я прекращаю созерцание сумрачного пейзажа, способного кого угодно вогнать в депрессию. Не удивительно, что старейшины и наставницы далеки от дружелюбия. Я прибавляю шаг.

Граница провинций, а соответственно и граница моих владений проходит по ручью. Я добираюсь до кромки воды. Мдя... Голубая волосая линия на карте в реальности бурный поток воды шириной метра три. О глубине лучше не думать. Даже если воды по колено, течение собьёт меня с ног.

Как хорошо, что я заранее подготовилась.

Не без помощи Эдана, разумеется. Собственно, план больше его, чем мой.

Я ставлю чемодан на камни — да, мне так и пришлось таскать за собой своё багаж, хорошо, хоть вес навскидку шесть-семь килограммов, вряд ли больше. Коробочка, размером мой кулак, специально положена сверху. Я достаю, открываю и вытряхиваю на ладонь мост. По незнанию его можно принять за игрушечный. Собственно, я и приняла — искренне недоумевала, зачем Эдан привёл меня разглядывать кукольные домики. Когда я спросила, сперва Эдан принял мой вопрос за неудачную шутку, а, поняв, что я спрашиваю всерьёз, долго не мог успокоиться. Впрочем, смеялся он не обидно и даже заразительно, так что я присоединилась.

Присев на корточки, я ставлю мост на более-менее ровный камень, щелчком активирую накопитель, и мост в считанные секунды раздувается, вытягивается в длину и ширину, горбом перекидывается через ручей — сработало!

Большую часть объяснений Эдана я пропустила мимо ушей, всё равно я в строительных растворах ничего не понимаю, тем более в магических строительных растворах. Для себя я вынесла, что «игрушки», получив заряд, надуваются как воздушные шарик и превращаются во временки. Материал не особо прочный, плохо переносит смену погодных условий, начинает крошиться, разламываться, выдерживает от месяца до полугода. Совершенно негодно для стройки на века, но мне подходит идеально.

Я делаю осторожный шаг на мост, пробую крепость перил.

— Ученица, — бьёт в спину недовольный голос.

— Да, наставница? — оборачиваюсь я.

Кто бы сомневался, что за мной следили.

Догнавшая меня магиня смотрит с лёгкой усмешкой.

— Ученица, территория до ручья относится к академии. Никакие сооружения не могут быть установлены без разрешения старейшин.

— Оу? Я не знала, — хотя догадывалась. — Я уберу.

— Не волнуйся, я помогу. Сойди с моста, пожалуйста.

Быстро...

— Да, наставница, — но вместо того, чтобы сойти, я перебегаю на противоположную сторону.

Наставница не препятствует, дожидается, когда я ступлю на противоположный берег. Её ладони вспыхивают алым, и кроваво-багряная дымка обрушивается на мост, полностью накрывает его, будто одеяло, медленно развеивается, и когда от алых ключев наведённого тумана не остаётся и следа, я вижу лишь мелкое крошево обломков, уносимых бурным потоком ручья.

— Ученица, поскольку теперь ты предупреждена, помни, что повторное нарушение недопустимо, отчисление и запрет на посещение Кайтера — меньшее, из того, что тебя будет ждать.

— Да, наставница.

— Фур-р.

Во взгляде магини мелькает недоумение, она явно не понимает, как я собираюсь вернуться. Просвещать её я точно не собираюсь. Пусть смотрит, если интересно. Не удивлюсь, если за мной сейчас все старейшины Кайтера наблюдают.

Не задерживаясь на берегу, я иду прочь.

Разрушая мост, магиня хотела поймать меня в ловушку, однако по факту сыграла мне на руку, ведь теперь я могу быть уверена, что никто не придёт мне мешать.

Отсчитав около сотни шагов, я останавливаюсь, оглядываюсь. Магиня стоит, скрестив на груди руки, белоснежный подол развеивается на лёгком ветру. Я улыбаюсь, ставлю чемодан и достаю вторую «игрушку».

В перспективе мы с Эданом будем строить полноценный вокзал, пусть и не очень большой. А пока... Я активирую накопитель, и на пустыре в считанные секунды вырастает здание, внешне неотличимое от гигантской коробки: плоская крыша, ни намёка на декор. Даже окон нет. Единственный проём — дверной. Я достаю из чемодана предупреждающую табличку и на клей кривовато приляпываю предупреждение, что здание является частной собственностью, вход

воспрещён.

Я прохожу внутрь, оглядываюсь в полумраке. Изнутри здание похоже на коробку ещё больше, чем снаружи, этакий кубик внутри которого я оказалась. Эдан, я всё больше поражаюсь его предусмотрительности, снабдил меня разовым светильником. Шар заливает пространство мягким безжизненно-белым светом. Остаются сушие мелочи... Поскольку двери нет, я достаю «игрушечную» перегородку — она закроет помещение от любопытных взглядов. Чем позже старейшины узнают об арке, тем лучше.

И арка подождёт.

Я возвращаюсь под открытое небо, отсчитываю полсотни шагов параллельно ручью. Я хочу, чтобы кафе заработало как можно скорее, поэтому «временка» появится уже сегодня, а полноценное здание будет построено рядом, уже после тщательной работы землемеров. Опять же, ночевать в Кайтерской келье я не намерена...

Магиня так и стоит, скрестив руки. Говорить что либо бессмысленно, поэтому я ставлю на камни четвёртую «игрушку».

Здание кафе для меня сделали на заказ, оно разительно отличается от невыразительных бытовок. Фасад слабо, но декорирован. Справа от входа летняя терраса, и можно будет выставить столики. Есть второй этаж, и там предусмотрены спальни не только для сотрудников, но и для меня. Мебели пока нет, но это мелочи. Куда больше меня смущает отсутствие дверей и окон, вместо них разъявленные дыры проёмов.

Я вхожу, осматриваю главный зал на первом этаже. Да, всё именно так, как мы с Эданом заказывали. Вредик, фыркнув, прыгает на пол и уносится исследовать новую территорию. Я же возвращаюсь ко входу, выглядываю.

От академии к ручью идёт женщина, одетая точь-в-точь как маг, отвечавший за работу арок. Эдан не подвёл — пора встречать. Но прежде нужно установить арку.

Глава 38

Я боялась, что если я поставлю арку заранее, то старейшины, узнав о ней, перекроют свой портал, и тогда всем нашим планам пришёл бы конец, ведь пока портал Кайтера единственный вход в долину. Как бы ещё нужная мне магиня появилась так быстро? Однако теперь, когда магиня прибыла, больше можно не беспокоиться. Как бы старейшины ни злились, напасть открыто они не посмеют.

Магиня приближается, стоит поторопиться...

Я вхожу в «коробку» будущего вокзала и окунаюсь в мягкий белый свет. Светильник проработает ещё не меньше двух часов, более, чем достаточно. Скрытая перегородкой, я встаю в центр пустого пространства.

Хотя изначально я планировала купить с Системе мост, способный соединить любые, сколь угодно далёкие друг от друга точки, или любой другой многоразовый артефакт, в конечном итоге мы с Эданом остановились на установке арки. И, чтобы её доставить, я разорилась на разовый пространственный карман — отдала за него двести двадцать карат.

Я разрываю карман, и с глухим треском в помещении появляется арка стационарного портала.

— Фырь? — раздаётся со спины.

Интонация у Вредика скорее вопросительная, чем тревожная.

— Как тебе? — улыбаюсь я.

— Мря.

— Вредик, хоть бы каплю уважения к торжественности момента. Как-никак, мы с тобой закладываем первый камень в фундамент будущего города.

— У-ур, — разочарованно отворачивается Вредик, словно говоря, что градостроительство не его хобби.

Между тем магиня почти дошла до ручья, и, чтобы не заставить её ждать, мне приходится почти бежать навстречу. Я останавливаюсь лишь у самой кромки воды, делаю глубокий вдох, восстанавливая сбившееся дыхание. Магиня останавливается в шаге от ручья и выразительно поднимает бровь. Но поздороваться я не успеваю.

Бирюзовый шар проносится мимо будто выпущенное из пушки ядро и с радостным визгом

плюхается в ручей. К небу взвивается столб ледяных брызг, половина из которых достаётся мне. Поганец! Что хуже, брызги должны окатить магиню с головы до ног.

Женщина небрежно вскидывает руку. Прежде, чем первые капли успевают долететь до неё, она выставляет на их пути полупрозрачный щит. Вода стекает в камни.

— Добрый день, уважаемая. Прошу прощения, мой фамильяр редкий безобразник.

Магиня косится на наблюдающую за ними наставницу Кайтера.

— Добрый день, синьорина Катц. Ничего непоправимого не случилось, не будем об этом. Ваш управляющий сказал, что для меня есть работа.

— Так и есть.

Наставница, не скрываясь, подходит ближе. Новый мост — табу. Жаль, конечно, но закон на их стороне. Впрочем, тут мы в равных условиях. На своей территории я полновластная хозяйка. А вот граница... Граница проходит по ручью. Я бросаю в воду крошечный шарик, магия высвобождается, ручей промораживается почти до дна, образуется магическая плотина.

— Наставница, применение охлаждающих чар на территории Кайтера не запрещено?

— Не запрещено. Хм, какая подготовка!

Справа остановленная вода разливается вширь в поисках нового пути, слева же русло ручья стремительно мелеет, обнажается дно. Вредик, внезапно оставшийся без воды, пытается догнать убегающую воду, затем оборачивается, обнаруживает плотину.

— Мря?

Вид несправедливо обиженной невинности портит прилипший к телу мокрый мех.

— Интересно, — не дожидаясь приглашения, магиня ступает на лёд и переходит на мою сторону.

Вредик выбирается следом.

— Мря? — жалобно повторяет он и по-собачьи встряхивается.

Мне достаётся новая порция брызг, магиня, вновь небрежно прикрывшаяся щитом, притворно не замечает выходки, что, пожалуй, огорчает Вредика даже больше, чем сорванное купание. Фыркнув, он заходит на плотину, резко подпрыгивает и плюхается в воду. И в отличии от магини наставница выставить щит не успевает.

Я напрягаюсь в ожидании претензий, но наставница продолжает лишь молча наблюдать. Смахивает с лица капли и снова скрещивает руки, будто ничего не произошло. По идее, раз я ни забора, ни предупреждающих табличек не выставила, она имеет полное право зайти на мою территорию, но почему-то этого не делает, лишь переводит взгляд, в котором читается подозрение, со здания-«коробки» на магиню и обратно.

— Сюда, уважаемая, пожалуйста.

Магиня не отказывается, следует за мной, но у будущего вокзала останавливается.

На её лице отражается неуверенность.

— Что-то не так? — уточняю я.

— Если арка стационарного портала внутри...

— Она внутри.

— Синьорина, вы знаете, что материал здания крайне недолговечен? Более того, каждая активация арки будет сокращать и без того невеликий срок службы.

— Спасибо за предупреждение, но не нужно беспокоиться. Как только арка заработает, через неё будут доставлены строительные материалы, и здание для портала — это первое, что будет построено.

— Первое..., — эхом повторяет магиня.

Мы входим.

Я останавливаюсь у перегородки. По большому счёту я больше не нужна. Магиня не только

проведёт первичную настройку, соединит арку с общей сетью, но и станет её старшей хранительницей. Я-таки узнала, как называется должность «водителя».

Можно бы сходить пока в библиотеку за книжками...

— Синьорина, ваш управляющий дал вполне конкретные указания, и в обычной ситуации этого было бы достаточно, однако некоторые указания вашего управляющего... выглядят неожиданно. Мне бы хотелось получить ваше подтверждение.

Магия протягивает мне тонкую папку. Внутри всего один лист. Я пробегаю глазами текст, написанный красивым летящим почерком. Мне бы такой почерк.

— Достопочтенная, простите, но что вас смущает?

— Синьорина, ваш управляющий намерен сделать проход через вашу арку бесплатным.

Сколько бы мы заработали на билетах? Получив возможность попасть в столицу и другие города, адепки заплатят. Но как только эмоции поутихнут, ажиотаж спадёт. Лично мне интереснее сделать проход бесплатным, но зато привлечь девушек из столицы. Адепки станут в моём кафе постоянными клиентками, но этого мало. За счёт арки я хочу привлечь в будущий город свежую кровь.

— Да, всё верно.

— Хм... Хорошо, если так.

— Достопочтенная, моё присутствие требуется?

— Я закончу первичную настройку приблизительно через час, и можно будет открыть переход.

— О, мне нужно будет встретить управляющего. Спасибо, достопочтенная. Я временно вас оставлю.

— Да, — прозвучало не слишком вежливо, но я не обижаюсь.

Магиня, забыв о моём присутствии, концентрируется на арке, столбы под её ладонями наливаются светом. Я с минуту наблюдаю за работой, а затем, оставив в углу чемодан, тихо выхожу.

И тотчас встречаюсь взглядом с наставницей. Она смотрит на меня сердито, с явным осуждением, но почему-то больше я не чувствую вражды. Наставница приподнимает подол платья, каблуком ударяет по ледяной плотике, через которую уже во всю пробиваются ручейки, разворачивается и с гордо выпрямленной спиной идёт прочь.

Я приближаюсь к плотине.

Действие чар сошло, хотя вода с гор бежит холодная, лёд тает, истончается. И с терском ломается. Поток воды с грохотом устремляется по руслу, тащит обломки льда, булыжники. Мелькает бирюза.

— Вредик! — я бросаюсь следом вдоль русла, очень смутно понимая, чем могу помочь.

Прыгнуть следом? Но я скорее убьюсь, чем помогу.

Я не успеваю...

— Вредик!

Он выпрыгивает мне навстречу как ни в чём ни бывало.

— Фр-р?

— Вредик, поганец, ты в порядке?! Как ты напугал меня.

Я опускаюсь перед ним на корточки.

Вредик таращится на меня, сидит совершенно неподвижно, лишь самый кончик мокрого хвоста подёргивается. Я качаю головой, протягиваю руку, провожу за треугольным ушком сверху вниз. На пальцах остаётся вода.

— Ур.

— Хорошо, что ты в порядке.

— У-у-р.

Я прищуриваюсь:

— Вредик, мне кажется или ты извиняешься?

— Ур-р, — печально вздыхает он.

— Всё в порядке, но, пожалуйста, не пугай меня так больше.

Вредик вытягивает обе передние лапки и устраивает на них мордочку. Мокрый мех, облепляющий тело добавляет сходства с ондатрой. Я фыркаю. Это Вредик мне так поклонился. Как мило. Легонько щёлкнув его по носу, я поднимаюсь.

— Ладно, развлекайся. А я в библиотеку.

Шарики с чарами заморозки я прихватила, так что проблем с переходом через ручей не возникнет. Но это временная мера. Каждый шарик стоит... Ох, лучше не думать, сколько он стоит.

Ручей промораживается, и я перехожу по льду, как по мосту.

Интересно, сколько книг за раз можно взять?

Глава 39

Как пройти в библиотеку, мне подсказала одна из адепток. Девочка бросается ко мне чуть ли не вприпрыжку. Молоденькая девчушка, ей лёт четырнадцать-пятнадцать, наверное. Едва она понимает, что я одна, без Вредика, на подвижном лице отчётливо проступает разочарование. Смутившись собственной реакции, он соглашается проводить меня. Смешная... В утешение я приглашаю девочку в гости.

— Ты в какой комнате поселилась? — радостно подпрыгивает она.

Ох, дитя...

— Я не в комнате поселилась.

Мы остановились перед входом в библиотеку, я берусь за дверную ручку, готовясь сбежать в идеальный момент.

— А где? — изумляется она.

Я нарочно отвечаю не сразу, даю время перебрать самые фантастические варианты: на чердаке в башне, в подвале...

— В доме за ручьём.

— За ручьём нет ничего.

— Спорим на желание? — я смеюсь и, не дожидаясь, когда она согласится или откажется, захожу в библиотеку.

Девочка остаётся за дверью. Уверена, сейчас она побежит проверять, правду ли я сказала о доме, убедится. И новость распространится по Кайтеру как пожар по сухостю. Ха, мне даже реклама не понадобится.

— Новая ученица старейшины Вивали?

В библиотеке нет читального зала, помещение довольно тесное. У входа в книгохранилище стол, и за ним сидит местная хозяйка. На вид женщине лет сорок. Волосы собраны в пышный пучок и украшены атласной лентой, завязанной бантом, по размеру, не уступающему пучку. На белое платье я почти не обращаю внимания, вышитые цветы мне ни о чём не говорят. Пока. Позднее стоит узнать, вышивают их для красоты или вкладывают в узор некий смысл.

— Добрый день, наставница, — как ученица академии, я могу так обратиться к любой преподавательнице, да и не только. — Да, я новая ученица старейшины Вивали.

Женщина открывает ящик стола, вытаскивает стопку книг, кладёт на стол и пододвигает ко мне. Я не забираю книги, и она хмурится, однако я игнорирую её недовольство и беру первую книгу. «История Кайтерского сестринства: от основания до академии магии» — то есть от возникновения общины до проигрыша сестёр Короне. Обязательно прочту, возможно, даже сегодня. «Базовая теория магии» — с этим всё понятно, учебник. «Первые шаги начинающего мага» — тоже всё понятно, нужная полезная книга. И последняя в стопке «Лёгкость магии», рекомендованная наставницей из Хрустальной комнаты.

— Всё посмотрела?

— Наставница, скажите, пожалуйста, сколько книг я могу брать на руки и как быстро я должна их вернуть?

— О? Тебе мало.

Вопрос с провокацией.

Я отвечаю спокойно:

— Все эти книги требуют долгого вдумчивого изучения, однако у меня есть интерес к некоторым темам, и я бы хотела расширить свои знания, почитав некоторые книги бегло.

— Правило простое. По рекомендации твоей наставницы ты получаешь книги на неограниченное время. Что касается книг, которые ты берёшь по собственной инициативе, то срок не должен превышать десять дней.

— Благодарю. Я бы хотела попросить книгу о..., — изначально я собиралась сказать «о фамильярах», но в последний момент спохватываюсь. Безусловно, о фамильярах разузнать надо, но есть кое-что более важное, — о высших духах.

— О? Ученица, в книгохранилище два стеллажа забиты книгами по теме «высшие духи». Тебе все принести или половину?

— Меня интересуют возможности воплощённых высших духов и причины, по которым они воплощаются

— О высших духах известно мало, в основном догадки и предположения. Мне не трудно принести подходящую книгу, однако предупреждаю, что ты вряд ли её поймёшь, подобные работы не рассчитаны на начинающих.

— Тогда что насчёт пособия для мага, собирающегося связать себя с фамильяром?

— Ты для себя? Тогда уточни, о каком именно фамильяре речь? Привязка обычного животного, чтобы уравновесить дар — это одно. Привязка воплощённого духа — это другое. Но я не слышала, чтобы фамильярами становились воплощённые высшие духи. Хорошо, сейчас принесу.

Магиня поднимается, неопределённо хмыкает и скрывается в хранилище. Ожидание длится минут пять, она возвращается, кладёт топик толщиной с два пальца поверх моей стопки.

— Благодарю.

Я забираю стопку, разворачиваюсь к двери.

— Ученица, — ударяет меня в спину её голос.

— Да?

— Выносить библиотечные книги из здания запрещено правилами.

— Ха-а... Спасибо за предупреждение, наставница.

— Это моя обязанность, — улыбается она с нескрываемой насмешкой.

Стопка не сказать, чтобы очень тяжёлая, но после таскания чемодана руки ноют. Знала бы, сначала бы оформила комнату, ну да ладно, переживу. Я ещё раз вежливо благодарю магиню, выхожу из библиотеки. Девочка меня не ждёт, умчалась уже. Я придерживаю покачнувшуюся стопку. Хм, куда идти я приблизительно представляю...

Где-то через полчаса, покончив со всеми формальностями, я останавливаюсь перед узкой дверью кельи. Комнатой спальни адептов не назвать. Вставив ключ в замок, поворачиваю. Дверь открывается. Мда, одним из первых проектов нужно построить гостиницу. Хотя, может быть, есть особый воспитательный смысл в том, что аристократки живут по двое в крошечной комнате? Кровати, общий комод и длинный стол у окна. А, ещё два табурета.

Моя соседка оказалась в комнате.

Девушка сидит у окна, перед ней открытая книга и тетрадь.

— Добрый день, — здороваюсь я и с удовольствием сгружаю книги на свободную постель. — Я новенькая, буду рада знакомству. Меня зовут Талиаса Катц, синьорина.

— Дарилана Тойер, леди, — цедит адептка сквозь зубы.

У, высокомерие выше гор.

Я киваю.

— Я привыкла ложиться рано, я не потерплю света после ужина.

Ути, какие мы грозные.

Я пожимаю плечами:

— Не беспокойтесь, леди. Я не буду вас беспокоить. Я буду жить в доме за ручьём, а сюда приходить только за книгами, ведь их нельзя выносить.

— В доме за ручьём? О чём ты?

— Мы перешли на «ты»?

Вместо прощания я взмахиваю рукой и ухожу, вот уж точно не собираюсь тратить время на возню в песочнице, если леди хочет помериться статусами, пожалуйста, но без меня. Я и так не рассчитывала, что придётся задержаться в академии. И планы почитать перед сном накрываются...

Когда я возвращаюсь, кроме «коробки» вокзала и временного здания кафе, обнаруживаю два здания склада. Команда грузчиков перетаскивает разномастные ящики, тюки. Группа рабочих вставляют в оконные проёмы кафе ставни, входные двери уже установлена. Мимо меня проносят зачехлённую мебель.

— Тали, присоединяйся! — ко мне подскакивает Эдан. — Ты как? Вижу, что отлично. Тали, помогай, у нас два часа, чтобы закончить комнаты для персонала.

— Ты назначил им сегодня?

Эдан смотрит на меня с лёгким удивлением:

— Но ты же сама хотела, чтобы... персонал прибыл, как можно скорее.

— Да, ты прав. Спасибо, Эдан.

Он беззаботно улыбается:

— Завтра открытие.

— А?!

— К чему тянуть? Эй, куда тащите?! Эти ящики на второй склад! На второй!

Позабыв обо мне, Эдан уносится в вихре дел, но и мне хлопать глазами некогда. Я оглядываю пустырь, нахожу взглядом Вредика. Кто бы сомневался, дивный дух плещется выше по течению ручья.

Я захожу в кафе, нахожу бригадира — крупного широкоплечего мужчину в заляпанной краской одежде. Пятна старые, давно засохшие, в остальном же одежда выглядит чистой. И бригада, и бригадир производят на меня приятно впечатление.

— Хозяйка? — первым заговаривает бригадир, в голосе слышно лишь лёгкое уважение, ни намёка на подбострастное раболепие.

— Добрый день.

— Да уж вечер близится, — насмешливо возражает бригадир.

Я пропускаю мимо ушей. Часы работы согласовывал Эдан, так что пусть хоть ночью пашут, если взяли на себя такие обязательства.

— В своё время ужин подадут. Пожалуйста, в первую очередь сделайте ставни в жилых комнатах на втором этаже.

На стекло я разорваться не стала, ни к чему. На улице достаточно тепло, так что пусть будут открытые проёмы. Если кому-то холодно или ветрено — пусть закрывает ставни и зажигает светильник.

Вот когда будет не «временка», там будет стекло.

Бригадир безразлично кивает:

— Как прикажете, хозяйка.

Я переключаюсь на грузчиков: в каждую комнату надо установить кровать и комод. Да, бедно и далеко не комфортно, зато в зарплате не обижу.

Нырнув в хозяйственные хлопоты с головой, я не замечаю как пролетает время.

В какой-то момент я обнаруживаю на своём запястье хватку. Эдан выдёргивает меня из кафе как морковку из грядки, тянет за собой. Мы врываемся в «коробку» вокзала. Некогда пустое помещение забито грузами. Мой чемодан, сиротливо приткнувшийся в углу, чудом не завалили. Наверное, перегородка спасла. Надо отнести к себе в комнату...

Столбы арки наливаются ярким светом, проём заволакивает марево. Я подхожу чуть ближе. Именно я хозяйка кафе, Эдан со мной не останется, возьмёт на себя дела в столице. Опять же, на нём стройка, нагружать Эдана ещё и управлением кафе — совести не иметь.

В мареве проступают силуэты, и в зал один за другим входят официанты.

Сердце начинает биться чаще — седьмым появляется Ян.

Глава 40

Подтянутый, худощавый, безупречный. Ян выделяется среди остальных, как выделялся бы волк среди домашних щенков. Может быть, я предвзята? Гордая осанка, хищная грация умелого воина, правильные черты лица и глаза... Что же он сделал, что сияние полностью погасло? Я стараюсь смотреть не только на Яна, ведь это неправильно и подозрительно, но взгляд то и дело возвращается к нему.

Я пересчитываю пришедших. Последними под аркой прошли посудомойка и сманенная из дома синьора Катца помощница поварихи. Вроде бы прибыли все. Мареву под аркой рассеивается, столбы гаснут, а Лен Вайтер сверяется со списками, так что мне не нужно волноваться.

— Здравствуйте, добро пожаловать. Я рассчитываю на плодотворную совместную работу. Процветает кафе — процветаем каждый из нас. Пожалуйста, следуйте за мной, я покажу комнаты, в которых вы будете жить.

Эдан, убедившись, что я справляюсь, сбегает заниматься загрузкой складов. Со мной остаётся Лен Вайтер.

Я первой выхожу на улицу, отхожу от дверного проёма, чтобы не мешать грузчикам и останавливаюсь. Есть ещё кое-что важное, что следует сказать. Группа обступает меня полукругом. Дождавшись последних, я указываю себе за спину:

— Я напомню, что мы находимся в Кайтерской долине. Бастион за ручьём — знаменитая Кайтерская академия магии. Полагаю, вам известно, что в этой академии обучаются только девушки. Более того, мужчины на территорию академии не допускаются. Граница проходит по ручью. Я настоятельно не рекомендую вам пытаться его пересечь.

— А если я пересеку? — нахально спрашивает брюнет и демонстративно делает шаг к ручью.

— То будешь нести ответственность за своё решение. Скорее всего, ты будешь отправлен в столицу в гробу.

Шепотки разом стихают. Грохот и шум, доносящийся от грузчиков, не способен разбить воцарившейся тишины. Молчание длится минуту.

— Что? — переспрашивает брюнет.

— Поскольку Кайтерское сестринство держится жёстких правил, на открытие академии Корона даровала старейшинам право выдворять незаконно проникших на территорию академии мужчин любыми способами. Это означает, что если старейшины применят против тебя боевую магию и просто убьют, суд признает, что они были в своём праве. Я не стану никого останавливать.

— Но здесь...

Заговорил блондин.

— Здесь вы в полной безопасности, — перебиваю я. — По ручью проходит не только граница между территорией академии и владениями Катц, но и граница между провинциями. Идёмте, — я указываю на здание кафе.

Я успеваю пройти пару метров.

Рядом со мной внезапно оказывается Ян. Я вздрагиваю от неожиданности, сглатываю и чувствую, как кровь приливает к щекам.

Ян то ли не замечает моей реакции, то ли не понимает, то ли игнорирует.

— Синьорина Катц, — обращается он ко мне.

— Да, Альян? — к официантам я могу обращаться по-имени, как к обычным слугам.

— О? Синьорина, вы запомнили моё имя?

Прокол. Остальных я по именам не назову, только повара, бариста и посудомойку.

— Быть внимательной к тем, кто на меня работает, моя обязанность.

Его глаза ярко-зелёные, ясные...

Засмотревшись, я позорно спотыкаюсь. Ян легко подхватывает меня под локоть, удерживает от падения.

— Осторожнее, синьорина.

— Спасибо. Ты что-то хотел?

— Я заметил, что у вас тяжёлый чемодан. Позвольте?

Ян протягивает руку, наши пальцы соприкасаются, и я безвольно позволяю забрать у меня багаж, а Ян, как ни в чём ни бывало, продолжает идти рядом.

Со стороны, наверное, это выглядит так, будто Ян подлизывается, но я уверена, что это не так. Он просто повёл себя как джентльмен. Косые взгляды я игнорирую, Ян их и вовсе не замечает. Мы так и идём вместе, почти рука об руку, пока не оказываемся у лестницы, и я поднимаюсь первой, показываю коридор, по обеим сторонам которого жилые комнаты. Я чуть переплатила, и комнат на три больше, чем сотрудников. Мало ли, запас пригодится.

Напомнив, что удобства организованы в отдельном домике за кафе, я предлагаю заселяться. Комнаты абсолютно одинаковые, так что проблем не возникает.

Рядом со мной остаётся Ян.

Я указываю на дверь, спиной к которой стою. Я буду жить в точно такой же комнате, как и остальные. Пока. Когда построят кафе, у меня будет полноценная «квартира»: собственная спальня с примыкающей ванной комнатой, гостиная и кабинет.

Ян заносит чемодан, оглядывается уточнить, куда именно поставить. Я указываю на пол под окном. Ян послушно ставит, выходит и само собой получается, что он заселяется в соседнюю комнату. Мы будем жить через стенку...

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста, — солнечно улыбается он и скрывается за дверью.

Я смотрю на хлипкую закрытую створку, вздыхаю и возвращаюсь к делам, которые, как говорится, сами себя, увы, не сделают. Я спускаюсь в зал. Рабочие драпируют стены тканью, вносят столики. В принципе, у бригадира есть план расстановки, и мой контроль особо не требуется, но, заметив, что длинный высокий стол поставлен не вдоль, а поперёк, я вмешиваюсь.

Зал будет условно поделён на две зоны: большая часть отведена под обычные столики, за которыми гости будут с удобством сидеть на деревянных креслах с мягкими сидениями, высокими спинками и широкими подлокотниками. На случай, если столиков не хватит, гости всё равно смогут сделать заказ и расположиться за высоким столом. Да, придётся стоять и не все согласятся. Но это лучше, чем гарантированно потерять клиента.

Приготовления идут полным ходом.

Казалось бы... Я не таскала тюки, не двигала стулья, не разносила подносы с ужином. Я всего лишь наблюдала, как работают другие. Но устала зверски. Я доползаю до домика с удобствами, наскоро умываюсь. Искупаюсь завтра в купальне Кайтера, в путеводители упоминались горячие источники — хочу...

Я доползаю до своей комнаты, сбрасываю платье, забираюсь под одеяло и проваливаюсь в сон, даже не вспомнив о том, кто за стеной. А зря.

Как ни странно, хотя легла я поздно, просыпаюсь на восходе и чувствую себя полной сил, отдохнувшей, готовой к новым свершениям. И открытие кафе, назначенное на вторую половину дня, ни капли не пугает, наоборот я предвкушаю праздник, а уверенность в успехе окрыляет. Я надеваю любимейшее мне «зимнее» платье, поправляю ворот.

А в следующий миг раздаётся вопль:

— Ми-а-у-у!

Откуда здесь сирена?! А, всего лишь Вредик.

Я выскакиваю в коридор. Вопль повторяется в соседней комнате. Не задумываясь, я дёргаю дверь на себя. Маловероятно, но вдруг Вредика обижают?!

— Что здесь происходит?

— Фыр-рь, — жалуется Вредик.

Мда... То ли смеяться, то ли плакать. Вредик не пришёл ночевать ко мне, он нашёл себе другую живую подушку. Или, вероятнее, бродил где-то всю ночь, а в комнату забрался только сейчас. Но не ко мне, а к Яну. Плюхнулся на него, стегнул хвостом, а теперь жалуется, что его скинули на пол. Или сам прыгнул, уворачиваясь?

— Синьорина?

Оу...

Ян сидит на постели, и одеялом скрыты только ноги, и мой взгляд съезжает с его лица ниже, на безупречный рельеф мышц.

— Мря?

— Альян, это мой фамильяр. Прошу прощения за раннюю побудку. Вредик, на выход.

— Мр-ря?

Выход Вредик не нравится, он легко отталкивается от пола и вспрыгивает на кровать, а затем перебирается к Яну под бок, ставит передние лапы ему на колени.

— Вредик.

— Какое точное имя, — хмыкает Ян.

Вредик, наждавшись ласки, пытается карабкаться выше, и Ян сдаётся, запускает пальцы в бирюзовый мех. Вредик отвечает неожиданно громким мурчанием, причём не замолкает, а сворачивается клубочком и продолжает тарыхтеть, как старых холодильник. Предатель! Я, конечно, не всерьёз, но, чёрт возьми, мне Вредик так не тарыхтел.

— Альян, тебя не затруднит?

— Впервые вижу столь непослушного фамильяра.

— Неожиданно. Обычный официант знает, какими должны быть фамильяры. Да и на отборе ты показал себя не так, как все. Впрочем, никакого секрета нет. Вредик воплощённый дух, добровольно ставший моим фамильяром, я не подчиняла его.

— Вот как..., — Ян выглядит слегка напряжённым.

Я пожимаю плечами:

— Не буду мешать. Кажется, вы нашли друг друга.

Закрыв дверь, я поворачиваюсь к лестнице. Вопль Вредика, наверное, всех перебудил, но, увидев меня, все вернулись в свои комнаты. Жди теперь неприятных слухов. Ну и ладно, переживу, лишь бы на деле на отразилось.

Я спускаюсь на первый этаж, прохожу на кухню. Завтрак будет где-то через час, и сама я «добывать» еду, пожалуй, не стану. Начну день с чашечки кофе... Кофемашина готова к работе, зёрна засыпаны. Надо молока долить и дать команду. Хочу капучино. Интересно, сумею я наристовать цветочек?

Раздаются шаги.

Спускается Ян, уже одетый. Вредик пригрелся на его плече и изображает воротник.

— Доброе утро, синьорина.

— Доброе, — улыбаюсь я. — Кофе?

— Хм? Синьорина, напиток в ваших руках не похож на кофе.

— Но это кофе.

Я ставлю чашку перед Яном, и наши пальцы вновь соприкасаются.

Глава 41

Я предполагала, что на открытие кафе явится весь Кайтер, но не предполагала, что действительно весь.

В кафе все желающие просто не поместились бы, поэтому внутренний зал я заранее закрыла, а столики на террасе утыкала табличками «зарезервировано». За столики я приглашу старейшин, и то не факт.

Открытие пройдёт в формате «фуршет», да ещё и под открытым небом — слабое место моего плана. На месте старейшин, если бы я захотела устроить подлянку, я бы призвала дождь, громы, тучи и ледяные ветра. Впрочем, к этому я готова. У меня припасены шарики не только с «консервированной» мерзлотой, но и с погодным куполом, которому четыре часа не страшны ни ураганы, ни бури, ни проливные дожди. Дорогой, зараза — надеюсь, не понадобится.

Проблему с мостом я тоже решила — два карата, и я стала обладательницей спор уникальных водорослей. Если верить описанию Системы, этому миру они неизвестны, но вреда экосистеме не нанесут, так что я с чистой совестью поздно вечером отправила Вредика рассыпать кулёк спор вдоль всего русла.

Водоросли не подвели, вымахали. Стебли, оказавшиеся на воздухе, изогнулись замысловатыми кренделями, распластались по поверхности, переплелись в плотный многослойный ковёр, одервенели, и теперь по ним можно смело шагать, не боясь провалиться, водорослевый ковёр лишь мягко пружинит, почти как надувной понтон. Я прошлась туда-сюда, осталась довольна. А вот Вредик обиделся, что я у него персональный ручей отобрала. Рекой соблазнить не получается — она далековато. Купальнями Кайтера — тоже. Вредик демонстративно надувается и уходит к Яну.

— Добро пожаловать в кафе «Ванильный латте». Латте — наш фирменный напиток, который сегодня я буду рада предложить вам.

В честь открытия за счёт заведения каждому гостю подаётся чашка чая и пышка безе размером с мячик для пинг-понга.

Стройка отгорожена «надувными» перегородками из того же материала, из которого сделаны временные здания. Вдоль перегородок выставлены вазоны с цветущей зеленью. Учитывая, что в Кайтере я подобного не видела, можно быть уверенной, что ко мне будут приходить ещё и ради цветочной оранжереи...

Официанты сносят с подносами — на открытии работают обе смены, но их не хватает. Поэтому в первый день заказать можно из напитков либо чёрный чай, либо латте, а из десертов либо фруктовую корзинку, либо взбитые сливки с шоколадным соусом.

Лен Вайтер бронирует стойки — ажиотаж продлится несколько дней, так что надо брать бразды правления в свои руки и разруливать.

Ян пашет наравне со всеми.

— Добро пожаловать, — скоро язык отсохнет повторять одну и ту же фразу.

— Здравствуйте! Синьорина Катц, а правда, что вы установили арку стационарного портала?

— Правда. Узнать часы работы арки можно у моего управляющего.

— Арка не будет работать круглосуточно? — капризно поджимает губы вопрошавшая.

Ха, как будто арка персонально для неё поставлена. Я улыбаюсь:

— Арка работает круглосуточно, через неё доставляют строительные материалы. Вы же не думаете,

что всё ограничится одним кафе? Скажу по секрету, вас ждёт много интересного, — я поворачиваюсь к новым гостям. — Добро пожаловать в кафе «Ванильный латте».

Какой праздник без музыки?

Эдан пригласил менестреля, но тот появится ближе к вечеру.

Дневная программа — выступление бродячих артистов. Жонглёра на ходулях встречают радостными возгласами, аплодисментами. А я наконец-то могу отойти в сторону и присесть за зарезервированный столик.

В воздух летят чашки. Одна, две, пять... Я сбиваюсь со счёта, а жонглёр умело подбрасывает их одну за другой, ловит, и словно бы вертит составленное из чашек колесо. Фокусник показывает незамысловатые трюки, достаёт из-за уха цветок и вручает одной из адептов.

Передо мной внезапно появляется латте. Я поднимаю голову и встречаюсь взглядом с Яном. Ни слова не говоря, он отходит, торопясь разнести заказы. Я делаю первый глоток.

Открытие кафе, деловая суэта — всё отходит на второй план. Почему мне становится на душе теплее, когда Ян рядом? Увидев его вчера, я будто возвратила невидимый кусочек себя. Очень странное ощущение. Но оно дарит надежду, что у нас с Яном может что-то получиться. Если, конечно, я не принимаю желаемое за действительное. Возможно, он просто внимателен ко мне, как к хозяйке кафе.

— Синьорина, вы позволите?

Рядом со мной останавливается Дана-Филиса Жой.

Прежде чем ответить я делаю ещё один глоток, смакую вкус.

— Пожалуйста, присаживайтесь.

Леди выдвигает для себя стул, опускается напротив.

— Фр-ря? — рядом со мной тотчас появляется Вредик. Видимо, почувствовал враждебные намерения госты лучше меня.

— Чем могу вам помочь, леди?

— Синьорина Ася, всё же расскажите мне, как дела у леди Эшли-Саманты. Она продолжает встречаться с герцогом, да?

М? Какая настырная...

— Разве я не сказала уже, что покинула дом барона?

— Да, но... Послушайте, синьорина, — обращение она выделяет голосом, — помогите мне увидеться с ней.

— Хм? Леди, арка стационарного портала скоро заработает. Вы беспрепятственно сможете посетить столицу.

— Нет, вы не понимаете! — леди шлёпает по столу ладонью излишне громко.

К счастью, гости увлечены выступлением артистов и ничего не замечают.

Зато замечает Ян и моментально оказывается рядом:

— Синьорина, всё в порядке?

— Да. Чай для госты за счёт заведения.

Я хоть и хозяйка, но она леди, по статусу выше. Будь мы тет-а-тет, я бы не слишком беспокоилась о приличиях, однако мы сидим за столиком на террасе, и кто-то невольно увидит. Слухи, что хозяйка не знает азов гостеприимства мне совершенно ни к чему.

Ян приносит чай, ставит его перед леди, легко кланяется сначала ей, потом мне, бросает взгляд на Вредика и отходит.

— Леди, чего же я, по-вашему мнению, не понимаю?

— Вы не можете не знать, что у вашей сестры чувства к герцогу!

— И?

— Помогите им встретиться?

Пазл сложился.

— Леди Жой, почему у меня такое чувство, что вы просите помочь не леди Эшли-Саманте, а себе? Ведь это вам хочется тайной встречи? Давайте уж будем откровенны?

Чашка чая звякает о блюдец, леди Жой стискивает кулаки с такой силой, что костяшки белеют. Я равнодушно наблюдаю за ней.

— Не пойму вас, леди. Стать аристократкой — мечта всей вашей жизни. Вы получили то, к чему стремились. Вам бы думать о том, как сохранить новоприобретённый статус, а вы ищете проблем, леди... Ася. Неужели думали, что я не догадаюсь, кого вижу перед собой?

А кем ей ещё быть? Сюжет не мог поменяться сам по себе, его изменили. И если не я, то вторую переменную в нашем литературном уравнении зовут Талиася, а теперь, после смерти оригинальной леди Жой, Дана-Филиса. Рада убедиться, что Система по-своему честна, Ася получила достойную компенсацию. Ну, по её меркам достойную.

В оригинальной истории Ася довольно быстро выбыла из повествования: совершила преступление, и барон, чтобы спасти свою репутацию, замял дело, а Асю отправил в монастырь. Теперь же вон какие тайны всплывают — Ася стремилась избавиться от сестры не только из-за титула, она тоже влюбилась в герцога. Вероятно, именно из-за него у неё тормоза отказали, ведь раньше она столь активной не была.

— Ты! — она встаёт, будто взгляд сверху вниз ей чем-то поможет. — Я тоже знаю, кто ты!

Я демонстративно морщусь:

— Леди, вы привлекаете внимание. Вы собираетесь раскрыть наш маленький обмен публике?

— Нет, — она садится, несколько раз сжимает-разжимает кулак, зыркает на меня исподлобья. — Почему ты не хочешь мне помочь?

— Помочь в чём? У герцога есть невеста.

— Договорной брак, чувств к невесте он не испытывает, иначе бы не встречался тайно с Эшли.

— Угу. Чувства у него к Эшли. При чём тут ты? С чего ты вдруг решила, что он тебя полюбит? Или ты хочешь их рассорить? Так сказать, «открыть герцогу глаза»? Прости, дорогая, в этом я не участвую. И не надо, пожалуйста, так злобно сверкать глазами. Обмен — не моя тайна.

— Не твоя?

— Наша общая. Я пока плохо разбираюсь в законодательстве Эспарта, но если в общих чертах... Прибегнув к помощи то ли подпольной организации, то ли иностранцев, ты захватила тело почившей леди, присвоила её имя, её положение. Не знаю, как с тобой поступят, но статуса аристократки точно лишат.

— Что же, хорошо. Думаешь, я без тебя не справлюсь?! Ещё как справлюсь!

— Флаг тебе в руки. И раз уж мы откровенны друг с другом, Эшли мне не понравилась, так что мешать я тебе не стану. Но, будь добра, все разборки вне моей территории.

— Ха! — Ася поднимается, поджимает губы. — Спасибо за чай.

— Удачи.

Она тебе пригодится.

Ася уходит. Вредик тотчас ныряет под стол и удирает. Но я не остаюсь в одиночестве. Ян подходит забрать недопитый чай.

— Синьорина, всё действительно в порядке?

— Да. Мелкое недоразумение между девочками, не о чем беспокоиться.

Я допиваю кофе.

Пора встречать менетреля.

Интерлюдия 5 Господин Янер Феликс

Одиннадцатый день, как я не господин Феликс, а простолюдн Альян Дорс, официант в кафе «Ванильный латте». Просыпаться под сопение фамильяра синьорины Тали вошло в привычку.

Вредик... Я с нетерпением жду дня, когда смогу увидеть его сущность, а не пушистую оболочку. Фамильяр должен оставаться подле своего хозяина, а этот дух способен не только уходить на большие расстояния, но и довольно долго не возвращаться. Что-то с ним определённо не так. И с синьориной тоже. На отборе рядом с ней я чувствовал зуд во внешнем слое ауры, как будто где-то неподалёку появилась Лыдинка, но здесь, в Кайтере, я больше подобного не ощущаю... Хотя не могу не признать, что чувствую необъяснимую тягу к синьорине. Я просто не могу её игнорировать.

Я спускаюсь на первый этаж.

Пить кофе на восходе тоже вошло в привычку.

Я беру две чашки, ставлю под краник кофеварки. Вот ещё загадка — откуда у хозяйки этот уникальный артефакт? А откуда она знает рецепты? По пустому залу разливаются запахи кофе. Я дожидаюсь, пока последние капли упадут в чашку и рисую на молочной пенке цветок для синьорины и спиральку для себя.

Расположив чашки на подносе, я выхожу на улицу. Синьорина, как всегда, сидит за крайним столиком террасы, жмурится на восток, встречает встающее из-за горизонта солнце. Золотые лучи играют в русых волосах, отчего возникает иллюзия чистого сияния. Пожалуй, за прошедшие дни я понял, что люди подразумевают под красотой оболочек. Тали красива... Сейчас я не могу видеть её энергетическую структуру, но мне всё равно приятно на неё смотреть. И почему-то мне кажется, что её аура будет ещё более прекрасна, чем её внешняя красота. Как у Лыдинки? Я не забыл дочку барона, Тали её затмила.

Я ставлю чашки:

— Доброе утро, синьорина Тали, — пока мы наедине, я могу называть хозяйку «домашним» именем. Когда на завтрак спустятся остальные, мне придётся вернуться к отстранённому «синьорина Катц».

— Доброе, Ян.

Она сократила «Альян», и получилось моё настоящее имя...

Мы молчим, пьём кофе.

И когда последний глоток сделан, я спрашиваю:

— Вам удалось освоить «светлячка»?

Тали умудряется не только руководить кафе, проверять ход строительства, но и учиться в Кайтере. Жаль, я не могу ей помочь. Как я объясню ей свои знания? Если бы у меня было моё зрение, я бы смог увидеть, что именно у неё не получается, направить...

Она улыбается, щёлкает пальцами, и в воздух взвивается золотистая, как солнечный луч, искорка. Я не знаю этого заклинания, тому, кто видит течение энергий, свет и тьма незнакомы, но даже мне понятно, что искорка слаба и почти бесполезна. Много ли она даст во мраке ночи?

— Поздравляю, синьорина.

Тали вновь щёлкает пальцами, и вверх взвивается целый сноп искорок. Они медленно тают, гаснут.

— Вам идёт, — хмыкаю я. Что ещё сказать?

Тали улыбается шире. Значит, мои слова пришлись ей по вкусу. Раньше я недоумевал, люди могут понимать настроение собеседника, ведь оболочки полностью подконтрольны сознанию. Теперь научился... Нельзя исключать, что Тали показывает ложную реакцию, но всерьёз задуматься об этом не получается. Чутьё говорит, что Тали искренна.

Закончу дело, подам в отставку и приду сюда, но уже как гость.

Подарить Тали розы? Пригласить в театр?

— Ян?

— Задумался.

— Надеюсь, о чём-нибудь хорошем?

Тали не ждёт ответа, она умеет быть удивительно ненавязчивой. Она поднимается, сладко тянется, и расслабленность из её позы пропадает. Неуловимое мгновение, и юная синьорина преобразается в требовательную хозяйку кафе. Уборщица должна уже закончить приводить в порядок зал, и синьорина Катц идёт проверять её работу. А я вспоминаю, что сейчас я официант. Я ставлю грязные чашки на поднос и несу на кухню.

Начинается рабочий день.

С двумя короткими перерывами и одним длинным, обеденным, рабочая смена длится до самого вечера. Не скажу, что я устаю. Скорее, утомляют скучающие гости кафе. Постоянно приходится напоминать себе, что я официант и должен быть гостеприимным и предупредительным.

Даже с почти полностью подавленными способностями, я ощущаю к этим леди и синьоринам удушающее отвращение.

Рабочий день заканчивается, и завтра у меня выходной. Я не вернусь в столицу, никогда не возвращаюсь. Завтра я проведу свой день в комнате, отсыпаясь после вылазки в Кайтер.

Ночью же... Около полуночи я перехожу по водорослям ручей, пересекаю пустырь и через лазейку, найденную неделю назад, проникаю в здание академии.

Погибла дочь графа, вернувшаяся домой после обучения в Кайтере. Преступника найти до сих пор не удалось, а единственной зацепкой остаётся странный след в магическом фоне спальни убитой. Собственно, след давно развеялся без остатка, я видел лишь неумело сделанное изображение. Нет, для мага, не имеющего зрения демонов, сделано превосходно. Жаль, что сразу меня не вызвали: поскольку убитая леди, работала дознавательница. Опознать чары не удалось даже приблизительно. Не будь леди дочерью графа, дело давно бы признали нераскрытым. Ха...

Мне предстоит проверить весьма сомнительную гипотезу: убийство леди связано с её обучением в Кайтере. Моя задача — отыскать похожий след в магическом фоне.

Ориентироваться приходится на ощущения. Каждый раз пить антидот, затем, ближе к утру, вновь глушить свои способности — очень плохая идея. Приходится обходиться тем, что есть.

Я обыскал Кайтер с крыши до фундамента, не нашёл ничего. И лишь один коридор вызывает сомнения. Я добираюсь до развилки, останавливаюсь, прислушиваюсь. Кажется, выпить антидот всё-таки придётся. Я достаю флакон размером с мой мизинец, выдёргиваю крышку, залпом проглатываю горькую жидкость.

Ледяная змея, свернувшаяся где-то в желудке, рассыпается жалящими сосульками. Я пережидает неприятную минуту, и ко мне возвращается привычное тепло. Мир вокруг расцветает. Как же это прекрасно — быть зрячим.

Глупость величайшая, но я рискну вернуться зрячим в кафе. Я хочу увидеть, какая Тали на самом деле...

Кстати, моя аруа уже очистилась от энергии Льдинки? По времени — уже пора. И то, что я почти не вспоминаю Льдинку — хороший признак. Я вытягиваю руку. Диагностировать само себя трудно, нужен взгляд со стороны. Но пока... Что?! Я закрываю глаза, мысленно считаю до трёх, открываю.

Как это возможно?! Энергия Льдинки не выветрилась, а, наоборот, въелась в мою аруу глубже, как будто её специально втирали. Втирали... А ведь фамильяр Тали не просто так рядом со мной кружил.

Демоны.

Но ведь Тали не может быть Льдинкой? Я решил так, потому что синьор Катц ни за что бы не доверил бедной родственнице рискованный проект, требующий очень серьёзного финансирования. Но мои ощущения говорят об обратном! И Брайс пытался меня предупредить, а я запретил ему говорить. Демоны!

Тали, определённо, с меня букет роз. Я хочу пить с тобой кофе каждое утро.

А пока... Способности полностью восстановились, я в считанные минуты нахожу рычаг, открывающий проход в тайный зал.

Кайтерское сестринство надёжно хранит свои секреты. Наивно думать, что старейшины обучают адептов всему, чем владеют сами. Секреты открываются лишь тем девушкам, которые вступают в сестринство. Младшие сёстры продолжают получать уроки в тех же учебных комнатах, где обучаются остальные, непосвящённые, адептки. Но для особых уроков должно быть тайное место. И я его нашёл.

Но о победе говорить пока рано, надо разобраться с тем, что я вижу.

В зале старые и новые следы накладываются друг на друга, перемешиваются. «Прочитать» их уже невозможно, но можно понять главное — если бы один из этих следов попытался нарисовать тот же специалист, который рисовал след в спальне убитой дочери графа, изображения получились бы похожими.

Действительно, замешан Кайтер.

Я осматриваюсь, стараясь запомнить каждую мелочь.

Но что это за магия? Никак не могу понять...

— Демон.

Я оборачиваюсь на звонкий, похожий на весеннюю капель, голос.

— Фея.

Малочисленная раса, которую за последнее тысячелетие раз двадцать признавали полностью вымершей. Отнюдь, феи не только не вымирают, но и прекрасно себя чувствуют. Теперь ясно не только, что за странная магия, но и почему в Кайтер не принимают мужчин. У фей рождаются исключительно дочери, и мужчин феи не считают достойными обучения.

— Демон, у тебя есть разрешение находиться в моём доме?

— Нет.

— Значит, я могу воспользоваться данным мне Коронай правом убить тебя?

— Да.

Мы оба знаем правду. По большому счёту разговор не имеет смысла, это лишь способ потянуть время. Фея думает, как меня лучше убить. Я думаю, как спастись. И надо признать, что у феи преимущество. Расовое. Они способны управлять куда более тонкими потоками энергии, чем демоны.

Я закрываюсь щитом, закрываю свою ауру.

Фея смеётся, смех, похожий не перезвон колокольчиков, заполняет зал. Фея в мгновение оказывается в шаге от меня. Она проходит сквозь мой щит, будто его и нет вовсе, вторгается в мою ауру, и вместе с ней приходит боль.

Я лишь успеваю осознать, что падаю навзничь, и что это конец.

Глава 42

Никогда не думала, что Вредик разбудит меня посреди ночи так варварски: стянет одеяло на пол и прыгнет мне на живот.

— Больно, изверг!

— Мр-ря-а-а..., — тянет Вредик тихо и невыносимо отчаянно.

— Что случилось? — подскакиваю я, быстро натягиваю первое попавшееся платье.

Вредик хватает меня зубами за подол и тянет. Я послушно следую за ним. Убедившись, что я поняла, что от меня требуется, Вредик отпускает меня и уносится вниз по лестнице. Я догоняю.

Мы выбегаем из кафе через главный вход. Чёрный ход ночью освещён — за кафе домик «удобств». С фасада света нет. Я пробую вызвать искорку, но она слишком быстро затухает, толку от неё нет.

— Мря!

— Бегу!

Я решаюсь. Пустырь ровный как дно сковороды. Мелкие камешки — не страшно. Вредик указывает путь. Он мог бы бежать быстрее, но приноравливается к моей скорости и предупреждает, когда надо быть особенно осторожной.

Мы бежим в Кайтер? Но зачем? Страшная догадка пронзает молнией:

— Ян?!

— Мря!

Кафе оказалось недостаточно?!

Калитка открыта, я свободно вхожу. Чтобы попасть в здание приходится повозиться. К счастью Вредик находит лазейку. Мы идём по коридорам, спускаемся вниз. Лестница оказывается неожиданно длинной. Из-за темноты считать этажи не получается, но я понимаю, что мы ушли на несколько уровней под землю. Разве подземелья не закрыты от адептов? Сердце бьётся часто, гулко, мне не хватает дыхания. Мне страшно. Но я, стиснув зубы, иду вперёд. Я доверяю Вредик. И... я очень хочу спасти Яна.

Раньше он был для меня полюбившимся книжным персонажем, потом он стал для меня якорем, подарившим ощущение стабильности и не позволившим расстаться с Системой. Я не жалею... За промелькнувшие, как одно мгновение, дни Ян стал мне по-настоящему родным и дорогим. С ним можно болтать обо всём на свете, он серьёзно относится к моей учёбе. Хотя мои потуги первоклашки для него должны выглядеть смешно, он старается помочь настолько, насколько позволяет его легенда. Я оценила словно случайно заданные вопросы, в самой формулировке которых спрятаны если не ответы, то подсказки. Яна нельзя назвать романтичным, хотя кофе на восходе что как не романтика? Меня тронула ненавязчивая, почти незаметная, если не присматриваться, забота, которой меня окутал Ян. Он следит, чтобы я не забывала про обед на обеденном перерыве, берёт на себя трудных клиентов, всегда вызывается помочь, хотя работа не входит в круг его обязанностей, поддерживает добрым словом, часто напоминает, что у меня получится всё, что я захочу.

Мне хорошо рядом с ним, а ему, я заметила, со мной. Иначе бы он не приходил каждое утро. Как я могу допустить, что потеряю его? Нет, не так. Как я могу допустить, что такой хороший человек погибнет?

Лестница кончается, Вредик ведёт меня по коридору.

Ему приходится снова взять в зубы мой подол и тянуть в нужную сторону, в крошечной тьме подземелья я слепа.

Я не знаю, сколько мы бежим. В какой-то момент Вредик останавливается, отпускает меня. Я слышу, как он шуршит рядом, что-то обнюхивает.

— Фр-р, — шипит Вредик на грани слышимости.

Чувствительный кусь за ногу, и до меня доходит, что Вредик просится на руки, я поднимаю его.

Вредик что-то вынюхивает в швах каменной кладки, а затем уверенно показывает, куда именно мне следует нажать. Я без раздумий выполняю команды. Думать не хочу, что будет, если я попадусь. Раздаётся приглушённый щелчок, камни под ладонями продавливаются вглубь стены, а затем сдвигаются влево. Открывается проход. Я не могу понять куда я попала.

— Мря! — Вредик чуть ли не плачет.

Раз он не боится шуметь... Я, наконец, вспоминаю, что я девочка из технического мира, и у меня есть такая чудесная вещь, как мобильник. А мобильник — это не только интернет и калькулятор, но и фонарик!

Мобильник откликается мгновенно. Пятно света прыгает по стенам, потолку, полу. Я догадываюсь, что попала в какой-то зал.

— Мря!

Я навожу луч на голос Вредика.

— Ян!

Я бросаюсь к нему, падаю на колени, ушибаюсь, но не чувствую боли.

Ян лежит на полу боку, тяжело дышит. Глаза закрыты, будто он спит или без сознания.

— Эй?

Я касаюсь его плеча, пытаюсь разбудить, но Ян никак не реагирует.

Чёрт.

— И чем я могу помочь?

— М-ря-а, — жалобно поскуливает Вредик.

Иногда речь просто незаменима.

По телу Яна пробегает волна мелкой дрожи.

Я ничего не знаю о магии... Может быть, в каталоге Системы есть что-то подходящее? То есть оно, без сомнения есть, хватило бы карат. Но как подобрать лекарство, не зная диагноза? На универсальный исцеляющий эликсир оставшихся у меня карат точно не хватит. Волна дрожи повторяется, я притягиваю Яна к себе. На глаза наворачиваются слёзы и неудержимо падают на его лицо. Ян вздрагивает:

— Льдинка, — голос слабый, едва слышимый.

— Ян?!

Нет, он всё так же без сознания, но смог узнать меня даже в бреде.

Вредик подскакивает, возмущённо фыркает, бьёт меня лапой.

— Что я могу сделать? Вредик, я очень хочу. Но я тебя не понимаю, — я всхлипываю от осознания собственной беспомощности и бесполезности.

— Фр-р.

Ещё одни удар лапой, а затем Вредик подаётся вперёд и кусает меня за палец.

— Что это значит?

— Фр-р-р!

Вредик слизывает мою кровь, но не сглатывает, а пытается нарисовать на полу круг. Ничего не получается, зато до меня доходит:

— Яну может помочь фамилляр, но его надо пригласить!

— Фра!

Ура!

Радость быстро меркнет — чертить-то мне нечем. К счастью, у меня всё ещё есть мобильник. Каталог по запросу вываливает мне сотни тысяч вариантов. Я ставлю сортировку по цене от дешёвого к дорогому и выбираю мелок за два карата. Заявлено, что это особый мел, поможет направлять энергию. Для меня же главное, что он оставит на полу чёткую линию.

Со счёта списываются караты, в воздухе сгущается знакомая воронка, чернота с россыпью разноцветных похожих на звёзды точек вращается всё быстрее. Вихрь выплёвывает мне на ладонь заказанный мелок.

Я обеспокоенно кошусь на Яна — как он? Дышит. Хрипло, надсадно, но дышит.

Сверяясь со схемой, я повторяю чертёж. С Вредиком было проще — я расположила на экране мобильного лист и обводила просвечивающие линии. Сейчас сложнее, но я обязана справиться. Я четырежды проверяю схему. В первый раз нашла неправильно изогнутый завиток. Во второй раз сообразила, что приглашаю духа к себе, а надо к Яну. Стираю участок, переделываю. В третий и четвёртый разы — ни единой ошибки.

— Вредик?

— Мря-а...

Поняла, надо быстрее.

Я прикрываю глаза, делаю глубокий вдох, выдыхаю. Прежде всего надо обрести хотя бы подобие спокойствия.

— Вредик, присмотришь?

Не дожидаясь ответа, я сосредотачиваюсь на окружающем пространстве. За прошедшие дни я довольно неплохо научилась чувствовать магию. Если сравнивать с полным отсутствием навыка — неплохо. Любой практикующий маг, услышав моё заявление, хохотал бы до слёз.

Магия разлита вокруг, и в зале её особенно много, я стягиваю энергию к себе, стягиваю так много,

как могу. Вредик прижимается ко мне и помогает, но он не может активировать призыв вместо меня. Я пропускаю магию через себя. Снова это ощущение, что меня распирает изнутри как переполненный воздушный шарик. Я стискиваю зубы. Ради Яна я и не такое потерплю. Магия собрана, и я направляю её в чертёж, сила растекается по линиям. Система не обманула, линии, начерченные мелком из каталога, не просто направляют, но словно притягивают энергию.

Чертёж, как и в прошлый раз, наливается светом, но сейчас гораздо более ярким. Я невольно щурюсь.

Ну же!

Рисунок вспыхивает ослепительным белым светом.

Проморгавшись, смотрю. Как и в прошлый раз, рисунок исчез, на полу остались лишь меловые разводы.

На груди у Яна расположился кто-то непонятный. Вытянутое тело, пушистый мех.

— Фью! — обеспокоенно засвистел дивный дух.

Как с Вредиком я поняла, что он самец, так и сейчас понимаю, что Яну досталась самочка. Она в мгновение перебирается к его лицу, тыкается носом куда-то в подбородок, недовольно чихает, сдвигается в бок. Она укусила его за ухо? Оу... Но я вижу главное — белая световая нить соединяет её и его. Ян стонет.

Девочка, пока Ян не даст ей имя, буду звать её так, перебирается ему на грудь.

— Фр-ру, — Вредик успокаивающе трётся о мою руку.

Что делает девочка, я понять не могу. Наверное, нужно смотреть магическим зрением, только я его не освоила и до освоения мне далеко.

Но я замечаю, что Ян перестаёт дрожать, расслабляется. Я тоже расслабляюсь. Подбираюсь ближе. Девочка не протестует, и я укладываю Яна к себе на колени, обнимаю.

— Лыдинка, — бормочет он.

— Всё хорошо, я рядом.

На его губах появляется слабая улыбка.

Девочка возится, посвистывает. Иногда она начинает светиться зеленоватым светом. Наконец, она успокаивается и сворачивается клубком. Вредик, напряжённо за ней наблюдавший, устраивается у меня под боком, фыркает.

Ещё бы понять, кто Яна ранил...

Я не знаю, сколько времени проходит, Ян открывает глаза, взгляд осознанный:

— Лыдинка?

Глава 43

— С возвращением.

Его глаза ярко горят зелёным светом. Ян больше не видит моего лица, зато он видит мою сущность. Я протягиваю руку, провожу по его щеке. Ян улыбается, целует мои пальцы.

— Лыдинка... Тали...

— Как ты?

— В порядке.

Не верю, но и уличать во лжи не буду.

Я снова провожу кончиками пальцев по его щеке. Ян не вырывается, позволяет прикасаться, но разнежиться не даёт:

— Тали, как ты могла меня спасти?

— А что с тобой случилось? — отвечаю я вопросом на вопрос.

Наверное, не время и не место допытываться, но раз Ян пока не пытается встать, то почему бы и не спросить?

— Фея.

— М? — в «Фаворитке герцога» они не упоминались, в тех главах, которые я успела прочитать.

— Да, феи. Ты не знаешь о них? Если демоны ближе к людям, то феи — к духам. Твой Вредик... Он ведь создал себе тело из чистой энергии. Воплотился. Феи же способны на время отказываться от тела, приподниматься до уровня духов. Я помню, она прошла насквозь. Я должен был умереть. Тали, ты ведь не фея, ты не могла восстановить мою энергетическую структуру. Не после того, как она смяла, разорвала мою ауру.

— Это не я, это высший дух.

Ян мотнул головой:

— Вредик твой фамильяр, он бы тоже не мог.

— Познакомься, — хмыкаю я.

Девочка, посапывавшая у Яна на груди, развернулась, приподнялась на лапках:

— Фью.

— Я пригласила, и она откликнулась.

— Фью, — подтверждает девочка и, как настоящая женщина, тянется за поцелуем.

Ян смотрит на неё в лёгком ступоре, и девочка берёт инициативу в свои... лапы, тыкается носом в подбородок Яна.

— Тали...

— Мне кажется, нам надо отсюда выбираться.

— Угу. Да, надо. Тали...

— Да?

Ян хмурится, я терпеливо жду, и Ян выдыхает:

— Тали, выходи за меня замуж?

Вот просто «выходи»? Сердце бешено стучит. Я не ожидала предложения, тем более не ожидала его сейчас. Сомнений у меня нет. Возможно, Ян не самый лучший дознаватель, зато, я абсолютно уверена, для меня он самый лучший мужчина. Рядом с ним я чувствую себя счастливой. Ян дарит мне чувство защищённости и уверенности. Мир рухнет, но Ян будет со мной. Губы расплзаются в счастливой улыбке.

— Ч-что?!

Звонкий голос бьёт по ушам. Я рывком оборачиваюсь.

В дверном проёме стоит... фея? Тонкая, хрупкая, на вид совсем молоденькая. Рыжевато-русые, похожие на жидкое золото, волосы собраны в конский хвост. На белокожем лице выделяются горящие синевой глаза. Губы пухлые, сладко-розовые. Почти что куколка. И одета кукольно: летящее белое платье, расшитое цветами. У старейшин и наставниц наряды похожи, но грубее.

Я поднимаюсь.

— Новая ученица. Тебе стоит уйти.

Жаль терять академию...

— Хорошо. Вместе с Яном.

— Ты не в том положении, чтобы ставить условия.

Я тоже так думаю.

Ян поднимается, не позволяет мне закрывать его собой, встаёт справа от меня на небольшом расстоянии. Если фея ударит снова, то зацепит только его.

— Пусть ученица уйдёт.

Тю, я узнала слишком много. Из академии меня живой не выпустят.

— Мы уходим вместе.

— Тали!

— Да, я согласна выйти за тебя замуж.

Кто моим словам удивляется больше, фея или Ян, я не знаю. Воцаряется тишина, которую разбивает фея.

— С тобой я потом разберусь, невеста.

Фею окутывает синий туман, а сама она словно начинает в нём растворяться. Временное развоплощение, о котором говорил Ян?

— Мр-ря?

— Фью-у?

Фамильяры слаженно выходят вперёд и застывают в позах, готовые к броску. Вредик прикрывает меня, девочка — Яна. Вредик не ждёт атаки феи, мягко продвигается вперёд, скалит зубы. По залу прокатывается хоровое рычание.

— Высшие духи?!

Синева меркнет, а фея словно непроизвольно отступает на шаг. Вредик же продолжает наступать. Фея уже откровенно пятится.

— Мы можем уйти? — спрашиваю я.

Фея скрывается за стеной.

Я поворачиваюсь к Яну, не ожидаю, что он уже рядом и налетаю на него. Неловко получилось. Я едва не падаю, Ян удерживает меня, притягивает к себе, и я замираю в его объятиях. Я тянусь к нему всей душой, и мне начинает казаться, что я действительно отдаю душу. Нет, не отдаю. Ян тянется навстречу точно также, и отдаёт мне себя.

Меня захлестывает чувство невероятного единения.

Ян наклоняется, наши губы соприкасаются, и я окончательно забываю обо всём на свете, пока Ян не напоминает:

— Нам надо уходить.

Надо...

Где-то там сбежавшая фея наверняка готовит гадость. Нам не стоило задерживаться.

— Фью, — девочка преграждает нам путь, её фея явно не беспокоит. — Фью!

Я кошусь на Вредика, он спокоен, бежать сломя голову не призывает, на девочку поглядывает снисходительно, ждёт.

Ян присаживается на корточки, протягивает ладонь. Девочка моментально тыкается в неё носом, чихает и быстро вскарабкивается на рукав, выше не ползёт, и понятно почему — Ян её поднимает, устраивает удобнее у себя на плече. То ли совпадение, то ли у меня судьба притягивать дивных поганцев. Характер у девочки по вредности явно не уступает Вреднику. Удружила я Яну...

На девочку я смотрю с лёгкой завистью — я тоже хочу на ручки. Только ей можно, а мне здравомыслие не позволяет. Ян хотя и старается показать, что он в порядке, я вижу, что это далеко не так.

Я подсвечиваю нам путь мобильником.

Придётся как-то объяснить или достаточно сказать, что у меня волшебный фонарик? Это даже не ложь, хотя Ян всё равно почувет, что я умалчиваю. Ладно, потом разберёмся.

Вредик прыгает впереди, указывая путь.

Мы идём по коридорам. Никто не чинит препон, и с каждым шагом я нервничаю всё больше. Видимо, гадость будем грандиозная. Уже у самой лестницы Вредик вдруг останавливается, издаёт низкое горловое рычание. Девочка тоже беспокойно приподнимается. Я останавливаюсь. Ян успокаивающе приобнимает меня за талию, всматривается вперёд. Я предусмотрительно развеиваю мобильник, чтобы не помешал. Интересно, каким его Ян видит?

— Вы действительно полагаете, что нас это остановит? — спрашивает он у пустоты.

— Могло ведь и получиться, — раздаётся звонкий голос, и по лестнице спускается давешняя фея, а вслед за ней...

Почти наверняка они тоже феи, их роднит хрупкое телосложение и юный вид. Считаю «нашу», пять фей. Они полностью перекрывают выход из подземелья. И ни я, ни Ян им не соперники. Высшие духи — да. Но расклад количественно в пользу фей: двое против пятерых.

— Ученица, кажется, ты не поняла, что у нас не получилось? — с улыбкой спрашивает куколка-блондиночка, стоящая рядом с похожей на неё как две капли воды, не считая цвета волос, куколки-брюнеточки.

— Это важно? — беззаботно удивляюсь я.

— Тали, видишь тонкие серебристые линии? — вмешивается Ян. — Паутина паука-духоеда. Странный выбор. Подобная ловушка опасна для низших духов. Если в неё попадёт высший, он легко вырвется. Или вы чем-то смазали нить?

Найти в каталоге фумигатор, только от фей? Действенный наверняка дорогой...

Ян вскидывает руку, и паутина исчезает во всполохе магии.

— Неплохо, — хмыкает одна из фей. Не похоже, что она расстроена.

— Мы не терпим, когда вмешиваются в наши дела.

— Вы совершили убийство одной из выпускниц, — спокойно возражает Ян.

Феи вразнобой качают головами.

Объяснение даёт «наша»:

— Нет, это не совсем так. Выпускница, о которой вы говорите, поклялась вступить в наше сестринство и стала нашей младшей сестрой. Мы предупреждали её, что обратной дороги не будет, однако она отправилась повидаться с родными и не вернулась. Её убила клятва.

— Зачем вы мне это объясняете? — хмурится Ян.

— На вашей стороне два высших духа. Мы не сможем вас удержать.

— Только что вы собирались их ловить.

— Но у нас не получилось, — пожимает плечами фея.

Вот это логика, однако. Сначала едва не убили за вторжение, теперь попытались поставить ловушку, а когда вариантов не осталось, ведут светскую беседу, как ни в чём ни бывало. Лично у меня чешутся руки стереть с их кукольных мордашек эти приторные улыбки.

— Теперь, когда главная тайна Кайтера раскрыта, одна из нас отправится в столицу. Вы можете идти.

Ха! Можем... Я до последнего ожидаю удара в спину.

Мы поднимаемся по лестнице, оказываемся на первом этаже, выходим под открытое небо через главный вход. Феи не преследуют нас, и мы беспрепятственно выходим через калитку. Это всё ещё ничего не значит, но мы также беспрепятственно доходим до ручья, переходим его по водорослям.

— Тали, спокойней, они отпустили нас.

Мне хочется сказать про фей пару ласковых, но я сдерживаюсь.

Неужели, правда, всё?

Я не верю феям, но я верю Вредуку, всё ещё безымянной девочке и Яну.

Небо посветлело, восток залит алым. Когда мы останавливаемся у столиков террасы, близится восход. Первые золотые лучи уже озаряют рассыпанные у горизонта облака. И в свете зарождающегося дня особенно заметно, насколько бледен Ян.

— На первом этаже есть свободная комната, — предлагаю я.

— Тали, я просто немного устал.

— Фью?

Лично я с девочкой согласна, но и спорить с Яном не собираюсь.

— Тогда как насчёт завтрака?

Я усаживаю Яна за стол, и он не противится. Значит, устал гораздо больше, чем пытается мне показать. Оставив его под надёжным присмотром девочки, я уйду на кухню. Готовить что-то? Долго. Мне кажется, чем быстрее Ян ляжет спать, тем лучше. Умная кофемашинка делает две порции горячего шоколада. У меня вот-вот рабочий день начнётся, и я бы предпочла кофе, но нет уж, будем одинаковые напитки. Я отрезаю два толстых ломтя ветчины, кладу на хлеб, сверху накрываю кусочками сыра. Сойдёт.

Выношу.

Ян сидит, а скорее лежит, уткнувшись лбом в скрещенные на столешнице руки.

— Я не сплю, — вздрагивает он при моём появлении.

Я вздыхаю, сажусь напротив:

— Не спишь, — пододвигаю Яну чашку.

Наши пальцы снова соприкасаются.

— Тали, я хочу, чтобы каждый следующий восход мы встречали вместе...

Каждый?

— Я тоже этого хочу...

Звучит как признание, но на меня накатывает горечь. Хорошо, что Ян не в том состоянии, чтобы отследить изменение моих эмоций.

Что ждёт обычных людей, пусть и наполовину демонов? Радости и горести напололам, жизнь рука об руку, приближение старости, закат жизни. Кто-то уйдёт первым, кому-то предстоит хоронить и оплакивать, но вскоре он тоже уйдёт, и двое обретут вечный покой в одной спальне на двоих. Я не знаю, что происходит после смерти, но могу догадаться, что души забывают прожитую жизнь, они возвращаются в мир и начинают с чистого листа, без памяти, без прошлых привязанностей.

Я же обречена помнить. Я не знаю, сколько перерождений меня ждёт, но я знаю, что мне предстоит помнить каждое из них.

Хуже, мне предстоит жить, зная, что однажды я потеряю Яна навсегда.

— Тали?

Кафе просыпается...

— Пойдём наверх?

— Да.

Мы поднимаемся, и как-то само собой получается, что вдвоём заходим в комнату Яна. Он сразу же садится на кровать, скидывает обувь. Девочка перебирается на подушку. Интересно, они теперь с Вредиком вдвоём будут топтаться по Яну, или Вредик вернётся ко мне?

Я забираю у Яна верхнюю одежду, рубашку. Он ложится на бок и засыпает мгновенно. Я укрываю одеялом, присаживаюсь на край кровати и, не удержавшись от соблазна, провожу по его волосам. Ян не просыпается, но улыбается во сне, и я ненадолго остаюсь рядом.

Для меня ночь тоже выдалась тяжёлой, и я уйду к себе подремать пару часов. Скидываю платье, падаю в кровать. Мобильник прыгает в руку, и я тянусь выставить будильник. Привычный жест из

прошлой жизни. Я не позволяла себе опаздывать на работу... Но я ведь хозяйка. Лен Вайтер возьмёт на себя управление, к тому же ничего срочного не требуется. Я развеиваю мобильник.

И, подумав ещё немного, решаюсь на хулиганство. Я возвращаюсь в комнату Яна, и хотя постель довольно узкая, забираюсь к нему.

Ян во сне выдыхает моё имя, поворачивается. Я оказываюсь зажата между ним и стеной. Ян удовлетворённо затихает, уткнувшись носом мне в плечо, и я сама не замечаю, как засыпаю, чтобы проснуться от щекотки. Я нехотя открываю глаза. Мда... Девочке надоело сидеть там, где она сидела, и она втиснулась между нашими головами. На умильной треугольной мордочке жёсткие усы. Впрочем, Яну тоже досталась порция «ласки». Проснувшись, он приподнимается на локте:

— Так теперь всегда будет?

— Фью? — с негодованием подскакивает девочка.

Хмыкнув, Ян проводит по бурому меху спины, и девочка моментально успокаивается.

Я про себя вздыхаю. Похоже, Ян прав: выгнать из кровати никого не получится. Вредик облюбовал подушку давно и надолго, можно сказать, первым к Яну забрался, если не считать ночи в доме барона. Девочка точно не уйдёт. Я... ха! Так что, разве что Ян не выдержит и от нас троих сбежит.

— Как её зовут? — спрашиваю я, устраиваясь поудобнее.

— Сводя.

— Фью?

— От «сводница». Скажешь, нет? Тали, пока мы спали, эти двое подстегнули слияние наших аур. Поздравляю нас, по меркам демонов мы женаты.

— Мр-ру-у, — Вредик подставляет бок.

— Фью-у, — подхватывает Сводя.

— Тоже поздравляете? — я понимаю их всё лучше и лучше. — Ну, спасибо.

Я выбираюсь из-под одеяла, подбираю с пола платье, надеваю. Чтобы выйти в коридор сойдёт, а похорошему надо привести себя в порядок и сменить вчерашнюю одежду на свежую. Оставив Яна с фамильярами, я сбегаю в домик «удобств».

И, посвежевшая, выхожу в зал кафе. Надо же проверить, как без меня идёт работа. Время — вторая половина дня, обязательные занятия в Кайтере давно закончились, и зал... не битком, но свободных мест мало. Я здороваюсь с Леном Вайтером, жестом подзываю одного из официантов и распоряжаюсь на один из столиков поставить табличку «зарезервировано», а потом подать что-нибудь питательное, но не слишком тяжёлое на двоих. И кофе.

Я оглядываю зал...

Кайтер — территория женская, как выяснилось, фейская. Любой гость-мужчина априори привлечёт внимание, иначе бы я вряд ли заметила сидящего в углу герцога. Кадка с толстым фикусом прикрывает его от любопытных взглядов, но я герцога узнаю, всё же относительно недавно на аукционе видела. Рябом с ним, кто бы сомневался, леди Эшли-Саманта.

Неужели Ася каким-то чудом соблазнила их прийти? Просила же — не у меня в кафе разборки устраивать! Интересно, а сестрёнка знает, в чьё кафе явилась?

Ладно, сделаю вид, что ничего не видела. Может, посидят и уйдут? Наивная надежда...

Только сцену устраивает отнюдь не Эшли.

В дверях воздвигается широкоплечая фигура, заслоняющая большую часть проёма.

— Дочка!

Чёрт, почему именно сейчас?!

В зал широким шагом хозяина жизни входит барон. Смотрит он на меня. Видимо, обращался он ко мне. Ха, как у меня появились деньги и положение, так он вдруг решил забыть, как выгнал меня из дома, и вспомнить о нашем родстве? Серьёзно.

— Мря? — вместе со мной изумляется Вредик.

Барон переводит взгляд на него, его глаза вспыхивают магическим светом.

— Ох?! — поражается барон.

Теперь ещё и бесценного фамильяра увидел...

— Фр, — брезгливо кривится Вредик.

— Дочка! — с утроенным энтузиазмом восклицает барон, его громогласный бас разносится по всему залу.

Не успевшая заметить меня, Эшли принимает восклицание на свой счёт:

— Папа?

Глава 45

— Ваша дочь вон за тем столиком, — указываю я с улыбкой.

Не смогла сдержаться.

Барон медленно поворачивает голову, находит взглядом привставшую Эшли, замечает подле неё герцога и темнеет лицом. Я предусмотрительно отступаю, чтобы не оказаться сметённой папашей, у которого едва ли дым из ушей не валит. Позабыв обо мне, барон надвигается на свою законную дочь.

— Ты!

Эшли бледнеет, падает обратно на стул.

Я оглядываюсь в поисках Лена Вайтера, но он, как назло, отчитавшись, сбежал проверять ход строительства. Чёрт, у меня приличное кафе для юных леди и синьорин, я не нанимала вышибал. Как я должна выставить барона? Или... Если нельзя сцену пресечь, то её можно превратить в реалити-шоу:

— Почему барон Дагир так удивлён? — негромко спрашиваю я, будто обращаюсь сама к себе, но так, чтобы адепки за ближайшими столиками меня слышали. — Разве он не знал, что его дочь встречается с герцогом?

Девочки моментально подхватывают, и кто-то узнаёт герцога:

— Но ведь официально он жених Аники-Лиры!

— Какой скандал! — с восторгом выдыхает одни из наставниц, тоже полюбившая моё кафе и мой фирменный ванильный латте.

Эх, мне бы попкорн.

— Неблагодарная! Профурсетка!

Герцог поднимается, встаёт перед бароном, закрыв собой Эшли:

— Хотя мы и нарушили правила приличия, выбирайте выражения и умерьте ваш тон, барон.

— О? Герцог, может быть, вы собираетесь взять на себя ответственность?

— Я связан обязательствами с другой леди, но я...

— Немыслимо! — перебивает барон. — Вы совратили мою дочь и отказываетесь принять на себя ответственность. Похоже, мне следует обратиться в Королевский суд.

— Барон, я готов жениться на вашей дочери, но прежде мне нужно уладить дела с разрывом действующего брачного договора.

— Хм.

Драки не будет?

Мужчины меряются взглядами. Барон выше и массивнее, но в стати и властности герцогу проигрывает. Барон отступает.

— Поскольку ваши намерения, герцог, не подкреплены реальными возможностями, я буду исходить из того, что репутация моей дочери разрушена. Вам следует это компенсировать.

Папаша века, ну зачем же так откровенно продавать дочь?

Если по началу симпатии зрительниц были на стороне барона, и уж точно не на стороне наглой соблазнительницы, уводящей чужого жениха, то теперь чаши весов качнулись в пользу Эшли. Неудивительно, что с таким отцом она счастлива заботой другого мужчины.

— Что здесь происходит?! Вы... Так это правда?! Вы не просто изменяете мне ещё до свадьбы, но имеете наглость делать это открыто? Герцог, вы потрясли меня до глубины души.

— Ани, — окликает новоприбывшую одна из адепток.

Я стискиваю кулаки. Я догадываюсь, кто насвистел официальной невесте в уши — Ася. Наверняка сегодняшнее «случайное» столкновение Эшли и барона результат её манипуляций.

Леди игнорирует знакомую, её внимание занимает только неверный жених и лгущая к нему Эшли.

— Публичное свидание с дочерью барона. Герцог, вам подсказать, что предусматривает вторая часть девятнадцатого пункта нашего брачного договора? Поскольку вы позволили себе позорящее меня поведение, согласно девятнадцатому пункту...

— Нет, Ани, послушай...

Что там за пункт такой хитрый, что герцог занервничал и вообще чуть ли не хвостиком завилчал?

— ...я расторгаю нашу помолвку. И требую оговоренную договором компенсацию.

— Ани...

— Ты зовёшь её Ани?! — не выдерживает Эшли.

Герцог оборачивается, вид у бедняги ошеломлённо-беспомощный. Видно не ожидал, что любимая, вместо того, чтобы поддержать его, набросится вместе с остальными.

— Дорогая, это просто привычка...

— Привычка?! Какая занятная привычка.

— Я просто не хотел, чтобы Ани раньше времени поняла, что я ищу способ выгодно расторгнуть договор. Но теперь! — сухой тон сменяется вспышкой ярости, и смотрит при этом герцог на Эшли. Не знаю, на кого он злится, вряд ли именно не Эшли, но достаётся ей.

Эшли вспыхивает, стискивает кулаки.

Интересно, а хоть кто-нибудь из весёлой компании осознаёт, как некрасиво звучат слова герцога.

Невеста услышала:

— Герцог, то есть вы признаётесь, что искали способ обойти условия договора, заключённого нашими отцами? Как мило. Вы не только нарушали договор, не только унижали меня публичными свиданиями со своей пассией, но и обманывали меня, заверяя в своих искренних чувствах. Кажется, мне стоит вернуть вам ваши недавние письма.

Хм, а невеста нравится мне всё больше и больше, пришла подготовленной.

Она достаёт пачку белых листов без конверта и небрежно бросает герцогу в лицо. Письма разлетаются по полу.

Эшли молниеносно хватается несколько из них, раскрывает.

— Как ты можешь, это мои письма! — герцог пытается выхватить листы из её рук.

Эшли отпускает. Она успела прочесть главное:

— «Милая», «Люблю тебя всем сердцем»?! Ты мне лгал!

— Нет же.

Невеста, теперь уже бывшая, теряет интерес к происходящему, отворачивается. К выходу она идёт как королева, с высоко поднятой головой и мягкой ничего не значащей улыбкой на губах. Официант по моему знаку останавливает леди и подаёт ей бумажный пакет с пышкой безе и картонный, да у нас есть и кофе на вынос, стаканчик фирменного латте:

— Комплимент от хозяйки, — поясняет парень и, поклонившись, отходит.

Леди слегка наклоняет голову, встречается со мной взглядом, и мы обмениваемся кивками.

— Ани! — герцог зачем-то пытается её удержать.

— «Ани»?! — у Эшли сдают нервы.

У герцога тоже. Перекосившись от злости, он рявкает:

— Да, Ани! Из-за тебя я только что потерял рудники, демоны тебя побери!

— Вот так ты меня любишь? Ярываю с тобой всяческие отношения, мне не нужна компенсация!

Взмахнув рукой, Эшли быстрым шагом направляется прочь. И герцог её не удерживает. Чуть успокоившись, он презрительно бросает:

— Барон, все слышали. Ваша совершеннолетняя дочь отказалась от компенсации и любых со мной отношений.

Герцог явно собирается уйти, но я его останавливаю:

— Достопочтенный, счёт.

Тихо ругнувшись, герцог следует за подскочившим к нему официантом.

Я же переключаюсь на финал семейной драмы: барон гонится за Эшли, не стесняясь зрителей, поносит свою дочь на чём свет стоит, обвиняет в распущенности и неблагодарности. А на террасе за ними с упоением наблюдает Ася

Прищурившись, я подхожу:

— Разве я не говорила, что моя территория не для разборок?

— Но хорошо же получилось? Больше я не доставлю хлопот, синьорна Катц.

— Уж будьте любезны, леди Жой.

Ася лучезарно улыбается:

— Удачи, синьорина. Прощайте.

— Взаимно, и вам удачи, леди. Прощайте.

Ася оставляет на столике щедрые чаевые и уходит, а я возвращаюсь в кафе.

Меня ждёт накрытый официантом стол. Но дойти я не успеваю.

Барон, то ли окончательно разругавшись с Эшли, то ли решив отложить скандал, вернулся в кафе.

— Дочь!

Я игнорирую обращение, притворяюсь глухой и слепой. Намёк настолько «жирный», что не понять его невозможно, однако барон упорно прёт вперёд, на плечо опускается его тяжёлая рука. Я чудом сдерживаюсь, чтобы не вздрогнуть. Изумительное бесстыдство...

— Простите, — я рывком разворачиваюсь, тем самым сбрасываю его ладонь ирываю дистанцию — но фамильярность в моём кафе недопустима.

Моя отповедь приводит барона в бешенство, но он сдерживается, кидает взгляд на Вредика и окончательно успокаивается, даже находит моральные силы улыбнуться:

— Ася, дочка...

— Простите, это какое-то недоразумение. Я синьорина Катц, никак не могу быть вашей дочерью.

— Ася, я понимаю, что ты сердисься на моё решение. Признаю, я отреагировал излишне бурно. Но я беспокоился о тебе! Ася, ты всегда хотела превзойти Эшли, и ты это сделала. Ты станешь леди, я сегодня же подам документы...

— Барон, пожалуйста, не утруждайте себя. Лучше пришлите счёт, во что вам обошлось моё содержание. Я возмещу все убытки. Вряд ли они превысят тысячу-полторы дублонов.

Барон багровеет, глаза наливаются кровью. Чёрт, надеюсь, его удар не хватит? Было бы нехорошо для репутации кафе...

— Ты!

— Барон, привилегии аристократа не дают вам права хамить. Более того, я не потерплю, чтобы с моей невестой общались в подобном тоне. Вам лучше уйти.

Ян оттесняет барона, подаёт мне руку, игнорирует потрясённые взгляды постоянных клиенток, их перешёптывания. Они-то были убеждены, что он простой официант. Ха, Ян самый популярный среди официантов. И вдруг такое преображение, наибольшее впечатление производят горящие зелёным светом глаза.

Галантно отодвинув стул, Ян помогает мне сесть.

Барон стоит посреди зала нелепым столбом, кипит от гнева, но против Яна пойти не решается.

— Ты ещё пожалеешь, Ася, — он разворачивается и, наконец, уходит.

Я дожидаюсь, когда он выйдет и хмыкаю ему вслед:

— Я Тали.

Свадебный аккорд

Присев на корточки, я подманиваю Вредика, но тот ни в какую не хочет вылезать из-под дивана. Ещё бы, он вольный дивный дух, а я пытаюсь повязать ему на шею пышный бант. Вредик вредничает. Можно, конечно, позвать слуг и распорядиться поднять диван, но...

— Вылезай.

— Фр-ря?

— Кто наши с Яном ауры подтолкнул к слиянию?

Вредик подгибает переднюю лапку и почти идеально копирует Своду:

— Фью.

— Хочешь сказать, что это всё дело лапок Своди?

— Мру!

— Больше десяти дней до её появления не ты мешал ауре Яна очиститься?

— Мр-ру?

— Вылезай. Раз начал нас женить, доводи до конца, а не бросай на полпути.

— Фру? — изумляется Вредик, но из-под дивана выбирается.

Я поднимаю его на руки, пересаживаю на стол. Вредик ворчит и возмущённо фыркает, однако нацепить на себя кремовый бант с серебряной каймой позволяет. Бант чуть ли не с Вредика размером, и я догадываюсь, что Вредик в нём не просто непривычно, а довольно трудно. Но сегодня мой день: день моей свадьбы и день моей вредности. Дивный дух тяжко вздыхает, пытаюсь воззвать к моей совести.

— Тебе идёт, — хмыкаю я.

— Мря...

В дверь раздаётся стук:

— Тали, ты готова?

— Да, дедушка!

По традиции невеста встречается с женихом в храме, куда её привозит отец, глава семьи или старший родственник. Меня сопровождает синьор Катц. Получив моё разрешение, он входит. В честь свадьбы дедушка облачился в парадный костюм. Если бы не седина и морщины, он бы выглядел

мужчиной в самом расцвете, но... Синьор Катц пристально смотрит на меня, улыбается, а в уголках его глаз скапливается влага, и он признаётся:

— Тали, ты сейчас так похожа на Рири.

От его слов мне становится горько.

Его взгляд затуманивается. Наверняка, он вспоминает сейчас свою первую и единственную любовь. Я тихонько вздыхаю.

Какое поразительное сходство... Разве мне не предстоит вспоминать Яна все свои следующие перерождения?

— Будь счастлива, Тали. Будь счастлива так, как мы с Рири не смогли.

— Дедушка?

— Не обращай внимания. Сегодня ты не должна думать о грустном. Пойдём, не будем мучить твоего Яна долгим ожиданием.

Вопреки традиции, что невеста в храм едет с сопровождающим, в экипаж забрались все: синьора Либель, Дамир, Эдан. Я слегка удивляюсь, увидев Дамира. Хотя через арку я часто возвращалась в столицу, большую часть времени я проводила в Кайтере, и с ним я почти не общалась.

Встретив мой взгляд, Дамир прищуривается:

— Тали. Я знаю, что и мама с папой, и брат уже сделали тебе подарки, и только я отстаю.

Руки у него подозрительно пусты. Значит, подарок будет... интересным.

— Дамир, лучший подарок — это внимание. Ты провожаешь меня в храм.

— Нет, мы все тебя провожаем. Подарок... Ты украла у меня помощника.

Ой, какой резкий переход. Подумаешь, одолжила Лена Вайтера и пока не вернула.

— Ну...

— В качестве подарка я передаю тебе его рабочий контракт. Точнее, уже передал Эдану, он же у тебя на побегушках.

— Пфф! На побегушках? — Эдан расхохотался, ткнул брата локтем в бок. — Дамир, просто признайся, что ты мне завидуешь!

Дамир независимо пожимает плечами и отворачивается.

Со смехом, шутками и болтовнёй время в пути проходит как одно мгновение. Экипаж останавливается. Со своего сидения резко приподнимается синьора Катц, делает шаг ко мне и стискивает в крепких объятиях:

— Тали, негодная девчонка, ты едва вернулась в семью и тотчас сбегаешь. Ты должна навещать нас как можно чаще.

Я крепко стискиваю синьору Либель в ответ, и разжимать объятия совсем не хочется, но меня ждёт Ян, и дедушка помогает мне выйти из экипажа, провожает к дверям храма. Мы вместе в ходим, вместе кланяемся статуе в передней части храма.

Жрец выходит незаметно и слегка склоняет голову:

— Дори, приветствую вас. Синьор Катц, даёте ли вы своё родительское благословение вашей внучке синьорине Талиасе Катц на брак с господином Янером Феликсом?

— Да, даю.

А что было бы, если бы дедушка отказался?

Жрец снова кланяется и протягивает мне руку:

— Дори, господин Янер Феликс ждёт вас.

Дедушка привлекает меня к себе и целует в лоб. В уголках его глаз вновь слёзы, но он улыбается и отступает.

Почему мне горько? Я ведь счастлива!

Я вкладываю свою ладонь в протянутую руку, и жрец уводит меня в один из коридоров храма. Тяжёлый занавес символично отрезает меня прошлого. Конечно, я не брошу семью Катц, я полюбила их всей душой, я буду часто навещать их, я буду играть с бабушкой в шахматы...

Жрец внезапно останавливается:

— Дори, согласны ли вы стать женой господина Янера Феликса, хранить ему верность, уважать его, поддерживать и любить?

— Да, согласна.

Жрец принимает мой ответ и ведёт меня дальше.

Коридор поворачивает и приводит нас в круглый зал, перечёркнутый плотной ширмой. За ней угадываются два силуэта. Ян и второй жрец?

— Фр-р! — Вредик, метнувшись из-под ног, в три прыжка оказывается за ширмой.

Раздаётся ответное:

— Фью.

Кажется, фамильяры нарушили ход обряда, жрец растерянно кашляет в кулак.

— Я люблю синьорину Талиасю Катц, — раздаётся спокойный, чуть насмешливый голос Яна. — Я готов уважать её, оберегать и поддерживать до конца моих дней. Я клянусь хранить верность и быть достойным мужем.

Жрец подводит меня к ширме и ведёт вдоль неё. Я догадываюсь, что с противоположной стороны Ян шагает параллельно со мной. У крайнего столбика ширмы жрец меня останавливает и жестом просит вытянуть руку.

Откуда-то сбоку выныривает подросток в ритуальных одеждах. В его руках подушечка, на которой лежит широкая белая лента. Жрец берёт за один её конец. Вышедшая из-за ширмы жрица — за другой. Жрецы растягивают ленту, а затем крепко связывают наши с Яном запястья.

— Отныне и навсегда ваши судьбы связаны, — торжественно объявляют они хором.

Ян первым огибает край ширмы. Наши глаза встречаются, и Ян обнимает меня одной свободной рукой. Мы переплетаем пальцы, а поцелуй кружит голову. Я забываю про жрецов, про праздник, про то, что нас ждут, чтобы поздравить. Я чувствую переполняющее меня тепло. В отличие от Яна я не могу видеть ауры, и я никогда не смогу научиться видеть их также ясно, как Ян, не в этой жизни, но ощущение единства настолько яркое, что мне начинает казаться, будто отныне у нас одна аура на двоих. А поцелуй всё длится, длится... Мне не хватает воздуха, и Ян отстраняется. Мы замираем, глядя друг другу в глаза.

— Тали, наконец-то я могу назвать тебя госпожа Феликс.

— Я люблю тебя, Ян.

Лента вспыхивает серебристым сиянием и медленно тает, оставшись на наших запястьях тонким слоем мерцающей пудры.

Мне говорили, что теперь мы, продолжая держаться за руки, должны вместе выйти к ожидающим нас близким, родным, друзьям, но Ян не позволяет сделать мне и шага, подхватывает на руки.

— Лёдинка, спасибо, что нашла меня.

Ян говорит о той далёкой встрече в коридоре, когда я была ещё Аси и мы провели первую ночь вместе. Он даже не представляет, насколько он угадал.

Эпилог

Я сижу на террасе нашего с Яном дома в Кайтере. За прошедшие годы долина преобразилась. Половина долины, если быть точной. Граница по-прежнему проходит по ручью, но теперь вода скрыта под плотным ковром водорослей. По ту сторону пустырь и бастион академии. По эту сторону границы раскинулся город. Мы с Эданом осуществили наш дерзкий проект, и на карте Эспарта появился Катцград. Надо признать, немалый вклад внёс Ян, после отставки открывший в себе

коммерческую жилку.

— Доброе утро, Тали.

По сложившейся традиции незадолго до восхода я выхожу на улицу, устраиваюсь за столиком лицом на восток и встречаю поднимающееся из-за горизонта солнце. А Ян подходит ко мне с подносом в руках и ставит перед нами две чашки.

Я люблю кофе. «Ванильный латте» расширил ассортимент. Удобно, когда можешь парой кликов на мобильнике открыть сотню самых разных рецептов: кофе с яйцом, кофе со сметаной, кофе с перцем. Остаётся продиктовать рецепты секретарю и передать баристо.

Но в чашках горячий шоколад, ведь когда ждёшь малыша, кофе противопоказан.

У нас с Яном уже родился сын, и теперь мы мечтаем о дочке.

Сынок же, точная копия Яна, стал нашим спасением: и Вредик, и Сводя перебрались в детскую, дивные духи неожиданно оказались превосходными нянями. И охраной.

— Тали, о чём задумалась?

— О том, как я люблю тебя. Я вспоминаю...

— Хм?

— Кажется, я забыла сделать задание наставницы.

— Тебе помочь?

Живот ещё не обозначился, чувствую я себя хорошо, так что я продолжаю не только вместе с Эданом и Яном заниматься делами города, но и учиться. Феи не обманули: они отправили делегацию в столицу. Насколько мне известно, встреча с королём прошла тайно. О чём феи договорились с его величеством, я не знаю. Кайтерская академия магии продолжила обучать адептов и вольнослушательниц, мужчинам на территорию академии по-прежнему хода нет, единственное исключение феи сделали для Яна, разрешив ему меня сопровождать.

Мы допиваем горячий шоколад, Ян берёт меня за руку, целует пальцы. Сынуля вот-вот проснётся, и Ян возвращается в дом, а я остаюсь сидеть на террасе. Я всё ещё не теряю надежды выполнить задание, но сперва открываю свежий номер «Светского сплетника». Главная тема выпуска — свадьба бывшей невесты главного героя «Фаворитки герцога». Леди не нашла достойного кандидата в Эспарте и выходит замуж за рубеж, за графа.

Пожалуй, она единственная, кого разразившийся тогда скандал не затронул. Герцог до сих пор холост. По слухам, он дважды сватался, но оба раза получал решительный отказ. Леди Эшли-Саманта больше нежеланный гость в свете, но, после того, как барон покинул столицу, она начала новую жизнь, учится в Королевской академии, и, вроде бы, собирается поступать на государственную службу в одно из министерств.

А вот леди Дана-Филиса Жой, настоящая Ася, продолжать обучение не стала. Безнадёжно завалив экзамены, она покинул Кайтер, но и в свете успеха не встретила, снискав славу пустоголовой дурочки.

Я перелистываю последние страницы «Сплетника», закрываю журнал. Я понимаю, почему редакция пишет об аристократах, но, как по-мне, статья, например, об Эдане, была бы гораздо интереснее, построить город не каждому дано. В отличии от азартно-амбициозного Эдана, Дамир унаследовал осторожность синьора Катца, и дедушка подумывает полностью передать дела Дамиру, чтобы перебраться к нам в Катцбург. Дом уже готов. Дамир, кстати, женился, и синьора Либель недавно стала бабушкой, теперь она не спускает долгожданную внучку с рук.

Улыбнувшись воспоминаниям, я напоминаю себе, что задание наставницы само себя на сделает. Феи учат меня по расширенной программе, так, как будто я одна из сестёр. Не знаю, что они во мне увидели. Может быть, из-за ауры?

Я склоняюсь над столешницей. Моя задача создать вестника — иллюзорную птичку, с помощью которой наставницы передают друг другу сообщения.

Но вместо птички на столе оказывается мобильник. Я с некоторым удивлением беру его в руку. Я ведь его не звала. Откуда?

«Душа, поздравляем! Баланс вашего счёта составляет десять тысяч карат»

— Хм..., — ничтожно мало, чтобы выйти из Системы.

Моя нынешняя жизнь настоящее чудо. Останься я в родном мире, меня бы не ждало и сотой доли того счастья, которое я обрела в Эспарте. Здесь я живу, а там я... существовала. Если бы вдруг я вернулась в то мгновение, в больницу, то, отвечая на вопрос Системы, я бы осознанно выбрала «да». Но мысль о будущих перерождениях меня по-прежнему пугает. Я готова однажды расстаться с дедушкой, с синьорой Либель, с Эданом, Дамиром. Они мне бесконечно дороги, они моя семья, но у каждого из нас своя судьба. Потерять Яна я не готова. Мерцающие свадебные блёстки стёрлись быстро, значение осталось навсегда — одна дорога на двоих.

«Звонок оператора Системы»

О? Мы не общались несколько лет, и вдруг...

— Да? — отвечаю я, приняв вызов.

— Душа, доброго времени суток! Вас приветствует оператор Системы, — из мобильного раздаётся знакомый бархатистый баритон.

Я невольно улыбаюсь:

— Доброго времени, господин оператор. Вы решили поинтересоваться, как у меня дела или когда я потрачу накопленные караты?

— Душа, я всего лишь хочу лично поздравить вас с достижением.

Хм? Разве это так необходимо? Чутьё подсказывает, что есть иная причина.

— Господин оператор, позвольте поблагодарить вас.

— Душа, на вас несколько непохоже.

— А я благодарю вас не за поздравления, а за подсказку. Вы ведь... понимаете, что я имею в виду?

— Душа, я счастлив, что смог быть вам полезным, — его голос сладким мёдом заливает уши. — Душа, в честь вашего достижения я хочу сделать вам небольшой подарок. Надеюсь, вам понравится.

Просто подарок?

— Благодарю.

— Душа, спасибо, что выбрали Систему. Желаю вам приятных перерождений.

Вот и поговорили...

На экране вспыхивает сообщение:

«Душа, вам активировано бонусное расширение функционала приложения»

Хм?

Я достаточно доверяю оператору, чтобы сходу не объявить странный подарок злой шуткой или издёвкой. Кликаю на иконку Системы, дожидаясь загрузки. Набор вкладок не изменился, и первым, как всегда, открылся навязчивый каталог. Вроде бы в нём изменений нет. Я переключаюсь на основную вкладку. Не ожидала, что найду дополнение так быстро. Под краткой справкой о моём нынешнем перерождении появилась кнопка «Подробнее». Я нажимаю, и выскакивает новое окно.

Та-ак... Оказывается, в Системе у моей души есть числовой идентификатор — длинная последовательность цифр, которая мне ни о чём не говорит. Ещё в новом окне можно задать желаемое обращение вместо стандартного, но я уже к стандартному привыкла, не вижу смысла менять.

Чуть ниже надпись:

«Душевных связей: 2»

Хм? Хочу ещё подробнее.

Детали послушно раскрываются. Первая связь с носителем, проще говоря с превращённым в артефакт мобильником, который будет сопровождать меня на всех перерождениях. А вот вторая... с Вредиком. Дивный дух получил в Системе свой идентификационный номер. Получается, если Вредик захочет, он сможет пойти со мной в следующую жизнь?

Но истинный подарок оператора — кнопка «Создать связь». Мне доступно установление всего одной связи, но это истинно божественный подарок.

— Ян, — нетерпеливо зову я. — Скажи «да»!

В другие миры, куда бы нас ни закинула Система, мы отправимся вместе.

Конец